

[Polaris]

ГАСТОН
ЛЕРУ

НЕВЕСТА
СОЛНЦА

Роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХІ

Salamandra P.V.V.

**Гастон
ЛЕРУ**

НЕВЕСТА СОЛНЦА

Роман

Salamandra P.V.V.

Леру Г.

Невеста Солнца: Роман. Пер. с фр. З. Ж. Подг. и ред. текста Л. Панаевой. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 245 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXI).

Приключенческий роман знаменитого Гастона Леру переносит читателя в Южную Америку начала XX века, куда прибывает молодой французский инженер Раймонд Озу в сопровождении своего чудаковатого дядюшки-ученого. На фоне волнений среди индейцев Перу и слухов о возрождении кровавых ритуалов инков похищена возлюбленная Раймонда. Станет ли Мария-Тереза новой «невестой Солнца», принесенной в жертву на таинственной церемонии в забытом храме? Раймонд, его дядюшка и отец Марии-Терезы бросаются на поиски девушки, пересекая охваченную революцией страну...

НЕВЕСТА СОЛНЦА

КНИГА ПЕРВАЯ

БРАСЛЕТ ЗОЛОТОГО СОЛНЦА

Пароход едва успел войти в гавань Кальяо¹, не успел даже бросить якорь, как им завладела толпа крикливых тиранов-лодочников. Палуба, лестницы, каюты, столовые, — все мгновенно захлестнула эта живая волна, стремившаяся унести с собой пассажиров. Дядюшка Франсуа-Гаспар Озу, академик, член Отдела надписей и изящной словесности, усевшись на чемоданы, где были спрятаны все его бумаги и драгоценные справочники, энергично защищался от этого нашествия.

Напрасно ему доказывали, что пароход не сможет пристать к набережной раньше, чем через два часа, — он цеплялся за свои сокровища, клянясь, что не расстанется с ними ни за что на свете... Позволить этим темнокожим дьяволам бросить в утлые суденышки столь драгоценный багаж — подобная мысль, очевидно, не могла прийти в голову ученому. И весь его гнев обрушился на молодого человека, его спутника, осмелившегося высказать вслух эту дерзкую мысль. Но молодой человек, видимо, был не из робких: нимало не смутившись, Раймонд Озу преспокойно пожал плечами, которым мог бы позавидовать атлет, и решил предоставить дядюшке самому выбиратья с корабля. Он же слишком торопился, а потому прыгнул в первую попавшуюся лодку и тотчас приказал гребцу посильнее налечь на весла.

С бьющимся сердцем Раймонд Озу вглядывался в приближавшуюся к нему страну его грез, — страну золота и легенд, сказочное Перу древних инков², страну, таящую и

---

¹ Приморский город в Перу (Южная Америка).

² Инки — царский род, правивший в древности индейским населением Перу, впоследствии завоеванным испанцами под предводительством Франсиско Писарро.

другие сокровища, более ценные для него, Раймонда. Недаром у него так билось сердце.

Он ничуть не был разочарован однообразием открывшегося перед ним прибрежного пейзажа. Его не огорчило то, что город плоский, некрасивый, лежит почти на одном уровне с морем, что в нем нет колоколен, башен и минаретов, которые в древних городах обычно еще издалека кивают путешественникам, будто приветствуя их. Не заинтересовался он и хитрой конструкцией мола, хоть и был молодым инженером, только что выпущенным из «Центральной школы». Его, надо полагать, интересовало нечто совсем иное...

Встреча

По его просьбе лодочник указал, где приблизительно находится Лимская *калле* (улица), и молодой человек уже не отрывал своего взгляда от указанного ему места. Выскочив на берег, он бросил несколько *сентаво*¹ лодочнику, бесцеремонно растолкал навязчивых гидов, переводчиков, провожатых и прочих паразитов, сразу осадивших приезжего, и зашагал в указанном направлении. Калле Лима, по-видимому, служила как бы границей между старым городом и новым. В этом последнем, расположенном выше первого, была сосредоточена вся крупная торговля: огромные дома, прямые широкие улицы с непрерывными рядами магазинов французских, испанских, английских, итальянских, немецких. В старом городе, внизу, улицы были узенькие, путанные, красочные; дома с колоннадами, с верандами громоздились один на другой, захватывая все свободное пространство. На каждом шагу в этом лабиринте Раймонда толкали китайцы-носильщики, ловко справлявшиеся с тяжелыми, громоздкими ношами, и лениво бредущие с

---

¹ Мелких монет.

пустыми руками индейцы. Несколько *ранчо* (кабачков), посещаемых главным образом матросами, радуясь прохладе, открыли свои двери прямо на улицу... Раймонд никогда раньше не бывал в Кальяо, но шел с такой уверенностью, словно отлично изучил этот город, лишь изредка замедляя шаг на перекрестках. Внезапно он остановился, как вкопанный и, побледнев, прислонился к облупившейся стене старого дома, с полуоткрытой веранды которого до него доносился звучный женский голос. Голос был молодой и приятный — и звучал очень уверенно, заявляя по-испански невидимому собеседнику:

— Как вам будет угодно, сеньор, но за эту цену вы можете получить лишь низший сорт гуано¹. В нем всего 4% азота, да и то...

Разговор закончился обменом учтивостями; потом внизу хлопнула дверь... Раймонд, волнуясь все больше, шагнул к веранде и заглянул... На веранде сидела молодая женщина редкой красоты, но лицо у нее было строгое. Может быть, работа, которой она была в данный момент занята, придавала ей такой строгий вид: она просматривала большие кассовые книги, наводя какие-то справки, и вписывала цифры в крохотную записную книжечку; книжечка висела на золотой цепочке, охватывавшей прелестную, стройную талию. Вероятно, оттого, что работа эта поглощала все внимание молодой девушки, брови ее были сдвинуты, между бровей залегла складка, и профиль казался суровым. В этой женщине не было и следа томности креолок, не было и типичной испанской красоты, если не считать роскошных черных волос. У нее было тело Кармен и голова Минервы — голубоглазой Минервы, богини мудрости, из которой вышла бы превосходная конторщица. Наконец она подняла голову.

— Мария-Тереза!

— Раймонд!

---

¹ Птичий помет, в изобилии находимый на островах Тихого океана; превосходное удобрение и главный предмет торговли Перу.

Огромная зеленая книга с шумом свалилась на пол. Молодая девушка подбежала к окну. Раймонд схватил ее руки и не выпускал, покрывая их поцелуями... А она — она смеялась... смеялась от радости, что видит его, такого высокого, сильного, красивого, с золотистой бородкой, делавшей его похожим на ассирийского волшебника.

— Ну, как дела с гуано?

— Недурно. А ваши?.. Но ведь вас ждали только завтра.

— Мы сэкономили одну остановку.

— Как поживает моя маленькая Жанна?

— О, моя сестра уже совсем большая: у нее скоро будет второй ребенок.

— А Париж?

— В последний раз, когда я видел его, шел проливной дождь.

— А Сакре-Кер?¹

— Ну, там-то я, понятно, не бывал после вашего отъезда.

— Говорят, он продается.

— Как я жалею, что я недостаточно богат, чтобы купить его... если б можно было взять оттуда только приемную... тот уголок, где мы сидели, поджидая вас и Жанну...

— Позвольте... А где же ваш дядюшка? Куда вы его девали?

— Не захотел бросить свою коллекцию — так и остался на пароходе. Все что-то записывает, словно Америку открыл... Но где же у вас дверь? Боже мой, где же дверь?.. Я не смею влезть к вам через окно... И потом — я вам мешаю...

— Страшно. Тем не менее, обойдите вокруг дома — первая дверь направо — и постучитесь, прежде чем войти.

Справа были огромные ворота со сводами; они вели в огромный двор, где суежилась и сновала целая армия китайских кули² и индейцев-кечуа. Большие нагруженные телеги с грохотом въезжали под своды ворот; другие порожня-

---

¹ Женский монастырь, являющийся вместе с тем и закрытым учебным заведением для девиц из аристократических семейств.

² Носильщики.

ком выезжали обратно в гавань. «И она тут всем верховодит!» — с радостным трепетом подумал молодой инженер.

Она ждала его на пороге конторы, радостно улыбаясь.

Она заперла дверь и подставила ему свой лоб.

— Поцелуйте меня.

Смущенно и робко он поцеловал ее в пышные волосы. Это было впервые. Она была взволнована гораздо меньше. И, видя, что он стоит растерянный, не зная, куда деть руки и восторженно любуясь ею, она первой спросила:

— Значит, мы любим друг друга?

— О! — молодой инженер стиснул руки так, что пальцы хрустнули.

— Почему же мы раньше не признались?

— Разве теперь уже поздно?! — в ужасе вскрикнул Раймонд.

— Успокойтесь — нет. Я только что отказала моему четвертому жениху, дону Алонсо де Куэльяру: в Лиме это, пожалуй, самая блестящая партия, милый мой Раймонд! Отец жутко взбешен. Кстати, вы и не спросите, как поживает мой отец?

— О! простите... Ну да, конечно, и отец, и братья... Я совсем растерялся, поглупел... я только все смотрю на вас...

— Мой милый папочка чувствует себя превосходно. И очень рад вашему приезду, то есть, главным образом, приезду вашего дядюшки, так как вы, собственно, не в счет. Он счастлив возможности принять у себя академика, известного ученого. Вот уже месяц, как он только и говорит об этом — и в своем клубе, и в географическом обществе, где его выбрали секретарем. О да, мой папочка — человек занятой... он занимается археологией... Он всюду велит копать землю в надежде разыскать кости наших предков... Его это так занимает... Никогда еще он не казался таким молодым и таким оживленным... Когда вы поближе его узнаете, вы очень его полюбите.

— Но сейчас... вы только что сказали: он взбешен.

— Еще бы! Я ведь уже засиделась в девках... Двадцать три года... Да-с, сударь мой... И вот, за меня сватаются подряд четыре молодых, красивых и богатых сеньора, а я им по-

даю карету... Знаете, как меня прозвали в Лиме? *Дева Солнца*.

— Это что же значит?

— Тетушка Агнесса и старая Ирена, заучившие наизусть все местные легенды, объяснят вам это лучше моего. Повидимому, это что-то вроде античной весталки.

— Мария-Тереза, никогда ваш батюшка, маркиз Кристобаль де ла Торрес, не согласится взять в зятя Раймонда Озу.

— Не говорите глупостей. Мой батюшка сделает то, что я хочу. Позвольте мне только самой выбрать благоприятный момент, чтобы сказать ему — больше я ни о чем вас не прошу — и не взвинчивайте себя. Никакого романа не будет, и через три месяца мы самым прозаическим образом повенчаемся в Сан-Доминго. Уж в этом я вам ручаюсь...

— Но у меня ни гроша за душой.

— Вы молоды, здоровы, мы любим друг друга — чего же еще! Перу — золотое дно: есть чем заняться инженеру... Я уже заранее заинтересована вашими будущими работами... Мы вместе съездим в Куско...

— Мария-Тереза!.. Мария-Тереза! Как я вас люблю! как я счастлив, что могу сказать вам это!.. Почему мы так и расстались, не сказав об этом друг другу в Париже?

— Потому что мы не знали... Живешь рядом, видишься каждый день... как друзья, как добрые товарищи... потом расстаешься... и вдали, в разлуке... убеждаешься, что любишь...

— О, я и раньше знал, что люблю вас.

— Да, но первой об этом сказала вам я.

Они взялись за руки и некоторое время стояли молча.

Внезапно на дворе послышался какой-то шум — и почти тотчас же дверь отворилась. В комнату ворвался перепуганный служащий. При виде незнакомого гостя он смутился и запнулся на первом слове... Мария-Тереза приказала ему говорить, и Раймонд, недурно знавший испанский язык, понял, что случилось несчастье.

— Там, на островах, было целое сражение между индейцами и китайскими кули. Один кули убит, трое серьезно ранены.

Мария-Тереза приняла это известие совершенно спокойно. Только спросила сухо и сурово:

- Где это было?.. На Северных островах?
- Нет — в Чипче.
- Разве Гуаскара не было с ними?
- Был. Он и вернулся с ними. Он здесь.
- Позовите его сюда.

Индеец Гуаскар

Служащий вышел, а минуту спустя в дверях появился великолепный индеец. Как ни хорошо владела собой Мария-Тереза, этот был еще невозмутимей ее. Молодая девушка снова уселась за конторку. Индеец спокойно подошел к ней, на ходу полным благородства жестом снимая огромную шляпу. Это был уроженец Трухильо — края самых рослых, красивых и сильных людей, где всякий считает себя потомком самого Манко Капака, первого царя из рода инков. Его густые черные волосы ниспадали на плечи, обрамляя профиль, словно высеченный из красной меди. Во взоре его, устремленном на Марию-Терезу, была какая-то странная нежность, которая сразу не понравилась Раймонду. Индеец был задрапирован в *пончо* — плащ ярких цветов. За поясом у него торчал из ножен нож.

— Расскажи мне, как это произошло, — строго сказала Мария-Тереза, не ответив на его поклон.

Несмотря на свое хладнокровие, индеец, видимо, несколько смутился от такого холодного приема в присутствии чужого и заговорил на языке кечуа. Но молодая девушка тотчас же попросила его говорить по-испански, вдобавок строго заметив, что в хорошем обществе не принято говорить при чужом человеке на непонятном ему языке. Индеец нахмурился от этого выговора и с минуту презрительно, свысока, смотрел на Раймонда.

— Я жду, — сказала Мария-Тереза. — Твои индейцы уколошили моего китайца.

— Бесстыдный сын Запада смеялся над тем, что наши индейцы зажгли *козты*¹ в честь новой луны.

— Я плачу жалование индейцам не за то, чтобы они забавлялись пусканием ракет.

— Это был благородный праздник новой четверти луны...

— Да, сегодня четверть, завтра половина, потом полнолуние... А солнце... а звезды... а католические праздники: одних этих целая уйма.. Твои индейцы только и знают, что праздновать. Лентяи, пьяницы! Я их потому только и терпела, что они — твои друзья; но раз они начинают убивать моих слуг, которые служат мне лучше их, я больше терпеть не стану.

— Бесстыдные сыны Запада не слуги тебе — они не любят тебя...

— Они работают.

— За грош... У них нет и капли достоинства... Собачьи дети!

— Они мне служат, а твоих я держу только из жалости.

— Из жалости!

Индеец словно выплюнул это слово. И, взмахнув рукой, потряс над головой кулаком — жестом угрозы и отчаяния... Но рука его тотчас же опустилась... Он направился к двери, но прежде, чем отворить ее, обернулся и с порога бросил Марии-Терезе скороговоркой несколько фраз на языке кечуа. Глаза его метали молнии... Он гордо завернулся в свой яркий плащ и вышел.

Молодая девушка все время машинально играла карандашом.

— Счастливого пути! — бросила она ему вслед.

— Что он вам сказал?

— Что он уходит, и я не увижу его больше.

— Он страшно зол.

— Это он напускает на себя. Мне это надоело. Он очень предан нам. Уверяет, будто сделал все возможное, чтобы предотвратить несчастье. Но его индейцы — невозможный

---

¹ Фейерверк.

народ!.. Гордость невероятная, а работать не желают. С этого дня я буду брать только китайцев.

— Берегитесь, как бы это не повредило вам!

— А что же прикажете делать? Я держала индейцев Гуаскара, хоть и знала, что пользы от них никакой, в качестве громоотвода. Но раз они убивают моих кули... Могут проваливать на все четыре стороны.

— А Гуаскар?

— Как знает. Он вырос у нас в доме. Он обожал мою мать.

— Ему, должно быть, будет тяжело уйти.

— Наверно.

— И вы даже не попытались удержать его?

— Нет... Но мы забыли о вашем дядюшке.

Она позвонила.

— Автомобиль, — кинула она слуге. — А... а что индейцы?

— Ушли вместе с Гуаскаром.

— Все ушли?

— Все.

— Без крика... без ропота?

— Без единого слова.

— Жалованье получили?

— Нет. Даже и не спрашивали. Гуаскар запретил им.

— А кули?

— Они не возвращались с островов.

— Но где же раненные... убитый?.. Что с ними сделали?

— Китайцы сами унесли их в свой квартал.

— Отличный народ... Живей автомобиль!

Она уже успела надеть кокетливую маленькую шапочку и торопливо натягивала перчатки. И сама села править мотором.

Они быстро спустились к *муэлле*¹ Дарсена. Раймонд восхищался ловкостью, с какой его невеста избегала препятствий, ее самообладанием, рассчитанностью каждого ее движения в этом квартале, полном неожиданностей. Мальчуган в ливрее — грум или «бой», как их здесь называют —

---

¹ Мол.

скорчившийся на подножке, нисколько не пугался, когда автомобиль едва не задевал стены.

— Вы много ездите на автомобиле здесь, в Перу?

— Конечно, нет... дороги слишком плохи. Я езжу, главным образом, из Кальяо в Лиму¹, куда, разумеется, возвращаюсь на ночь. Потом иногда езжу к морю, на дачу, в Анкону или Корильос... Одну секундочку, мой милый Раймонд.

Она затормозила и ласково послала рукой привет кукольной головке, розовой и завитой, улыбавшейся ей из окна меж двух горшков цветов. По знаку Марии-Терезы голова исчезла и появилась снова в низкой двери на плечах изящного маленького старичка, разодетого в пышный мундир. Мария-Тереза соскочила на тротуар и о чем-то пошептала с кудрявой головкой, после чего снова вскочила в автомобиль, дала сигнал рожком и продолжала свой путь к гавани.

— Это, — пояснила она, — сеньор главный инспектор, начальник местной полиции. Надо же было уведомить его о происшедшем. Все обойдется благополучно, если китайцы не будут жаловаться в суд. Я поехала этой дорогой, так как была уверена, что найду его здесь.

— То есть, где именно?

— У малютки Женни. Мы в квартале любви, мой милый Раймонд.

Они не опоздали. Буксирный пароходик только что причалил к пристани, таща за собой большой почтовый пароход Тихоокеанской компании, на котором дядя Франсуа-Гаспар, должно быть, все еще сидел над своей записной книжкой, записывая: «При входе в гавань Кальяо вам прежде всего бросается в глаза...» и так далее, и так далее.

Он обещал посылать путевые заметки в одну из вечерних парижских газет. Если бы он только слышал, с каким энтузиазмом Мария-Тереза говорила о «своем» порте! Французская строительная компания затратила на него 60 миллионов... товары перегружают прямо с палубы в вагоны железной дороги... бассейн шириной в 20.000 с лишним мет-

---

¹ Столица Перу.

ров... Да, да! вы не шутите.... Ах, как она любит этот город за кипучую жизнь набережной, и судов, и гавани... А вот, погодите, выроют Панамский канал — тогда что будет!.. Возродится бывшее величие Перу... Перу затмит Сантьяго... О Чили и говорить-то нечего: это будет отплата за поражение 1878 года. Тогда держись и Сан-Франциско...

Раймонд с изумлением слушал, как она называла цифры, точно инженер-строитель, вычисляла барыши, точно подрядчик. Вот умная головка!.. Но это-то ему и нравилось — он терпеть не мог пустых, ни на чем не основанных фантазий, как у дядюшки, который способен был выдумать собственную всемирную историю, строя ее на каких-то химерических гипотезах.

— Все это было бы чудесно, — прибавила она, нахмутив брови, — не делай люди глупостей. Но они снова начинают глупить.

— В каком смысле?

— Да революцию устраивают.

Они вышли на набережную и ждали, когда пароход подойдет к берегу.

— А! И у вас здесь тоже? Мы проездом уже видели одну революцию в Венесуэле и другую в Гуаякиле. Город был объявлен на осадном положении. Уж не знаю, какой генерал им командовал, но только он хотел идти на Кито, где было осаждено законное правительство.

— Да, здесь это, как эпидемия — вдоль всей цепи Анд. И в Боливии тоже беспокойно. И с озера Титикака вести тревожные.

Раймонд сразу заинтересовался.

— Однако, это может помешать мне в задуманном предприятии...

— Да. Я просто не хотела говорить вам сразу... думала отложить на завтра... сегодня ничто не должно нарушать нашей радости... но и окрестности Куско в руках сторонников Гарсии.

— Кто это — Гарсия?

— Он когда-то был влюблен в меня.

— Здесь, кажется, все в вас влюблены, дорогая.

— Если б вы знали, как они мне все надоели!.. Вы понимаете, ведь я приехала из Парижа... На моем первом балу на меня так и сыпались объяснения в любви... Они здесь нестерпимы... Настоящие дети... В особенности этот Гарсия, который поднял всех индейцев вокруг Арекипы и Куско... Он хочет сесть на место нашего президента... Но Вентимилья не так-то легко поддастся.

— Что же — против него высланы войска?

— Да, целых два отряда... Но они, разумеется, не станут драться.

— Чего же они ждут?

— Большого праздника *Интераимы*.

— Что это за праздник?

— Праздник солнца — у кечуа... Ах, эти индейцы — ужасный народ! Надо вам знать, что три четверти войск — и правительственных, и революционных — состоят из туземцев... Ну, вот они и ждут праздника, чтобы напиться вместе... В конце концов, Гарсии придется удирать в Боливию, но пока гуано, по крайней мере на три месяца, упадет в цене... А это путает все мои расчеты...

Она обернулась к дядюшке, который махал ей с палубы своей записной книжкой, словно носовым платком. Пароход причалил; выкинули сходни. Они поднялись на борт, и Мария-Тереза с радостью расцеловала доброго старика, так удачно выдумавшего приехать в Перу. И, подобно племяннику, дядюшка первым делом спросил ее:

— Ну что? Как дела с гуано?

Прекрасные туземки

В семье Озу Марию-Терезу привыкли видеть такой молоденькой, веселой, такой «девочкой», что до сих пор не могли опомниться от ее внезапного решения вернуться в Перу и, заменив умершую мать, принять на себя заведование одной из крупнейших концессий на поставку естественного удобрения — гуано, которое производят тихоокеанские ост-

рова.

Но, когда пришло известие о смерти матери, Мария-Тереза не могла не вспомнить, что там, на родине, у нее брат и сестренка, Кристоаль и Изабелла, а отец ее — сам как ребенок и, будучи истым вельможей, умеет только тратить во время наездов в Париж все, что сумела нажить ее мать.

Эта последняя, дочь судостроителя из Бордо, вышла замуж за пленительного маркиза Кристоаля де ла Торреса, состоявшего при перувианском посольстве, как раз в тот момент, когда вельможа этот весьма нуждался в золоте, чтобы позолотить свой герб. Знакомство состоялось на морских купаньях в Понтальяке. А на следующую зиму маркиза переселилась в Перу, привезя с собой, помимо приданого, незаурядный, трезвый ум, большие коммерческие дарования и предприимчивость, — заставившую ее, к большому огорчению мужа, взяться за добывание гуано, в то время как другие разорялись, добывая золото (в Перу его, может быть, больше, чем где бы то ни было, но в стране тогда не было ни путей, ни дорог). Маркиз убедился, что может теперь с легким сердцем черпать полными пригоршнями из кассы, которая беспрестанно пополнялась, и простил жене это неожиданное богатство; а когда жена умерла, он не особенно удивился, найдя в дочери маркизы те же полезные добродетели, какими отличалась мать. Он предоставил дочери полную свободу и был очень благодарен ей за то, что она взяла на себя все серьезные дела.

— А где же мой добрый Кристоаль? — спрашивал дядюшка, зорко следя за выгрузкой своего багажа.

— Он ждал вас только завтра. В географическом обществе, господин Озу, вам готовят торжественный прием.

Оставив на вокзале на сохранение свой чемодан, Франсуа-Гаспар согласился, наконец, сесть в автомобиль, и Мария-Тереза со всей возможной скоростью помчалась в Лиму. Она хотела добраться домой засветло, а в странах Южной Америки сумерки наступают внезапно.

Миновав скопище домиков из *алопа* — обожженных на солнце кирпичей — и несколько красивых дач, они поехали

вдоль длинной топи, поросшей камышом и диким терном и местами прорезанной банановыми и тамариндовыми рощицами, посадками эвкалипта и сосен-араукарий. Все кругом было выжжено солнцем, засухой, не освежаемой ни единой каплей дождя; окрестности Лимы и Кальяо выглядели довольно непривлекательно. Подальше виднелись хижины из бамбука и глины, смешанной с соломой.

Эта выжженная солнцем местность казалась бы совсем унылой, если б не попадавшиеся время от времени *гауциенды* — фермы, окруженные оазисами зелени, плантаций сахарного тростника, маиса и риса. По насыпным глинистым дорожкам, выходившим на главную дорогу, тянулись обозы, конные пастухи гнали стада быков с пастбищ на фермы, и это оживление составляло неожиданный контраст с окружающим бесплодием. Дорога была тряская, но, несмотря на толчки, дядюшка Франсуа-Гаспар все время что-то отмечал в своей записной книжке... Но вот вдали показались первые отроги цепи Анд; вот и купола, и башни колоколен Лимы, придающие ей вид мусульманского города.

Они ехали теперь вдоль Римака — небольшой речушки, скорей ручья, по которому брели, сгибаясь в три погибели, негры-ловцы раков. Они тащили за собой большие мешки, привязанные к поясу и погруженные в воду для того, чтобы сохранить пойманных раков живыми. Раймонд обрадовался: он очень любил раков. Признаваясь в этой маленькой слабости своей спутнице, он был поражен озабоченностью, выражавшейся на ее лице, и осведомился о причине.

— Странно, очень странно, — ответила она, — нигде ни одного индейца.

Они уже въезжали в знаменитый *Сьюдад де лос Рейес*, «город царей», основанный Конквистадором. Мария-Тереза, любившая Лиму за ее оригинальность, захотела похвастаться ею своему гостю и направила автомобиль в русло Римака, рискуя изорвать шины об острые камешки, заготовленные для мощения берега. И минуту спустя они очутились в живописнейшем уголке. Дома здесь почти исчезали под наружными галереями, прикрепленными к сте-

нам. Эти галереи походили на резные, затейливые ящички, изукрашенные решетками и арабесками, на маленькие подвесные комнатки, кокетливые и таинственные, напоминающие турецкие *мушарабие* — с той разницей, что из рамок этих галерей выглядывали прехорошенькие мордочки, очаровательные личики, и не думавшие прятаться. Обитательницы Лимы славятся своей красотой и кокетством. В этих кварталах они не выходят на улицу иначе, как закутанные в *манту* — большую черную шаль, которой драпируют голову и плечи; только южноамериканки умеют так красиво драпировать ее. Подобно *гаюку* — фате мавров, манта закрывает все лицо, позволяя видеть лишь большие черные глаза. Но порой вуаль распаивалась и Раймонд мог мельком полюбоваться изящной правильностью линий и матовым цветом лица, ставшего еще белее от пребывания в постоянном полумраке. Молодой человек не скрывал своего восхищения, и Мария-Тереза побранила его:

— Нет, они здесь, в этих мантах, положительно слишком красивы! Я лучше покажу вам европейек...

Она повернула руль, и скоро они очутились в новых, европейских кварталах, с широкими улицами, с просветами, откуда открывались дивные виды на окрестности и близкие Анды. Медленно проехали они через Паско Аманкес, где Марии-Терезе на каждом шагу приходилось отвечать на поклоны. Это были уже аристократические кварталы. Здесь женщина «из общества» уже не позволит себе выйти на улицу в скромной манти и заменяет черную вуаль парижским туалетом. Это был час прогулки, час отдыха за мороженым и болтовней о любви, тряпках и политике. Когда они въехали на главную площадь — *плаза Майор*, на небе уже загорались звезды. На площади была такая толпа, что ехать можно было только шагом. В колясках полулежали женщины, разряженные, как на бал, без шляп, с цветами в волосах. Молодежь, гурьбой стоявшая возле фонтана в центре площади, разглядывала их, посылая им улыбки и поклоны...

— Удивительно странно! Ни одного индейца, — прошептала Мария-Тереза.

— Разве они бывают и в этих кварталах?

— Среди них много любителей посмотреть на гулянье на плаза Майор.

Напротив кафе стояла и разглагольствовала о политике маленькая группа метисов. Слышались имена Гарсии и Вентимильи, президента республики, сопровождаемые более или менее лестными эпитетами. Крупный коммерсант, вздыхая, выражал опасение, как бы снова не началась эра *пронунциаменто*¹.

Автомобиль обогнул собор и свернул в довольно узенькую улицу. Видя, что путь свободен, Мария-Тереза прибавила скорость, но неожиданно мотор остановился — так внезапно, что сидевшие в нем едва не вылетели на мостовую. Мария-Тереза чуть не раздавила человека, стоявшего посередине улицы и гордо задрапированного в яркий пончо. И она, и Раймонд сразу узнали индейца.

— Гуаскар! — гневно воскликнула она.

— Гуаскар просит вас не ездить по этой дороге, сеньорита.

— Дорога принадлежит всем одинаково, Гуаскар! Уйди с дороги.

— Гуаскару нечего больше сказать сеньорите. Можете переехать через меня.

Раймонд хотел вступить, но девушка жестом остановила его.

— Послушай, Гуаскар, твое поведение очень странно. Можешь ты объяснить мне, почему во всем городе не видать ни одного индейца?

— Братья Гуаскара делают, что им угодно. Они — свободные люди.

Она пожала плечами, подумала немного и, уступая просьбам Гуаскара, стала сворачивать в другую улицу. Но прежде, чем повернуть, обернулась и задумчиво спросила индейца, который не двигался с места:

— Ты по-прежнему друг мне, Гуаскар?

---

¹ Военный заговор.

Услышав эти слова, индеец медленно снял шляпу и поднял глаза к первым звездам, как бы призывая небо в свидетели, что у Марии-Терезы нет на земле более преданного друга. Это было его единственным ответом. Молодая девушка коротко бросила ему: *Adios!*¹ и автомобиль тронулся.

Он остановился перед роскошным зданием. Швейцар бросился навстречу молодой хозяйке. Но кто-то оказался проворней его — то был маркиз Кристобаль де ла Торрес, только что подъехавший в открытом экипаже. Он страшно обрадовался гостям, которых ждал не раньше завтрашнего дня, приветствовал дядюшку витиеватой речью и, указывая на входную дверь, учтиво пригласил:

— *Apease, señor, y descanse, aquí esta usted en su casa!* (Входите, сеньор, и располагайтесь на отдых — вы здесь у себя дома).

Маркиз был небольшой человечек, одетый, как юноша, необыкновенно изысканно, и в ботинках на высоких каблуках, прибавлявших ему роста. Он был оживлен, подвижен, весь сверкал. Он минуты не мог усидеть на месте, а когда он двигался, все блестело в нем, на нем и вокруг него: глаза, яркий галстук, бриллиантовые булавки и перстни, и от этого все, казалось, сверкало кругом. Эта странная суетливость не мешала ему держаться с достоинством и оставаться вельможей даже в такие моменты, когда другие, пытаясь сохранить достоинство, напускают на себя строгость и невозмутимость. После клуба и географии он больше всего любил шалить со своим семилетним сыном Кристобалем. В такие минуты оба казались школьниками и наполняли дом шумом и криками, между тем как маленькая Изабелла, по шестому году, любила чинность и выговаривала им за баловство с надменной строгостью инфанты².

Жилище маркиза также было особенное — полусовременное, полуисторическое. В нем были уголки совсем старинные, интересные и неожиданные: изъеденные червями

---

¹ Прощай!

² Испанская наследная принцесса.

дубовые панели, обветшалые лестницы, старинные балконы, мебель чуть ли не эпохи завоевания Перу, выцветшие ковры, всякий хлам, благоговейно подобранный маркизом в разных городах, где жили его предки; и о каждой такой реликвии он рассказывал особый анекдот, который гость из любезности вежливо выслушивал. В одном из таких исторических уголков дядя и племянник были представлены двум старушкам, словно сошедшим с картины Веласкеса. Тетушка Агнесса и ее старая дуэнья Ирена были одеты по какой-то древней, давно забытой моде. Казалось, их привезли в дом вместе с прочими редкостями. Большую часть времени они проводили, рассказывая друг другу страшные сказки. Каждый вечер после обеда в этом уголке воскреса-ли все перувианские легенды, которые оба Кристобая, отец и сын, слушали, замирая от жути, между тем как Мария-Тереза на другом конце комнаты при свете лампы пи-сала письма и подводила итоги рабочего дня.

Франсуа-Гаспар от души обрадовался, увидав эти два жи-вых обломка Новой Испании, притом в обстановке, которая и так, сама по себе, возбуждала его кипучую фантазию. Он сразу подружился с обеими старушками, наскоро переодев-шись, вернулся к ним и за обедом уселся между ними. Они уже начали было рассказывать свои обычные истории, ко-гда Мария-Тереза перебила их: она сочла своим долгом сообщить отцу о более важном — о столкновении между ин-дейцами и китайцами. Узнав, что Мария-Тереза прогнала индейцев, тетушка Агнесса насупилась, а Ирена всполоши-лась, доказывая, что молодая девушка поступила крайне не-благоразумно, — да еще накануне праздника Интерайми. Маркиз был того же мнения. Узнав, что с индейцами ушел и Гуаскар, он даже рассердился. Гуаскар — старый предан-ный слуга. Что такое могло произойти, что побудило его оставить место? Мария-Тереза вкратце объяснила, что она в последнее время вообще была недовольна манерой Гуа-скара держаться и дала ему это понять. Маркиз несколько успокоился.

— Тогда другое дело. А все-таки я не совсем спокоен... Индейцы как-то отрешились от своего обычного равноду-

шая... Атмосфера вокруг напряженная... Давеча на плаза Майор я слышал странные речи между метисами и вождями кечуа.

Приближение праздника Солнца

— Почему это, — осведомился Раймонд, — мы от самого Кальяо не встретили ни одного индейца, и здесь, в городе, тоже?

— Да все потому же, сударь, — сказала старая Агнесса. — Потому что праздник близко. У них идут тайные собрания в горах или просто в норах, известных им одним; тут есть даже настоящие катакомбы, в каких прятались первые христиане. Достаточно приказа, полученного Бог весть из какого ущелья в Андах, чтобы они все разом исчезли, а потом вдруг опять нахлынули, как саранча.

— Моя сестра преувеличивает, — улыбаясь, прервал маркиз, — и, между нами, индейцы не слишком-то опасны.

— Но ведь и ты не совсем спокоен, Кристоаль. Ты же сам сказал.

— О, я считаю, что они вполне способны на какую-нибудь неожиданную манифестацию.

— Разве они когда-либо бунтуют? — спросил Раймонд. — Мне они показались до того отупевшими...

— Не все... да, несколько восстаний было, но не особенно серьезных.

— А много их?

— Две трети населения. Но они так же мало способны к серьезному восстанию, как к труду. Это Гарсия взволновал их своей авантюрой. Они слишком долго жили безмятежно. А что говорит президент? — обратилась молодая девушка к отцу.

— Президент не особенно тревожится. По-видимому, такое брожение среди индейцев повторяется каждые десять лет.

— Почему каждые десять лет? — заинтересовался дядюшка Гаспар, уже вытащивший свою записную книжку.

— Потому что каждые десять лет индейцы-кечуа с особой торжественностью отмечают праздник Солнца, — объяснила древняя Ирена.

— Где же они его празднуют и как? — спросил Раймонд.

— В точности этого никто не знает, — начала тетушка Агнесса, понижая голос и словно собираясь доверить своим слушателям большую тайну. — Видимо, на этом празднике совершают жертвоприношения... тела жертв сжигают, а пепел бросают в ручьи, которые в своем течении уносят все грехи народа.

— Великолепно! — вскричал Франсуа-Гаспар. — Как бы мне хотелось присутствовать на этом празднике.

— Молчите, сударь, — простонала тетушка. — На этом празднике приносят человеческие жертвы.

— Человеческие жертвы?!!

— Ну, тетя уж нарасказывает, только слушай ее, — засмеялась Мария-Тереза.

— А почему же не слушать? Почему не верить? — возмутился дядюшка. — Всем известно, что инки приносили такие жертвы Солнцу; а мои исследования, труды Прескотта и все, что написано о Перу, подтвердят вам, что индейцы-кечуа, сохранившие прежний свой язык, сохранили и прежние верования и обычаи.

— Но ведь они все приняли католичество после того, как были завоеваны испанцами, — возразил Раймонд.

— Ну, этим-то они несколько не стесняются, — сказал маркиз. — Просто у них теперь две религии вместо одной, и они путают обряды с поразительной наивностью.

— Но чего же они добиваются? Вернуть владычество инков?

— Разве они знают, чего хотят? — вмешалась Мария-Тереза. — До того, как сюда пришли испанцы, под владычеством инков все они, мужчины, женщины и дети, вынуждены были работать каждый по мере сил и способностей. Сыны Солнца держали их в железных рукавицах. Теперь, когда никто не стремится их поработить, индейцы пользуются своей свободой исключительно для того, чтобы проводить время в праздности. Отсюда и нищета, и материаль-

ная зависимость, которая заставляет их вздыхать о прежних временах и желать возвращения царства сынов Манко Капаки; так, по крайней мере, объяснял мне Гуаскар... Я могла только ответить, что это не принесло бы счастья его братьям, так как они утратили привычку к труду. Лично я очень довольна, что избавилась от банды Гуаскара... Это стоило мне одного китайца — я нахожу, что это не слишком дорого.

— А это правда, что они и теперь приносят человеческие жертвы? — спросил Раймонд.

— Да нет же, что за вздор! — засмеялась девушка.

Но тетушка Агнесса и старая Ирена запротестовали:

— Она не знает... Она воспитывалась в Париже... Откуда же ей знать? Дорогой месье Озу, вы нас послушайте... Тут ничего нет смешного — напрасно ты смеешься, Мария-Тереза... Мы безусловно уверены — слышите: *безусловно* уверены, — Бог мой, доказательств сколько угодно, — что каждые десять лет (у инков это считалось большой мерой времени)... каждые десять лет кечуа избирают невесту Солнца и приносят ее в жертву.

— То есть как невесту? — задыхаясь от любопытства, допытывался дядюшка.

— Да так... В своих старинных, уцелевших с древних времен храмах, куда не ступала еще нога европейца, они приносят в жертву Солнцу молодую женщину... Это ужасно, но это правда.

— Молодую женщину... в жертву... Убивают ее?

— Ну да, убивают... Убивают в честь Солнца.

— Как же они ее убивают? На костре сжигают?

— Нет, нет... Гораздо ужаснее... Да, да, месье Озу, много ужаснее. Костер — это что... На празднике Интерайми они берут девушку из вражеского племени, самую красивую, какую только могут найти, и самого благородного происхождения — и приносят ее в жертву, в супруги Солнцу, замуровывая ее живой в храме своего бога. Да, да, дорогой месье Озу, я вам правду говорю.

Мария-Тереза покатила со смеху при виде растерянного лица дядюшки. Он бросил ей обиженный взгляд ре-

бенка, которому мешают насладиться вдоволь, и вступился за старушек. Все, что они рассказывают, вполне согласуется с тем, что известно из истории о «девах Солнца» — и дядюшка поспешил выложить все свои познания. Человеческие жертвы, заявил он, всегда были в чести у инков. Иногда они приносились богу Света, иной раз — самому царю, а порой бывали добровольными, как, например, на похоронах царей, когда кровь текла обильней слез. Осиротевшие жены почившего инки одна раньше другой спешили принести себя в жертву.

— Прескотт, вместе с Винером написавший лучшую книгу об империи инков и о завоевании Перу испанцами, — продолжал дядюшка, — Прескотт утверждает, опираясь на свидетельства, вполне достойные доверия, что на могиле монарха приносились таким манером в жертву более тысячи жен, слуг и служанок. И законные жены подавали пример, сами налагая на себя руки...

— Ах, безумные!.. Ах, сумасшедшие! — ужасалась тетюшка Агнесса, молитвенно складывая руки.

Старая Ирена перекрестилась и начала шептать молитву.

— Все это верно, дорогой друг, — вмешался маркиз, — и изыскания нашего географического и археологического обществ, я вижу, не скажут вам ничего нового. Тем лучше, тем удобнее будет работать вместе с вами. Если хотите, завтра же, после торжественной встречи, я повезу вас на место предпринятых мною раскопок, и вы лично убедитесь, что инку в самом деле хоронили вместе с драгоценной утварью и женами, которые обязаны были следовать за царем в волшебные жилища Солнца.

— А что такое, собственно, «дева Солнца»?

— «Девы Солнца», — с детской радостью начал объяснять Франсуа-Гаспар, — или «избранницы», как их называли, были молодые девушки, посвященные служению боже-ству. Их с ранних лет отбирали у родителей и помещали в монастыри под надзор почтенных матрон — *мамаконас*, состарившихся в стенах этих монастырей. Избранницы учились рукодельям, тканью, вышиванию. Из яркой, мягкой

шерсти они ткали ковры для украшения храмов и дворцов инки, а также материи для его одежд.

— Ну, это не главное, — возразила старая Ирена. — Главная их обязанность заключалась в том, чтобы поддерживать священный огонь, который зажигался на празднике *Райми*.

— Да, да, я знаю, — поспешил согласиться академик. — Они жили уединенно, не имея никаких сношений с внешним миром, даже с родными и друзьями. Только *Инка* — царь и *Койя*, царица — имели право входить в священную ограду. За нравственностью девушек тщательно следили мамаконас; ежегодно посылали особых ревизоров осматривать монастыри и доносить о том, крепка ли в них дисциплина.

— И горе бедняжке, которую поймали бы за любовной интригой! — вскричала тетушка Агнесса. — Суровый закон инков предписывал зарыть ее живьем в землю, а город или селение, из которого она была родом, стереть с лица земли и засыпать камнями, чтобы уничтожить и само воспоминание о ней.

— Совершенно верно, — поддержал дядюшка.

— Милая страна! — сказал Раймонд.

— Что же, это доказывает только, что она была очень цивилизована — даже в религиозных обрядах мы находим следы обычаев древнего Рима. Христофор Колумб, высаживаясь на берег, где его встретили только грубо вооруженные дикари, и не подозревал, что неподалеку от этих первобытных племен — целый мир со своими особыми законами, памятниками, историей, два народа: ацтеки в Мексике, инки — в Перу, которые в те времена смело могли соперничать с западной цивилизацией. Это все равно, как если бы кто-нибудь из восточных владык вообразил, что открыл древний свет, увидав степи, где кочевали скифы. Он мог бы так и вернуться в свои владения, не догадываясь, что за этой пустыней — целая Римская империя.

— По крайней мере, он не разгромил бы его, как ваши Писарро и Кортесы... — начал было Раймонд и запнулся на полуслове, вспомнив, что предки маркиза были в числе спут-

ников завоевателя. Мария-Тереза под столом наступила ему на ногу в виде предупреждения, но маркиз, к счастью, не расслышал. Тетушки услышали и были поражены таким легкомысленным и «некатолическим» суждением о покорении язычников представителями истинной веры; но Мария-Тереза поспешила перевести разговор с этой опасной почвы на местные легенды.

— Все это прекрасно, — сказала она, — но это вовсе не доказывает, что человеческие жертвоприношения существуют в наше время.

— Ах, несчастное дитя! Ты одна способна усомниться в этом.

Тетушка Агнесса укоризненно покачала головой:

— Да у меня самой в молодости была служанка из племени кечуа, с берегов озера Титикака, которая своими глазами видела трижды, как на празднике Интераими замуровывали живыми в стену трех молоденьких девушек из города.

— Из какого города?

— Из Лимы.

— Ну, полноте, об этом знали бы, — подтрунивал Раймонд, подстрекаемый насмешливыми взглядами своей невесты.

— Об этом и знают все, кому охота знать... Имена последних двух жертв общеизвестны — одну из них замуровали живьем двадцать лет, другую — десять лет тому назад.

— Знаем! Знаем! — засмеялся маркиз.

— Тут нечему смеяться, — рассердилась тетушка.

А старая Ирена тихо повторила:

— Нет, нет. Тут нечему смеяться...

Но маркиз расшалился.

— Ну что ж, оплачем их, как подобает, — рыдающим голосом простонал он. — Бедные девочки, вырванные во цвет лет из объятий родителей...

— А не можете ли вы объяснить нам, братец, каким образом исчезли без следа Амелия де Варгас и Мария-Кристина д'Орельяна?

— Да, да. Пускай он скажет, — подхватила Ирена.

— Ага! Я так и знал, что вы назовете эти имена.

— Я прошу вас быть серьезным, братец. Вы знали Амелию де Варгас.

— Прелестная девушка... Что за улыбка... Красивей не было на плаза Майор... Тому уже двадцать лет... Как время-то бежит!... Да, да, она исчезла без следа двадцать лет тому назад... с одним из своих кузенов.

— Намедни мне говорили, что это было с тореадором, — прервала Мария-Тереза. — По-видимому, об этом вспоминают каждый раз перед праздником Интераими...

— В свое время эта история наделала шума, взволновала весь город... На плаза дес Торос произошло какое-то замешательство... поднялась суета... в давке молодая девушка исчезла... и больше уж не появлялась... Многие видели, как ее уносили индейцы, и отлично знают, что она была замурована заживо...

— Полет воображения! Я правду говорю: она бежала со своим кузеном, он скрылся вместе с нею... Где они поселились — неизвестно.

— Это вы так думаете, братец... А Мария-Кристина?

— Да, эта история была печальнее... Она гуляла со своим отцом в окрестностях Куско, вошла в подземелье и, очевидно, заблудилась. Что может быть естественнее? После этого правительство отдало приказ забить все входы в подземелья¹.

---

¹ Вот что пишет Поль Валле в своем «Перу»: «Инки были люди практичные и не любили, чтобы за ними подсматривали, даже когда они просто собирались для бесед или игр. Для того, чтобы не быть захваченными врасплох, они построили близ города Родадеро подземелье, имевшее несколько выходов: один ход вел к укрепленному холму; другой — ко входу в Куско; третий, самый длинный, — через весь город, к тому месту, где теперь находится церковь Сан-Доминго, построенная над бывшим храмом Солнца. Эти интересные подземелья могли бы быть чудеснейшим предметом исследования для туристов, но правительство приказало забить в них входы под тем предлогом, что в них заблудились несколько человек» (*Прим. авт.*).

— Да,— перебила тетушка, — а отец ее после этого сошел с ума. Он до сих пор бродит в окрестностях Куско, вокруг подземелий, и зовет дочь — вот уже десять лет. Вы попробуйте его убедить, что дочь его не была похищена индейцами для принесения в жертву на празднике Интерайми.

— Но вы же сами говорите, что он сошел с ума.

— От уверенности, что дочь его погибла такой ужасной смертью. За несколько дней до своего исчезновения Мария-Кристина получила странный подарок — старинный, тяжелый золотой браслет с изображением солнечного диска.

— Милая Агнесса, вы отлично знаете, что наши ювелиры изображают солнце под всеми соусами.

— Да, но этот браслет был настоящий — тот самый, который был прислан и Амелии.

— Ах, сестрица, все-то вы выдумываете... Бог знает, что такое вы изобретаете... Вот и пиши историю с такими рассказнями!.. Пожалуйста, не записывайте этого, дорогой профессор, прошу вас.

— Я ничего не выдумываю, — обиделась тетушка. — Это был настоящий *браслет Золотого Солнца*, настоящий *жертвенный* браслет. Каждые десять лет, со дня смерти последнего царя из дома Инков, Атагуальпы, сожженного заживо Писарро, жрецы инков посылают этот браслет девушке, которую они избрали в невесты Солнцу с тем, чтобы замуровать ее живой... Бедняжка Орельяна всем рассказывала о своем чудном браслете... Весь город говорил об этом.

— Да, да, сестрица, мы знаем, как у всех здесь в городе разыгрывается фантазия перед праздником Интерайми. — И, нагнувшись к Франсуа-Гаспару, маркиз прибавил:

— Вы не можете себе представить, с каким трудом нам, членам Географического и археологического общества, приходится развенчивать все эти легенды... Вы истинный ученый...

— Ученые не должны презирать легенды, — возразил академик. — Я лично страшно рад, что попал в страну, где еще живы легенды.

В эту минуту вошел лакей и подал Марии-Терезе какой-то ящичек и книгу.

— Заказная посылка... Почтальон один раз уже приходил, но барышни не было дома. Я велел ему зайти вечером. Распишитесь, барышня.

Мария-Тереза расписалась в получении.

— Позвольте! — воскликнула она. — Да это из Каямарки... Я никого не знаю в Каямарке... Что бы это могло быть?.. Вы позволите, господа?

Она сняла веревки, распечатала и вскрыла ящичек.

— Браслет! — Она немного нервно рассмеялась. — Вот так совпадение!.. Да ведь это *браслет Золотого Солнца*... Даю вам слово... браслет, который посылается невесте Солнца.

Все вскочили с мест, кроме двух старушек, обессиленных от ужаса. И все взгляды сосредоточились на тяжелом золотом браслете, потемневшем от времени, с солнечным диском, лучи которого словно погасли под слоем веками копившейся пыли.

— Однако!.. Шутка недурна, — смеялась девушка.

— Очень даже недурна! — вскричал маркиз несколько изменившимся голосом. — Это, очевидно, месть — впрочем, красивая и очень изящная — нашего Алонсо де Куэльяра, которому ты отказала на днях в своей руке. Недаром он сказал мне с обычной грустной и милой улыбкой: «Я отомщу девице Солнца»... Ты ведь знаешь, у нас в клубе все зовут тебя «девой Солнца» за то, что ты отрешиваешься от замужества... Да что вы все так испугались?

Он повернулся к двум старушкам.

— Что это? Неужто вы способны расхвораться из-за простого фарса?

Мария-Тереза, любуясь браслетом, показывала его дяде и племяннику.

— Папа, скажите дону Алонзо, что я принимаю его подарок и буду носить его в знак нашей дружбы... Браслет, действительно, очень красив... Теперь таких не делают... Как вы находите, господин Озу?

— Я... я готов поклясться, что этому браслету, по крайней мере, лет четыреста-пятьсот.

— Подобные сокровища еще находят на раскопках царских могил, но и там они редки... Я не удивляюсь, что дону Алонзо пришлось съездить в Каямарку, чтобы раздобыть этот, — сказал маркиз.

— Где это — Каямарка? — поинтересовался Раймонд.

— Юный невежда... — отозвался дядюшка. — Знай, что Каямарка — это древняя Кахамарка инков, вторая столица их империи во времена Писарро.

— И, вместе с тем, город, где их последний царь был сожжен заживо, — умирающим голосом выговорила тетушка Агнесса.

И упала в обморок. Тетушку унесли в ее спальню. Старая Ирена шла за нею, бледней своего кружева у воротника, и все время большим пальцем крестила себе лоб.

Кто подарил браслет?

На другой день после приезда академика Франсуа-Гаспара Озу ему устроили торжественную встречу в географическом обществе, посвятившем себя изучению и исследованию Перу. С обеих сторон были произнесены хвалебные, торжественные речи. Больше всех радовался и гордился маркиз Кристобаль, чувствовавший и себя озаренным отблеском славы своего друга. У выхода из залы торжественного заседания, на котором, само собой, присутствовали также Раймонд и Мария-Тереза — надевшая таинственный браслет, несмотря на мольбы и слезы двух старых теток — маркиз встретил дону Алонсо де Куэльяра, красиво и симпатичного юношу.

— Мой друг, а я думал, вы еще не вернулись из Каямарки.

Дон Алонсо широко раскрыл глаза, видимо, не понимая.

— Послушайте, Куэльяр, не притворяйтесь удивленным. Я не сержусь. Вы очень мило отомстили моей дочери за ее отказ.

— Я?

— Ну да. А браслет?

— Какой браслет?

Тем временем к маркизу подошли Мария-Тереза с Раймондом. Молодая девушка, видя, что отец ее, смеясь, разговаривает с доном Алонсо, не сомневалась, что тайна браслета уже разъяснилась.

— Спасибо, друг... — сказала она, протягивая дону Алонсо руку, на которой блестел тяжелый браслет. — Вы видите, я ношу его, как залог нашей дружбы.

— Но я не решился бы позволить себе... — смущенно запротестовал молодой человек, глядя по очереди то на маркиза, то на девушку и на Раймонда.

— Вы серьезно говорите?.. Это не вы?

— Клянусь вам... Но что же это значит?.. Что за странный браслет!

— Вы не узнаете его?.. По-видимому, это браслет Золотого Солнца, который индейские жрецы посылают невесте Солнца перед праздником Интерайми, — шаловливо улыбаясь, объяснила Мария-Тереза. Ей все не верилось, что браслет был прислан не этим обиженным претендентом на ее руку... — И, так как именно вы пустили в ход мое теперешнее прозвище, мы и подумали, что это вы прислали подарок невесте Солнца...

— К сожалению, мне это не пришло в голову, — вздохнул дон Алонсо. — В самом деле, очень мило и удачно придумано. Я никогда не прошу себе, что это не мне пришла в голову такая замечательная мысль. По всей вероятности, ее предвосхитил кто-нибудь из моих друзей, которые — увы! — не были счастливее меня, сеньорита... Кстати, вон идет Педро Рибейра, мрачный и унылый. Честное слово, у него такой вид, как будто это дело его рук.

Он окликнул приятеля, но и Рибейра не сразу понял, о чем его спрашивают. И он восхищался странным украшением и сожалел, что его прислал кто-то другой.

Маркиза это начинало раздражать, и теперь он уже жалел, что заговорил с этими господами. Нельзя же было попросить их не рассказывать о странном подарке, не выставя себя в смешном виде, и он знал, что через два часа весь

город будет говорить о таинственном браслете, поднесенном «деве Солнца». Мария-Тереза отлично понимала, что творится в душе отца.

— Послушай, папа, история с этим браслетом становится нелепой. В ожидании, пока объявится тот, кто устроил мне этот маленький сюрприз, я лучше сниму его... и не будем больше говорить об этом.

Она грациозным жестом сняла браслет и спрятала его в свою сумочку.

— У меня есть одно предположение, — сказал Раймонд. — Что, если это Гуаскар?

— Гуаскар? Почему вы думаете — Гуаскар?

— Да просто потому, что украшение это индейское, а я никакого другого индейца не знаю... Может быть, он нашел браслет и, не придумав, что с ним делать, подарил его вашей дочери, так как он очень предан вашей семье...

— Ну, будет об этом, — слегка краснея, сказала Мария-Тереза. — Гуаскар ли это, или кто другой — не все ли равно?.. К чему такое нетерпение?.. Быть может, завтра или послезавтра к нам приедет кто-нибудь из папиных друзей из Сьерры и, целуя мне руку, скажет: «А что же вы не носите мой подарок?»

— Разумеется, рано или поздно это должно разъясниться, — с напускным спокойствием сказал Раймонд.

Маркиз, сам несколько взволнованный, нашел это спокойствие неестественным и вдруг обрадовался:

— Держу пари, что это вы.

— Что... я?... Да я же только что приехал... Как же я мог?..

— Как? Вы могли купить этот браслет в Гуаякиле и послать его французскому агенту в Каямарке с тем, чтобы он переслал его сюда. Ну да, конечно... это должно было известить нас о вашем прибытии. Вы прочитали легенду о «деве Солнца» и о солнечном браслете в одной из книг вашего дядюшки.

— Папа!.. Папа!.. Господин Озу серьезный человек, инженер, приехавший в Перу, чтобы попытаться осушить золотые россыпи в Куско с помощью изобретенного им нового сифона....

— Да, да, ты об этом уже говорила... Это не помешало ему прислать браслет...

— Но, папа, по какому же праву?

— По праву жениха, дочь моя.

На этот раз Мария-Тереза покраснела до ушей, а Раймонд закашлялся, как-то глупо улыбаясь. Маркиз лукаво и упорно смотрел на обоих.

— Ну-ка, посмейте сказать, что это неправда... Ты думаешь, я ни о чем не догадываюсь? За дурака меня считаешь? А я давно знаю, что ты оставила свое сердце там, в Париже, и только для того, чтобы проверить это, направлял к тебе столько женихов. Ах, господин Озу, вас можно поздравить: она вас очень любит — это испытанная любовь...

— Сударь.... — бормотал Раймонд со слезами на глазах.
— Маркиз, уверяю вас, никогда... никогда... я не думал... не мог думать...

— Молчите. И наденьте сами ваш обручальный браслет на руку невесты.

— С какой радостью я теперь буду носить его! — молвила молодая девушка и, оглянувшись, нет ли поблизости посторонних, кинулась отцу на шею — точнее, привлекла отца к себе, нежно обняла, расцеловала и раскрыла свою сумочку перед Раймондом, торопливо шепча ему на ухо:

— Скажите же, что это вы его прислали. Ну, что вам стоит?

Раймонд трепетной рукой надел браслет на руку молодой девушки. В ушах у него так звенело, что он даже не слышал ликующих речей маркиза по поводу собственной проницательности, проникшей в тайну и влюбленных, и *браслета Золотого Солнца*... Он только кивал головой, подтверждая все, что говорил его будущий тесть.

— Да уж, — закончил тот, — вы можете похвастаться, что провели нас. — И маркиз побежал разыскивать дядюшку, чтобы поделиться с ним радостной новостью.

Игра в кегли черепами

На несколько секунд жених и невеста остались одни; но не успели они обменяться нежным взглядом, как их увлек за собой живой поток участников заседания, хлынувший к выходу.

— Но что же скажет ваш батюшка, когда объявится тот, кто на самом деле прислал браслет? — волновался Раймонд.

— Ничего не скажет... простит. Я ведь заставила вас соглать лишь для того, чтоб успокоить его... потому что, между нами, сказки тетушек все-таки немного тревожат его... он же как малое дитя, мой папочка. Мы будем очень его любить — не правда ли?

У подъезда уже ждали казенные кареты и частные экипажи, которые должны были отвезти именитого гостя и членов общества на раскопки в окрестностях города; затем предполагалось съездить по железной дороге в Анкуф на большие раскопки. Маркиз уселся напротив академика; оба сияли. Условлено было, что вечером они пообедают и проведут ночь на вилле маркиза, лежащей на берегу моря между Лимой и Анконой, чтобы дядюшка со следующего же утра мог заняться научными исследованиями — это летнее жилище маркиза, заваленное, как музей, выкопанными из земли сокровищами, расположено было в самом центре раскопок.

Молодые люди, предпочитавшие живое ископаемому, остались в Лиме, так как Мария-Тереза хотела показать город Раймонду и, лишь нагулявшись вдоволь, вспомнили, что их ищут, и поехали на автомобиле по невозможной дороге, спеша добраться к месту до сумерек. Вечер был уж недалек; над ними кружились зловещие черные коршуны-галиназос, всегда голодные, которых, однако, в Перу терпят и даже почитают, поскольку они содействуют очистке улиц.

Дорога шла безбрежной равниной, мимо гациенд и *пой-перас* — лугов, на которых растят табуны молодых лоша-

дей — разделенных между собой невысокими земляными оградками-*тапиас*. Дальше от города картина становилась еще мрачнее: сплошная песчаная пустыня была усеяна костями, белевшими на солнце; то были смертные останки древних жителей этой страны, выкопанные коллекционерами и брошенные.

— Однако! Весело у вас здесь! — поморщился Раймонд.

Мария-Тереза, не переставая править, указала ему пальцем на нескольких метисов. Те бросили лошадей, которых стерегли, и играли возле гащиенды в кегли, заменив шары черепами; вместо колышков в землю воткнуты были человеческие берцовые кости.

Они застали все общество разгуливающим среди гуакас — индейских кладбищ времен древних инков. Вся почва здесь была изрыта темными ямами, и в каждой лежала мумия, вырванная из своего тысячелетнего сна. Раймонд и Мария-Тереза сдали автомобиль на руки бою; тот повел мотор в анконский гараж. Но влюбленные не присоединились к остальным, а бродили вдвоем, грустные и сосредоточенные, среди этой огромной усыпальницы.

— Почему не оставить мертвых в покое, когда жизнь так прекрасна? — говорила молодая девушка, сжимая руку Раймонда.

Последний усадил ее на холмик в укромном местечке, скрытом от нескромных взоров, стал перед нею на колени и клялся, что будет всю жизнь любить ее — клялся ей всеми мертвецами, окружавшими их. И на этом мрачном кладбище уста их слились впервые... Чей-то громкий голос нарушил их уединение.

Президент общества объяснял другим значение раскопок и ход работ.

— На этом кладбище невольно встают в памяти тени инков и кажется, что вы находитесь среди них... Вот яма в сажень глубины, где под песком нашли скелет собаки, удушенной на могиле ее господина. Верный пес обязан был следовать за господином, как и его жена, и старейшие из слуг. У собаки еще была на шее веревка, которой ее удавили, и ноги ее были связаны. Дальше мы нашли скелет супруги:

ее также удавили — должно быть, потому, что у нее не хватило мужества самой убить себя... И, наконец, услышали радостный возглас рабочих: «Вот мертвец!». Индеец призывает покойником только господина — тела жены и слуг он не считает достойными внимания. Вскоре из этой самой ямы вытащили огромный сверток. Покойника положили у моих ног. Мы развернули ткани, окутывавшие тело, развязали веревки. И ткани, и мумия прекрасно сохранились... даже кожа не отделилась еще от костей; зубы и волосы также все были целы. Сами египтяне не сумели бы забальзамировать лучше!

Его рассказ был прерван шумом и криками. Оказалось, что рабочие только что сделали интересную находку — обнаружены мумии трех главных вождей инков с *необыкновенными* головами.

Все поспешили туда, в том числе и Мария-Тереза с Раймондом. Действительно, находка была интересная.

В последних трех могилах найдено было множество мешочков с зернами маиса и листьями коки, глиняных сосудов, вероятно, наполненных *чичей*, — все запасы, необходимые для дальнего пути. И рядом с этим золотые вазы, серебряные амфоры, кубки, кованые статуэтки, драгоценные украшения, — целый клад, выкопанный одним ударом заступа. Мумии трех вождей были вырыты из земли или, вернее, освобождены из-под слоя песка с необычайными предосторожностями. Один из членов общества уже раскрыл их лица. Они были ужасны...

Чтобы понять, какое зрелище представилось неподготовленному взору Раймонда и его невесты, надо знать, что инки, как и посейчас баски в горных ущельях Апеннин, по желанию придавали черепам живых любую форму при помощи дощечек, которыми обкладывали черепа младенцев, связывая их веревками: то заостряли конусообразными верхушками головы, то делали голову приплюснутой, предоставляя развиваться боковым частям черепа, то превращали всю голову в большую тыкву и прочее. Теперь выяснены мотивы этого уродования: инки были уже знакомы с френологией и производили опыты, пытаясь развить то

или иное душевное качество при помощи развития той или другой части черепа¹. Но уродовать таким образом дозволялось лишь младенцев-инков, предназначавшихся к высоким должностям в государстве. Народ обречен был жить с обыкновенными черепами и мозгами.

И обнаруженные три головы были очень характерны.

Одна из них имела клинообразную форму, возвышаясь посередине, как огромная сахарная голова. И страшен, как кошмар, был этот чудовищный лоб апокалипсического зверя, обрамленный волосами, казавшимися еще живыми, так как их развеивал ветер. Вторая голова имела лоб, сильно откинутый назад, и была приплюснута, как велосипедный картуз. Третья походила на четырехугольный ящик — на маленький чехомоданчик.

Призраки

Мария-Тереза невольно отшатнулась назад и поспешила увести своего жениха от этой картины осквернения кладбищ, хоть ему и любопытно было посмотреть мумии поближе. Они вышли на плоский и отлогий берег у Анконы. Течений и прилива здесь почти не чувствуется; волны набегают на берег спокойно и бесшумно, и с океана веет по-

---

¹ Тот же Поль Валле рассказывает в своей книге о Перу: «Каждый путешественник считает долгом побывать в Анконе и посмотреть на подземные кладбища инков, ныне засыпанные песчаными дюнами. Зрелище поучительное, но далеко не привлекательное, и надо иметь волю и нервы, чтобы без ужаса и отвращения созерцать эту обширную равнину, которую инки сделали своим кладбищем. Повсюду возле гуакаса — могил, выпотрошенных и зияющих, валяются туловища мумий, черепа, на которых еще сохранились волосы, руки и ноги, покрытые обрывками пожелтевшей и сохшейся кожи — все это вперемешку с обломками глиняной утвари и обрывками истлевших от времени материй» (*Прим. авт.*).

коем. Жители Лимы охотно приезжают сюда на купанья, но сезон еще не наступил, и берег был безлюден. Мария-Тереза и Раймонд пешком дошли до виллы маркиза. Уже совсем стемнело. Старинные лица мумий произвели на обоих сильное впечатление, и напрасно они пытались разогнать его шутками. Тотчас после заката солнца, необычайно быстрого, поднялся ветер, который крутил в сумерках легкие вихри песка — и чудилось, что призраки вставали из могил, укоряя пришельцев за их нечестие и осквернение кладбищ. И жених, и невеста по характеру не склонны были «взвинчивать» себя, но оба рады были, когда наконец добрались до виллы, и колосс-мажордом — камердинер маркиза, живой человек из плоти и крови — объявил им, что барин и господин Озу уже приехали. Молоденькая горничная-кечуаска, по имени Конха, бросилась к ногам своей госпожи с обычными изъятиями любви и преданности, уверяя, что она, Конха, была в отсутствие барышни как мертвая и ожила только теперь, когда та приехала.

— Вот как нас здесь обожают за восемь *солес* в месяц! — пошутила Мария-Тереза, уже оправившаяся от волнения и теперь озабоченная ужином. — Вдобавок, эта малютка отлично готовит *кухеро*, креольскую похлебку. Посмотрим, как она вам понравится, мой милый Раймонд.

— Госпожа, я приготовила вам и *локро*, которое вы так любите, — хвасталась «малютка», радостно ухмыляясь своими огромными губами, перегораживавшими пополам все ее лицо.

После обеда или, вернее, ужина все вскоре разошлись по своим комнатам, так как чувствовали себя уставшими, а дядюшка вдобавок намеревался рано встать. Раймонд и Мария-Тереза с аппетитом поели *локро* — маиса, сваренного на сахарной воде, с нарезанной маленькими кусочками говядиной, сильно наперченной и политой острым соусом *чичей*. И, прощаясь на ночь, они уже смеялись над своими мимолетными страхами там, на берегу, после бегства с раскопок. Молодая девушка не спешила вынуть свою руку из руки Раймонда.

— Доброй ночи «деве Солнца», — говорил Раймонд, целуя солнечный диск, блиставший на руке его возлюбленной. — А все-таки, сняли бы вы лучше на ночь этот браслет... Бог его знает, откуда он и кто его держал в руках...

— Теперь он будет дорог мне и, так как вы его поцеловали, Раймонд, я сохраню его... как обручальное кольцо... Пусть он будет залогом нашего счастья...

И она ушла в свою комнату.

Но не успела она перешагнуть через порог, как закричала отчаянным голосом и выскочила обратно.

— Они там!.. Они там!.. — лепетала она испуганно, стуча зубами.

— Что такое?... Кто такие?.. — Раймонд сам перепугался, увидев ее в таком состоянии.

— Черепа... все три... живые...

— Дорогая!.. Вы с ума сошли.

— Говорю вам, все три там, под моим окном... Прижались к стеклу и глядят... живые... с живыми зрачками... Нет, нет, не входите... Позовите папочку.

Молодой человек, взяв свечу из дрожащих рук молодой девушки, вошел в ее комнату, отворил дверь до пола, служившую вместе с тем и окном и выходившую углом на море и залитую лунным светом равнину, на которой днем производились раскопки... Ничего необычного он не заметил и, вернувшись к невесте, стал уверять ее, что она стала жертвой галлюцинации.

— Ну, полноте же, вы такая умница, такая рассудительная...

— Раймонд, я вам говорю, что я их видела.

— Но что же, собственно, вы видели?

— Там, на балконе, за стеклом... три черепа вождей — три ужасных черепа, глядевших на меня.

— Но, Мария-Тереза, придите в себя. Ведь их же при нас выкопали из ямы... Они, наверное, и сейчас там лежат... Как эти мумии могли стоять у вас под окном?.. Неужто вы верите в привидения?

— Ах, конечно нет... но те, кого я видела, были не мертвые... они были живые...

Чтобы успокоить ее, Раймонд счел за лучшее расхохотаться.

— Не смейтесь... Не смейтесь... Я отлично их узнала. Все три головы были мне ясно видны: одна *конусообразная*, другая *приплюснутая*, как фуражка, третья *чемоданчиком*. Совершенно ясно... Вы мне скажите только, что им здесь понадобилось?

На шум пришел маркиз и посмеялся над страхами дочери. Явился и дядюшка в халате и бумажном колпаке. При виде его все расхохотались — кроме Марии-Терезы. Для успокоения ее мажордом обошел кругом всю виллу — и не заметил ничего подозрительного.

— Это тебя так встревожили мертвецы, виденные нами на раскопках, — уверял маркиз. — Правду говоря, я не считал тебя такой впечатлительной.

Мария-Тереза ни за что не хотела лечь в своей комнате и велела приготовить себе постель в другой, в другом конце дома. Раймонду удалось, наконец, убедить ее, что это *могла быть только* галлюцинация и что черепа мумий *не могут* разгуливать под окнами молодых девушек.

Она даже немножко устыдилась и увлекла Раймонда на балкон, чтобы там, наедине, сказать ему, как ей стыдно перед ним, считавшим ее такой трезвой и благоразумной.

Балкон этот навис над морем. Тихий шум прибоя и безбрежный покой океана окончательно изгладили следы ее волнения. Но, тем не менее, она решительно сняла браслет.

— Это, должно быть, его прикосновение беспокоит меня. Раньше я не бывала так глупа, чтоб видеть привидения...

И она швырнула браслет в море.

Раймонд не остановил ее руки.

— Бог с ним! Я нисколько не в претензии. Я предпочитаю поднести вам самое обыкновенное обручальное кольцо — по крайней мере, мы оба будем знать, у какого ювелира оно куплено...

Они разошлись по своим комнатам. Ночь прошла спокойно. Но около семи часов утра весь дом был поднят на ноги страшным криком, донесшимся из комнаты, где спала Мария-Тереза... Раймонд и слуги бросились туда.

Молодая девушка, дрожа всем телом, сидела на кровати, не сводя безумных глаз со своей руки. На ней блестел брошенный накануне в море браслет.

КНИГА ВТОРАЯ

ОЖИВШЕЕ ПРОШЛОЕ

Это было так необычайно, что Раймонд испугался, пожалуй, не меньше Марии-Терезы. Он не знал, что сказать, чем утешить перепуганную девушку. На его глазах она накануне вечером бросила в море с балкона браслет — и вот, проснувшись, снова увидела его у себя на руке.

Тут мог заволноваться и самый завзятый скептик.

Раймонду сразу вспомнились все сказки, которыми ему протрубили уши обе старушки, и напрасно он теперь пытался выбросить из головы эту жестокую легенду. Она неотступно стояла перед ним во всем своем ужасе и безобразии.

Тем временем маркиз и дядюшка Франсуа-Гаспар, привлеченные криками и поднятой слугами суетой, тоже вошли в комнату Марии-Терезы и увидели онемевшую от испуга юную парочку. Маркиз потребовал объяснений. Тут было уже не до обмана. Ему поведали всю правду. Раймонд сознался, что он только по просьбе Марии-Терезы сказал, будто преподнес этот подарок, происхождение которого на самом деле ему неизвестно, затем рассказал, как молодая девушка перед отходом ко сну швырнула в море загадочный браслет, неприятно действовавший ей на нервы.

Мария-Тереза дрожала, как в лихорадке. Отец ласково обнял ее.

Маркиз был взволнован не столько этой неправдоподобной историей, сколько необычным состоянием, в каком застал свою дочь. Всегда, в самых трудных положениях, она превосходно умела владеть собой, и ее теперешняя растерянность и волнение невольно передавались и ему.

Дядюшка повторял: «Это невозможно!.. Это невозможно...» Но в глубине души он был в восторге от такого оборота дела, сулившего ему интереснейшую главу в описании

заморской поездки.

Все объяснилось очень просто — и даже слишком просто.

Маленькая Конхита, вернувшись с базара, пришла одевать свою барышню и застала весь дом вверх дном и всех господ в комнате Марии-Терезы, вокруг знаменитого *браслета Золотого Солнца*.

И тут она с детской наивностью рассказала, что рано утром, идя на рынок, как всегда, берегом моря, она увидела на песке что-то блестящее. Нагнулась и подняла тяжелый браслет, уже наполовину ушедший в песок. Браслет этот она видела накануне на руке своей госпожи и несколько не сомневалась, что барышня не заметила, как он соскользнул с ее руки, когда она сидела на балконе. Конха, любившая свою госпожу, сейчас же вернулась с браслетом домой и побежала прямо в комнату Марии-Терезы. Барышня еще спала. Она не стала будить ее, а лишь осторожненько снова надела ей на руку браслет. Вот и все. И из-за этого самые уравновешенные люди готовы были поверить нелепешим бредням! Кончилось все общим смехом. Смущенная Конхита, вся красная и немножко обиженная, выбежала из комнаты.

— Мы все начинаем с ума сходить! — воскликнул маркиз.

— С этим браслетом поневоле с ума сойдешь, — возразил Раймонд. — Надо во что бы то ни стало избавиться от него.

— Боже упаси! Он, пожалуй, опять вернется. И тогда я не отвечаю за свой рассудок, — сказала Мария-Тереза, смеявшаяся вместе с другими и даже громче других. — Знаете, что надо сделать? Нужно что-нибудь предпринять, какую-нибудь дальнюю прогулку для перемены воздуха... Поедем в горы, покажем Раймонду и господину Озу Сьерру. Сегодня мы возвращаемся в Лиму. Пожалуйста, ничего не говорите ни тетушке Агнессе, ни старой Ирене, не то они Бог знает что вообразят. Мы с Раймондом съездим в Кальяо и там дождемся вас. Я тем временем отдам все необходимые распоряжения, чтобы мое отсутствие не сказалось на де-

ле. А вечером все сядем на пароход.

— На пароход в Сьерру? — изумился маркиз.

— В Пакасмайо, папа.

— В Пакасмайо? — огорчился дядюшка. — Да ведь мы только что оттуда уехали. Мы просидели там, по крайней мере, четыре часа в виду берега, на котором нет ничего интересного.

— Ничего интересного? А еще знаменитый ученый! — ехидно отозвалась Мария-Тереза. — Как вы можете говорить: «ничего интересного»? Знаете ли вы, что значит поехать в Пакасмайо? Нет? Не знаете? Ну, так я вам скажу. Это значит — поехать в Каямарку.

Дядюшка даже руку к сердцу прижал.

— Каямарка? Древняя Кахамарка — столица инков?

— Вот именно, господин академик.

— Мечта моей жизни!..

— Ну, вот мы и осуществим вашу мечту... И заодно уже, папочка, наведем справки, кто отправил мне этот загадочный браслет. Ведь он послан из Каямарки.

— Ты права, дочь моя, — одобрил маркиз. — Необходимо разъяснить, наконец, эту глупую историю.

— Если это шутка кого-нибудь из моих отвергнутых поклонников, — продолжала Мария-Тереза, играя с браслетом, — можете быть уверены, что я заставлю его поплатиться. Мы над ним позабавимся в Лиме.

После этого она выгнала всех из своей комнаты и позвала Конхиту помочь ей одеться. Горничную она первым делом наградила звонкой пощечиной для того, чтобы в другой раз та не забывала разбудить свою госпожу, если ей еще когда-нибудь случится найти на песке браслет. Девочка, не привыкшая к такому обращению, расплакалась. Тогда Мария-Тереза набила ей рот конфетами... Мария-Тереза сама себя не узнавала. Она хотела быть спокойной, но выдавала свою нервность каждым жестом, каждым звуком голоса. И в то же время не могла себе простить, что так боится.

В Перу, собственно, нет дорог. Некогда инки построили тут шоссе, прорезавшее все здешние страны от границ Боливии до столицы Эквадора, шоссе, перед которым самые крупные сооружения галло-римской эпохи кажутся ничтожными; но нынешние дороги — в сущности только тропинки, пригодные разве для мулов. И потому, если вы хотите проникнуть в глубь страны, вам приходится ехать морем до одного из береговых пунктов, откуда железная дорога, пересекая Анды, доставляет путешественников в самое сердце Сьерры, одного из регионов Перу. Географически Перу делится на три полосы, параллельных морю: *Коста* (берег), постепенно поднимающийся от уровня океана до высоты 1500-2000 метров на западном склоне Анд; *Сьерра* — горы и плоскогорья, центральная часть горной цепи, высота которой колеблется между 2000 и 4000 метров, и, наконец, *Монтана* (область лесов), опускающаяся длинными склонами к востоку Кордильер, к Амазонке, постепенно понижая высоту с 2000 до 500 метров. В этих трех зонах все различное: климат, ландшафт и прочее.

Коста — роскошная плодородная местность; Сьерра изобилует живописными долинами со сравнительно теплым климатом; Монтана — целый океан зелени. Самое курьезное в этих любопытных местностях — разнообразие ландшафта на самом ограниченном пространстве. Для того, чтобы проникнуть в Сьерру, надо подняться на одну из высочайших гор всего мира, а под экватором это означает, что вы в течение нескольких часов будете видеть растущие рядом растения и деревья всех широт и всех климатов: по соседству с пальмой — орешник, рядом с сахарным тростником — свекловицу; здесь фруктовый сад с роскошными яблонями, а немного поодаль — группы банановых деревьев, величественно раскинувших свои широкие листья. В этой удивительной стране вас могут угостить за обедом и напитком со льдом, подобранным на снежной вершине, и сладким апельсином, растущим только под тропиками и сорванным в саду одного и того же хозяина.

Франсуа-Гаспар был в восторге. Сколько новых зрелищ, сколько очарований! Сколько новых интересных страниц в

перспективе! Раймонд, маркиз и даже Мария-Тереза потешались над его школьническим рвением ученика, который во время экскурсии не хочет пропустить ничего интересного.

Тень завоевателя

Однажды они чуть не свели дядюшку с ума, спрятав шутки ради его вечное перо. Вообще, всем было весело и все как будто забыли историю с браслетом, оставленным на попечение тетушки Агнессы и старой Ирены. Старушки, сейчас же после отъезда наших путешественников, снесли его в церковь святого Доминика и возложили на алтарь Святой Девы, уничтожающей силу заклинаний и отвращающей злые чары.

Дядюшка особенно волновался во время прибытия в Пакасмайо. Высаживаться пришлось на огромный паром, который так колыхался на волнах, что то поднимался выше палубы парохода, то опускался на несколько метров ниже. Чтобы попасть на этот паром, надо было сначала сесть в бочку, подвешенную на веревках, затем эту бочку спускали на плот — и тогда нужно было, улучив удобный момент, спрыгнуть на паром из бочки.

Мария-Тереза первой показала пример, весьма грациозно проделав это сложное гимнастическое упражнение. Маркиз, для которого это дело было привычным, порхнул, как мотылек. Раймонд так хорошо рассчитал свой прыжок, что выпрыгнул из бочки, не вынимая рук из карманов; но дядюшка так плохо рассчитал его, что бочка стукнулась о паром как раз в тот момент, когда злополучный академик думал о чем-то другом, и он выскочил из нее, словно кукла на пружинке, упав ничком. Нечего и говорить, что при посадке с парома бедный дядюшка, еще не успевший переварить недавних своих впечатлений, совершенно не был подготовлен к неизбежному толчку и кубарем скатился на берег, где его тотчас же обдало набежавшей волной. Приш-

лось ему наполовину раздеться и сушиться на солнышке, прежде чем продолжать путешествие, начатое при таких благоприятных предзнаменованиях.

Только на другой день утром наши путники покинули Пакасмайю, не испытав больше ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь привлечь их внимание.

Однако же, Раймонд не мог не заметить, что в пути их все время сопровождал какой-то господин с бронзовым цветом лица, который, не будь он одет по последней моде, мог бы показаться типичным представителем индейской расы, так блестяще воплощенной в Гуаскаре. Но этот господин был одет по-европейски, носил свой костюм вполне свободно и в дороге выказал себя человеком вполне цивилизованным и даже очень любезным, главным образом по отношению к Марии-Терезе, неоднократно оказывая ей услуги, которые полагается оказывать женщине, хотя бы и незнакомой. Упомянутый господин одновременно с ними сел на пароход в Кальяо, высадился на том же плоту, ночевал в той же гостинице в Пакасмайю и на другой день в одном с ними поезде выехал в Каямарку.

Зрелище перевала через первую Кордильеру из цепи Анд целиком захватило их, и вначале никто не заметил, что пассажир этот уселся в том же купе, где сидели маркиз и его спутники. Но затем он обратил на себя их внимание так неожиданно, что все путешественники, не отдавая себе отчета, почему именно, почувствовали, что он их страшно стесняет.

Они любовались пейзажем и разнообразием флоры, обменивались между собой восторженными замечаниями; но, когда дорога пошла узким и чрезвычайно диким ущельем, незнакомец торжественным голосом изрек:

— Вы видите эту круглую площадку, señores? Отсюда Писарро направил первых послов к последнему царю инков.

Все повернулись к нему, но он словно никого не видел. Он стоял на площадке вагона, скрестив руки на груди и не отрывая взора от утесов, у подножия которых величайший в мире авантюрист остановился перед тем, как завоевать империю.

— С ним был и мой дед! — воскликнул маркиз.

Незнакомец даже не оглянулся на него, но произнес «Нам это известно» — таким странным голосом, что маркиз и прочие невольно удивились. Что это за чудака едет с ними? Почему-то их особенно тревожила его величаявая неподвижность.

Помолчав, незнакомец заговорил:

— Да, мы не забыли, что в числе спутников Писарро был Кристоаль де ла Торрес. Господин маркиз, мы хорошо знаем нашу историю. Писарро покинул испанскую колонию в Панаме, движимый предчувствием, что он найдет за экватором сказочную страну, еще более богатую, чем та, которую подарил недавно Кортес Карлу V-му. И когда Писарро, уже перенесший тысячу опасностей и растративший все свои деньги, увидел, что над ним нависла угроза быть всеми покинутым, — он выхватил шпагу и провел ею черту на песке с востока на запад. Затем, повернувшись к югу, молвил: «Друзья и товарищи! По эту сторону — лишения, голод, нагота, проливные дожди, опасности всякого рода и смерть; по другую — серенькая жизнь и благополучие. Но зато там, на юге, — Перу с его сказочными богатствами, слава, бессмертие. Выбирайте. Пусть каждый решит, как надлежит поступить храброму кастильянцу. Что касается меня — я иду на юг». С этими словами он переступил ногой за черту. Первым за ним последовал отважный лоцман Руис, затем Педро де Кандия, рожденный, как и говорит его имя, на одном из греческих островов. И еще одиннадцать человек, один за другим, перешагнули через черту, заявив таким образом о готовности делить радость и горе со своим вождем. В числе этих одиннадцати был и Хуан Кристоаль де ла Торрес — мы это знаем. Сеньор, *мы это знаем*.

— Но кто же вы-то сами, милостивый государь? — грубо спросил маркиз. Манера незнакомца держать себя, хотя и чрезвычайно учтивая, начала его раздражать.

Тот как будто не слышал. Он продолжал, как бы отдавая должное подвигам предков:

— Не правда ли, господа, не правда ли, сеньорита, есть что-то завораживающее в этом образе кучки храбрецов, обрекших себя на опасное предприятие, которое, казалось, было им совсем не под силу — как, впрочем, и многие подвиги, о которых рассказано в летописях странствующего рыцарства. Подумайте только, господа: кучка людей, без запаса провизии, без одежды, почти без оружия, собралась на одиноком утесе и заявляет о своей решимости предпринять крестовый поход против одной из самых могущественных империй, когда-либо существовавших на свете. И ради этой безумной затеи они не боятся рискнуть своей жизнью. И в числе этих людей был Кристоаль де ла Торрес... Господин маркиз, примите мои поздравления. И, кстати, позвольте представиться: ваш покорный слуга — Уайна Капак-Рунту, заведующий конторой франко-бельгийского банка в Лиме. Вам незачем стыдиться моего общества, маркиз, так как мы оба благородного происхождения. В моих жилах течет царская кровь. Уайне Капаку, королю инков, было всего 16 лет, когда он унаследовал трон своего отца. Детей от законной жены Пиллан Хуако он не имел. Тогда он взял еще двух законных жен: Рава-Беллю и ее двоюродную сестру Мама-Рунту. Я — один из потомков Уайны Капака и Мама-Рунту.

— Значит, ваше начальство предоставило вам отпуск? — с оттенком наглости осведомился маркиз.

Мрачный огонь мелькнул в глазах Уайны Капака-Рунту.

— Да, — выговорил он глухим голосом, — мое начальство дало мне отпуск *по случаю праздника Интерайми*.

Раймонд невольно вздрогнул, услышав это слово, которое ему так часто приходилось слышать в связи с браслетом Золотого Солнца. Молодая девушка была, видимо, обеспокоена тем, какой оборот принял разговор между ее отцом и этим странным пассажиром. Она теперь припоминала, что не раз видела этого господина в франко-бельгийском банке и сам он даже не раз бывал у нее в Кальяо по делам, когда ей случалось отправлять большой транспорт гуано в Антверпен. В то время он показался ей совсем незначительным, и даже лицо его изгладилось из ее памяти.

Только теперь, когда этот псевдо-перувианец в безукоризненном европейском костюме горделиво объявил себя индейцем чистейшей крови из племени кечуа, она разглядела в лице его и во всей фигуре расовые особенности, делавшие его похожим на родного брата Гуаскара. Она знала по опыту, как щепетильно-обидчивы индейцы из этого племени, и опасалась, как бы неосторожный маркиз, может быть, сам того не подозревая, не вызвал бури. Поэтому она с милой улыбкой вмешалась в разговор.

— Праздник Интерайми? Да ведь это же ваш самый важный праздник. Что же, в этом году его будут как-нибудь особенно праздновать в Каямарке?

— В этом году он будет отпразднован с особой пышностью во всех Андах.

— А непосвященных вы не допускаете? Мне так интересно было бы посмотреть на этот праздник, о котором идет столько разговоров. Чего только о нем не рассказывают!

— Глупости, сеньорита, пустяки рассказывают, поверьте мне, — поспешил заверить ее индеец, сразу смутившийся, как мальчишка, перед знатной перувианкой.

И, улыбаясь какой-то странной улыбкой, обнажившей его ослепительные зубы и подчеркнувшей жесткость линий подбородка, он прибавил, слегка шепелявя, каким-то томным, изнеженным голосом:

— Я знаю. Рассказывают о человеческих жертвоприношениях... Но это просто бабские сказки... Человеческие жертвы на празднике Интерайми!... Да вы взгляните на меня. Неужели у меня в этой визитке от Сарате такой вид, как будто я еду на бойню? О, нет.... Кое-какие обряды, напоминающие о нашем былом величии, молитвы богу Света и благоговейное чествование памяти последнего нашего короля-мученика, нашего несчастного Атагуальпы, — вот и все, поверьте... А в конце будущего месяца, сеньорита, я снова буду иметь честь явиться к вам со счетами из нашего банка...

Раймонд совершенно успокоился. Улыбка Марии-Терезы и гримаса дядюшки, разочарованного прозаичностью это-

го потомка инков, служащего конторщиком в банке, разогнали последние неприятные мысли, возникшие у наших путников при упоминании о празднике Интерайми.

Местность становилась все более и более мрачной. Поезд шел по самому дну глубокого ущелья, между двух стен головокружительной высоты. Наверху виднелась только полоска ослепительно-яркой лазури, где реяли кондоры с огромными крыльями, описывая медлительные круги.

— И такими-то дорогами Писарро с крохотной кучкой товарищей шел покорять инков! — воскликнул Раймонд. — Но его же было так легко раздавить и уничтожить. Каким образом он уцелел?

— Сеньор, — мрачно ответил банковский конторщик, — его не трогали, потому что он шел к нам в качестве друга.

— Но позвольте! Так не завоевывают империи. Когда они двинулись на Каямарку, — сколько человек было в отряде Писарро?

— Они получили подкрепление, — вставил маркиз, покручивая усы, — их было *сто семьдесят семь*.

— Без девяти, — поправил конторщик.

— Сто семьдесят семь без девяти — итого сто шестьдесят восемь, — моментально произвел вычитание дядюшка, никогда не расстававшийся с своей книжечкой и карандашом.

— Почему без девяти? — спросила Мария-Тереза.

— Потому, сеньорита, — ответил потомок Мама-Рунту, по-видимому, знавший историю завоевания Перу лучше, чем сами потомки испанских завоевателей, — потому, сеньорита, что и с этими новыми спутниками Писарро проделал ту же историю. Он не скрыл от них трудности задачи и предоставил им свободный выбор. Среди гор Писарро остановился, чтобы дать передышку своим людям и сделать смотр отряду. О, вы имеете право гордиться, господа: в нем было всего-навсего *сто семьдесят семь человек*, из них шестьдесят семь всадников. Во всем отряде *только у трех человек* имелись пищали, да у нескольких *арбалеты*; всего вооруженных, таким образом, было не более двадцати человек. И с этим-то войском Писарро выступил против пре-

восходно обученной армии в пятьдесят тысяч человек, против двадцатимиллионного народа, ибо тогдашнее Перу, в котором владычествовали инки, включало в себя и ту область, что мы ныне зовем Эквадором, и Перу, и Чили, и Боливию. И тем не менее, господа, он нашел, что отряд его еще слишком велик. Он с тревогой заметил, что среди его воинов есть такие, у кого лица как будто стали унылыми, и шагают они уже не так бодро, как прежде. Он чувствовал, что, если их уныние передастся другим, вся его затея погибнет, и счел за лучшее отсечь пораженный орган, пока гангрена не заразила весь организм. Он собрал своих людей и сказал им, что наступил критический момент, когда от них потребуется проявить их мужество во всей полноте. Тот, кто хоть сколько-нибудь сомневается в успехе, пусть лучше вернется назад. Если кто раскаивается, что пошел за ним, еще не поздно, — пусть уходит. Сомневающиеся могут вернуться в Сан-Мигуэль, где уже остались несколько человек... С теми же, кто готов рискнуть вместе с ним, — будь их много или мало, — он пойдет до конца. И вот девять человек отделились. Четверо пеших и пятеро конных. А остальные кричали «виват» своему генералу...

— И первым из них крикнул тот, кто был для Писарро все равно, что братом родным, — мой предок Кристоаль де ла Торрес, — воскликнул маркиз.

— Мы это знаем, мы это знаем, — еще раз с тем же неприятным оттенком иронии в голосе повторил этот странный банковский конторщик с царской кровью в жилах.

— Нельзя ли узнать, почему вы нам рассказываете обо всех этих подвигах? — надменно и сухо осведомился маркиз.

— Для того, чтобы показать вам, сеньор, что побежденные еще лучше победителей знают историю своей страны, — ответил тот с напыщенностью, несколько забавной в человеке, так безукоризненно одетом в костюм от Сарате, то есть из лучшего магазина готового платья в пассаже Аманкас.

— Боже мой, какая красота! — неожиданно воскликнула Мария-Тереза, которая снова испугалась, как бы спор

не обострился, и поспешила перевести внимание путников на ландшафт.

Разговор в темную ночь

Поезд в эту минуту проходил через мост, откуда открывалась несравненная панорама. Впереди высились величественные и дикие Анды, утесы громоздились на утесы, пониже через трещину в горе открывался вид на вечнозеленые леса, там и сям перемешанные с садами, посаженными на уступах гор рукой человека; поднимая глаза, вы видели снежные гребни гор, блистающие на солнце. В этой картине дикой горной природы было столько величия и красоты, что никакой другой пейзаж не мог с ней сравниться.

Но это зрелище было так же страшно, как и красиво: ежеминутно поезд проносился над безднами. Мария-Тереза, опиравшаяся на руку Раймонда, невольно вздрагивала и шептала, вспоминая о безумной храбрости конквистадоров: «И даже эти горы не смогли остановить отряд Писарро».

К несчастью, ее слова были услышаны пассажиром в костюме от Сарате, который заметил — на этот раз с явной враждебностью в голосе:

— Не правда ли, мы могли бы их раздавить уже одной только численностью?

Маркиз одним пируэтом очутился возле потомка древних царей и, приподнявшись на цыпочки, добродушно и свысока потрепал его по плечу:

— Почему же вы не сделали этого, сеньор?

— Потому что мы — не предатели.

Раймонд едва успел схватить за талию и удержать в своих могучих объятиях вспыльчивого маркиза, готового кинуться на дерзкого индейца.

Кристобаль де ла Торрес бился в его руках, как дьяволенок, и был ужасно смешон. Но достаточно было Марии-

Терезе сказать несколько слов, и он почти моментально успокоился. Молодая девушка знала гордость отца и поспешила вполголоса напомнить ему, как он унижает себя — он, маркиз де ла Торрес — вступая в пререкания с каким-то банковским служащим.

— Ты права, — заявил маркиз, высвобождаясь и бросая своему собеседнику, не тронувшемуся с места, взгляд, полный такой дерзкой надменности, что Уайна Капак побледнел. Он тоже, очевидно, понял смысл слов, сказанных Марией-Терезой отцу. Дело, пожалуй, совсем бы испортилось, но в эту минуту поезд остановился. Дорога была еще не достроена и здесь рельсы обрывались. До Каямарки оставалось около сорока километров, и это расстояние предстояло проехать на мулах, так как крутом были горы, ущелья, и настоящих дорог здесь быть не могло.

Впрочем, наши путники этим не огорчались — очень уж живописным было место их ночлега. К склонам гор прилепилось несколько досчатых бараков, где помещались рабочие, занятые на постройке дороги. Поодаль — с дюжину довольно удобных палаток; в них обыкновенно и устраивались на ночь путешественники, вынужденные дожидаться утра, чтобы двинуться в Каямарку. Десятка три мулов бродили тут же на свободе, щипля редкую травку. Неизбежные кондоры-галиназос и здесь реяли в воздухе, описывая свои медлительные круги. Обед, сервированный на краю пропасти, в глубине которой шумно бурлил горный поток, прошел очень весело. Банковский конторщик куда-то исчез, но вечером Мария-Тереза неожиданно встретила его у своей палатки. Он униженно кланялся и просил прощения за инцидент в поезде. Он не предполагал, что разговор о такой старой истории мог быть неприятен «господину маркизу», которого он глубоко уважает. Ему известно, что маркиз в наилучших отношениях с директором франко-бельгийского банка, и он надеется, что эта маленькая неприятность не будет иметь последствий.

Молодая девушка успокоила его, едва удерживаясь от смеха. Свирепый потомок инков боялся потерять свое место!

Когда он отошел, она вернулась к отцу и Раймонду и очень насмешила их своим рассказом. Затем все разошлись по палаткам и улеглись спать, кроме дядюшки, который полночи провел за приведением в порядок дорожных заметок и длиннейшим письмом в вечернюю газету, где рассказывал, что намерен пройти весь путь, которым Писарро шел на завоевание Перу, и притом в обществе индейца, потомка царей инков. Этого индейца он описывал очень подробно, придавая ему самую дикую и свирепую внешность, украшая его волосы перьями и, разумеется, забывая прибавить, что он одевается в лучшем столичном магазине готового платья.

Сон Марии-Терезы был тревожен, как и все ночи с тех пор, как ей померещились на балконе, за окном спальни, три черепа — один блином, другой конусообразный, как сахарная голова, и третий чемоданчиком.

Она поворачивалась с боку на бок, ежеминутно просыпаясь, и никак не могла забыться и отдохнуть, хотя и очень устала.

Внезапно она приподнялась и села на кровати, насторожившись и прислушиваясь. Ей послышался возле самой палатки хорошо знакомый голос.

Она бесшумно скользнула к полотняной двери своей импровизированной спальни и слегка отодвинула ее рукой. В свете луне видны были две удалявшихся тени.

Она тотчас же узнала конторщика франко-бельгийского банка, но не сразу узнала его спутника, так как лица его не могла разглядеть. Но вот обе тени остановились, повернулись к палатке, указывая на нее пальцем, и Мария-Тереза чуть не вскрикнула: «Гуаскар!»

Зачем здесь появился Гуаскар? Что ему тут делать? О чем он мог разговаривать ночью перед ее палаткой с этим странным Уайной Капаком? Почему они указывали на палатку, где она спала? Что все это значит?.. Обе тени снова повернулись и пошли дальше. Среди ночной тишины где-то близко послышалось лошадиное ржание, и в лунных лучах молодая девушка без труда разглядела лошадь, привязанную к столбу и бившую ногами от нетерпения. Гуаскар

был уже в седле; банковский конторщик отвязывал лошадь, продолжая таинственную беседу и время от времени указывая на палатку Марии-Терезы. Наконец, всадник ускакал и скрылся за палатками, и одновременно с ним скрылся и конторщик. Кругом снова стало тихо.

Опять Гуаскар

Мария-Тереза не сомкнула глаз до утра. Неожиданное появление Гуаскара заставило ее призадуматься и, конечно, не могло рассеять тревогу, притаившуюся на дне ее души, хоть она гнала ее прочь и стыдилась своей трусости.

Неужели ей надо опасаться Гуаскара? Этого она не могла допустить. Она отлично сознавала, что индеец любит ее, но лишь как верный пес, и поклялась бы, что она может рассчитывать на его преданность, если бы ей угрожала какая-либо опасность.

А между тем... между тем... Но что «между тем»? Какая же опасность грозит ей?.. Мария-Тереза готова была рвать и метать. Это невыносимо. Она оказывается еще глупее этих старух, живущих среди своих воспоминаний, старинной мебели и нелепых старых сказок. Она решила никому не рассказывать о виденном ночью — ни отцу, ни Раймонду. Не желает она прослыть маленькой трусишкой, которую пугают ночью тени, разгуливающие при луне.

Но, вместе с тем, она решила при первом же удобном случае объяснить напрямик с Уайной Капаком.

Случай этот представился не далее, как на другое же утро. Путники наши уселись каждый на своего мула и двинулись в путь. Мария-Тереза, маркиз, Раймонд и дядюшка маленькой группой ехали впереди всех других. Франсуа-Гаспар, вначале весело усевшийся в седло, теперь бунтовал и хотел сойти: дорога казалась ему слишком опасной. Со спины мула пропасть казалась ему в десять раз глубже, и он готов был идти пешком, а местами, для большей безопасности, даже ползти на четвереньках. Мул его жался к сте-

не утеса, и это страшно пугало академика. Ему все казалось, что животное вот-вот поскользнется. Наконец, он не выдержал, остановился и, так как проехать можно было только поодиночке, вместе с ним остановился и весь караван.

Хуже всего, что с мула он пытался слезть так неловко, с такими неуклюжими движениями, что бедное животное едва не потеряло равновесие и чуть не свалилось с утеса. Сзади ему кричали, чтобы он успокоился и не слезал. Он кричал в ответ, что так и быть, он не спешит, но в таком случае не сделает ни шагу дальше. Положение было в высшей степени комическое.

В это время банковский конторщик, спешившись и проскользнув между мулами вдоль отвесной стены, добрался до дядюшки, взял под уздцы его мула и очень ловко провел его через опасное место, невзирая на отчаянную жестикуляцию академика. Раймонд и Мария-Тереза волей-неволей вынуждены были поблагодарить его. Мария-Тереза очутилась с ним рядом.

— Здравствуйте, сеньор Уайна Капак-Рунту, — начала она с приветливой улыбкой.

— Э, полноте, сеньорита, оставим эти славные имена — они умерли вместе с моими предками; теперь я имею право называться только тем именем, под которым меня знают в банке. Меня зовут Овьедо... вот и все.

— А! Теперь я припоминаю... Да, да, мы виделись с вами в конце каждого месяца. Овьедо из франко-бельгийского банка... Ну-с, сеньор Овьедо, не можете ли вы мне сказать, что вы делали сегодня ночью возле моей палатки с моим бывшим управляющим Гуаскаром?

Овьедо-Уайна Капак-Рунту и бровью не повел. Только мул его как-то странно шатнулся в сторону. Но всадник удержал его твердой рукой.

— А, вы видели Гуаскара?.. Он прискакал среди ночи и велел разбудить меня. Это мой старый друг. Он знал, что я еду в Каямарку, и, так как он сам туда направлялся, не хотел проехать мимо, не пожав мне руки. Мы, действительно, несколько минут простояли у вашей палатки. Узнав, что вы здесь (это я сказал ему), он просил меня оберегать вас... И

сейчас же уехал.

— От чего же меня надо оберегать? — спросила Мария-Тереза. — Разве мне угрожает какая-нибудь опасность?

— Никакой. Но мы все здесь рискуем. Эта дорога сама по себе очень опасна. Долго ли поскользнуться мулу? Такое нередко бывает. Стоит соскользнуть некрепко привязанному седлу, — и человек летит в пропасть. Вот что имел в виду Гуаскар и вот почему я сегодня утром сам выбирал для вас мула и сам оседлал его.

— Благодарю вас, — сказала девушка довольно сухо. Эта непрощенная заботливость вовсе не была ей приятна.

Их нагнал дядюшка. Самообладание уже вернулось к нему, так как здесь дорога была пошире. Он сейчас же заговорил о дикости здешних ущелий и уверял, что ни капельки не боялся.

— А все-таки, — прибавил он, — я не могу понять, как Писарро ухитрился пройти здесь с своей маленькой армией.

Мария-Тереза так посмотрела на академика, что бедняга непременно свалился бы со своего мула и полетел в пропасть, если бы только поймал этот взгляд. К счастью, он его не заметил и продолжал разговор на ту же опасную и сильно интересовавшую его тему.

— Да, это кажется невероятным, — подтвердил индеец. — Я тоже ломал себе голову над этим вопросом. Местами подъемы так круты, что им, очевидно, приходилось спешиваться и вести лошадей под уздцы, кое-как карабкаясь самим. Один неудачный шаг — и можно было сверзиться с высоты тысячи футов. Где без труда может пройти голый индеец, там всаднику в полных военных доспехах, да еще с поклажей, приходится туго. Все эти ущелья, видимо, представляли собой укрепленные позиции, и испанцы вступая в эти узкие проходы, стиснутые каменными стенами, наверное, с тревогой озирались вокруг, высматривая неприятеля.

— А что же делал в это время неприятель? — осведомился подъехавший к ним Раймонд.

— Неприятель ничего не делал, сеньор. Неприятель, по ту сторону гор, ждал к себе в гости испанцев... Нападению

предшествовали переговоры — и индейцы полагали, что к ним идут друзья.

— Извините, господин конторщик франко-бельгийского банка, — раздался голос маркиза, — не разрешите ли вы мне вставить маленькое замечание? Позвольте вас спросить, как вы думаете: если бы ваш король Атагуальпа хоть на минуточку мог вообразить, что его пятьдесят тысяч воинов не в состоянии будут справиться с полутора сотнями испанцев, неужели он стал бы ждать у себя в шатре Писарро и его спутников? Он не пошел против них просто потому, что презирал такого слабого противника. И он был неправ, господин Рунту.

Индеец скромно поклонился, привстав в седле.

— Да, господин маркиз, он был неправ.

И он указал пальцем вверх, на вершину утеса, где на фоне лазури виднелась какая-то черная точка.

— Ему следовало бы появиться в этих ущельях, совсем как этому всаднику над нашими головами, и от безумной затеи ничего бы не осталось, и бог наш, Солнце, до сих пор царил бы в империи Инков.

Банковский конторщик как будто вырос в седле. Ширококим патетическим жестом он словно обвел всю громаду Анд, точно служивших пьедесталом всаднику, застывшему на вершине утеса. Это был индеец, недвижимый, как бронзовая статуя.

— Гуаскар! — воскликнула Мария-Тереза.

И впрямь, все узнали Гуаскара. И все время, пока они находились в пределах первой цепи Анд, то впереди, то позади себя, но всегда над собой, всегда недвижимого в то время, как они проезжали мимо, словно символ покровительства или угрозы, они видели Гуаскара. Его высокий конный силуэт все время господствовал над ними и тревожил их воображение.

Нашим путникам пришлось еще одну ночь провести в шатрах, но на другое утро перед ними раскинулась долина Каямарки, в изобилии наделенная природой всевозможными красотоми. Она расстилалась, как роскошный зеленый ковер, вышитый пестрым узором, представляя собой рази-

тельный контраст с мрачными громадами окружавших ее Анд. Во времена Конквистадора обитатели этой долины по развитию стояли несравненно выше всех племен, попадавшихся испанцам по другую сторону гор: о том свидетельствовали и одежды их, красивые и со вкусом отделанные, и удобные, опрятные жилища. Куда глазом ни кинь — видно было, что здесь живут культурные люди, умеющие возделывать землю. Через пышные луга протекала широкая река, от которой с целью обильного орошения отводили воду канавами и подземными акведуками. В долине произрастали всевозможные злаки, ибо почва ее была плодородна, а климат, не такой знойный, как в прибрежной области, способствовал росту всего, что дарит земля умеренных широт. У ног авантюристов-завоевателей расстился маленький городок Каямарка с его белыми домиками, ослепительно блестящими на солнце, подобно драгоценному камню, сверкающему на мрачной опушке Сьерры.

На милю дальше, в долине, Писарро мог видеть поднимавшиеся к небесам столбы пара, указывавшие местонахождение знаменитых горячих источников, в которых так охотно купались перувианские князья.

Там же взорам воинов Писарро представилось и менее приятное зрелище. Они заметили на склоне высокой горы белое облако шатров, точно густые хлопья снега покрывавших землю на пространстве, казалось, в несколько миль. «Мы все были изумлены, — пишет один из завоевателей, — видя, что индейцы занимают такую неприступную позицию и что у них такое множество палаток, расположенных с правильностью, какой мы еще не видали в Индии. Зрелище это несколько смутило и даже устрало и наиболее мужественных, но возвращаться было уже поздно, а выказывать малодушие — недостойно нас.

Поэтому, стараясь по возможности сохранять хладнокровие и внимательно исследовав местность, мы приготовились вступить в Кахамарху».

Весь горя и волнуясь от сознания, что он находится в том уголке земли, где разыгралась невероятнейшая авантюра, дядюшка Франсуа-Гаспар, стоя на стремени, востор-

женно приветствовал Каямарку, о которой он так долго мечтал. Спеша похвастаться сведениями, почерпнутыми из разговора с Овьедо Рунту, он показывал своим спутникам место, где король Атагуальпа со своими пятьюдесятью тысячами воинов поджидал испанских гостей. Эта грозная армия не внушала страха почтенному академику; он сам себе казался конквистадором и уже воображал себя героем древней авантюры. Приподнявшись на стремянах, он громко крикнул:

— Вперед! — и пришпорил своего мула.

Неизвестно, что почувствовал владыка Перу, увидав перед собой воинственную кавалькаду белых людей с развевавшимися знаменами и в блестящих доспехах, отражавших лучи заходящего солнца, когда эта кавалькада, выехав из мрачных глубин Сьерры, двинулась с явной враждебностью к его прекрасным владениям, где прежде еще не ступала нога белого. Но, когда дядюшка поскакал вперед, уносимый испуганным мулом, вся компания покатила со смеху. Подстрекаемые этим смехом и радостными громкими возгласами, вслед за ним помчались и прочие мулы — одни крупной рысью, другие галопом. Этот шум и топот позади еще больше напугали мула, на котором ехал несчастный академик, и естественная развязка не заставила себя долго ждать.

Мул споткнулся — и дядюшка полетел вверх тормашками. Все бросились к нему, обступили его, но он уже вскочил на ноги и не только не сердился, но, наоборот, пребывал в восторге.

— Милостивая государыня и милостивые государи, — воскликнул он, — вот как Писарро выиграл свою первую битву.

И он объяснил смеющимся Раймонду и Марии-Терезе, что во время первой встречи испанского авантюриста с перувианцами, еще до перехода через Анды, Писарро с его маленьким отрядом был едва не уничтожен количественно более сильным войском инков. Но вдруг одна из лошадей в его отряде споткнулась и сбросила всадника. Инки, прежде никогда не видавшие лошади, были настолько по-

ражены, увидав, как это необыкновенное животное — всадник и конь — распалось надвое, что бросились бежать, оглашая воздух безумными воплями.

Никто, разумеется, не поверил почтенному академику, а между тем, он рассказывал сущую правду. Но вся история с завоеванием Перу так фантастична, что недоверие к ней вполне извинительно у тех, кому не доводилось, как дядюшке, рыться в мадридских архивах и своими глазами читать древние летописи. Франсуа-Гаспар Озу, разумеется, тщательно изучил историю Перу по первоисточникам, прежде чем отправиться вместе со своим племянником вновь открывать Америку. Наши путники все еще смеялись над его маленьким приключением, когда подъехали к стенам Каямарки.

Подарок Атагуальпы

Они въехали в город уже под вечер. Путешественников прежде всего поразило множество встреченных на улицах индейцев и их безмолвие.

В обыкновенное время Каямарка насчитывает двенадцать-тринадцать тысяч жителей; но в этот вечер их было, наверное, вдвое больше. Впрочем, и в дороге путники все время обгоняли или видели перед собой караваны индейцев, направлявшихся с берега или из лесной области в священный город — ибо Каямарка для индейцев то же, что Мекка для мусульман. Это как бы усыпальница инков, и по ее улицам нельзя шагу ступить, не наткнувшись на множество обломков былого величия погибшей империи.

Не одни путники, а и сами обитатели города дивились такому огромному стечению паломников из племени кечуа и других племен. До сих пор на праздник Интераими никогда не собиралось так много участников; по крайней мере, старожилы такого не помнили. Даже во время особо торжественных праздников, повторявшихся только раз в десятилетие, индейцы имели обыкновение скорее скрывать-

ся, чем собираться толпами.

Чему приписать такой наплыв? Власти тревожились, но не имели повода вмешиваться. В Каямарку — поскольку на другом конце Перу Гарсия поднял знамя восстания — были вызваны лишь немногочисленные войска.

Двери восьми христианских церквей на случай неожиданного нападения охранялись солдатами, ибо каждый из этих старинных храмов легко мог быть превращен в надежную крепость. Оставшаяся часть отряда стояла на главной площади города, неподалеку от развалин дворца со знаменитым камнем, на котором был сожжен Атагуальпа, последний царь инков.

К этому камню и стекались на поклонение толпы индейцев, совершившие трудный путь через горы. Пораженный их безмолвным потоком, маркиз с тревогой припоминал, что большому восстанию индейцев в 1818 году предшествовали такие же сборища. Праздник Интерайми должен был начаться на следующий день и продлиться две недели. Неужто он и вправду положит начало одному из тех народных восстаний, которых перувианское правительство напрасно перестало бояться?

Раздумывая над этим вопросом, Кристобаль поднял глаза и увидел перед собой здание, где помещались почта и телеграф. Он тотчас же остановил мула и соскочил на землю. Раймонд и Мария-Тереза с улыбкой переглянулись. Наконец-то они узнают, кем был таинственный отправитель браслета Золотого Солнца.

И они, в свою очередь, остановили мулов, с напускным равнодушием поджидая возвращения маркиза.

Минут через десять он вышел.

— У меня записаны и имя, и адрес, — произнес он как-то озабоченно.

— Ну, и как же зовут отправителя? — спросила Мария-Тереза.

— Его зовут Атагуальпа.

— Значит, шутка еще не кончена, — изменившимся голосом проговорила Мария-Тереза.

— Очевидно. Я подробно расспросил почтового чиновника, принимавшего посылку. Он хорошо запомнил физиономию отправителя, так как и его поразило это странное имя — Атагуальпа. Посылку сдавал индеец из племени кечуа. На вопрос чиновника он ответил, что его имя действительно Атагуальпа. В конце концов, такое возможно.

— Раз вам известен его адрес, давайте нанесем ему визит, — предложил Раймонд.

— Я только что сам хотел это предложить, — сказал маркиз и поехал вперед. Дядюшка ехал в арьергарде, примостив свою книжечку на седельной луке и все время что-то записывая.

Они переехали вброд ручей, впадающий в приток верхнего Марапона, миновали развалины церкви св. Франциска — первого христианского храма, построенного в Перу — и, попутно расспрашивая о дороге, очутились на площади, кишевшей индейцами.

С одной стороны площадь замыкалась древними стенами, еще сохранившими форму дворца. Это было жилище последнего царя инков. Здесь он жил, окруженный славой и величием, здесь готовился к мученической смерти.

Вот куда направил почтовый чиновник маркиза Кристобаля де ла Торреса — во дворец Атагуальпы.

Маленькая группа всадников, попавшая в густую толпу, сама не заметила, как оказалась за воротами дворца, в первом дворе.

То был большой, просторный двор, полный индейцев. Одни — видимо, вожди — стояли с горделиво поднятыми головами. Другие лежали, простершись на земле возле центрального камня, священного камня, камня мученичества.

За этим камнем, стоя на табурете, туземец в багряном, ослепительно ярком плаще, какого ни один испанец не видал еще на плечах индейца, произносил речь... Все остальные слушали в благоговейном безмолвии.

Он говорил на языке индейцев-кечуа нараспев, словно читал псалмы.

Когда во дворе появилась группа наших всадников, позади их раздался голос, обращавшийся к человеку в багря-

но-алом плаще:

— Говорите по-испански. Все поймут.

Маркиз и Мария-Тереза обернулись.

Позади них стоял конторщик из франко-бельгийского банка и кланялся, давая понять, что это он оказал им эту любовь.

Странное дело — подобное вмешательство, которое могло бы показаться святотатством, не вызвало ропота. И индеец в багряно-алом плаще заговорил по-испански.

Он говорил:

— В то время Инка был всемогущ: войско его было большое и сильное. Дома в городе были из глины, обожженной на солнце, а вокруг города шли три спиралью выведенные стены из тесаного камня. И еще укрепленная цитадель и монастырь, где жили «девы солнца». Гостеприимный Инка, ничего не боявшийся и не ведавший предательства, велел впустить белых людей в город. В этом городе, который мог стать их тюрьмой, они были приняты, как друзья, как благородные послы другого великого императора, царствующего по ту сторону моря. А вождь иноземцев тем временем разделил свою маленькую армию на три части и повел ее на город в боевом порядке, ибо он не доверял благородству и великодушию инков. Видя это, Инка сказал: «Раз они не доверяют нам и боятся нас, выйдем все из города этого, где они расположатся на отдых, и возвратим мир их сердцам». И когда Конквистадор подступил к стенам города со своими солдатами, никто не вышел им навстречу, и он на коне проехал через весь город, не встретив живой души и не услышав иного звука, кроме тяжелых шагов своих воинов.

Краснокожий остановился, как бы стараясь сосредоточиться, и затем продолжал:

— Дело шло уже к вечеру. Чужеземец сейчас же отправил послов в лагерь Инки. Брат Чужеземца, по имени Фернандо, явился в лагерь с двадцатью всадниками, прося, чтобы его допустили к Инке. Атагуальпа принял его, сидя на своем троне, окруженный всей своей царской пышностью, сановниками и женами. Чужеземцы говорили медовые ре-

чи. Инка же сказал им: «Передайте вашему начальнику, что я держу пост, который кончится завтра. Тогда я явлюсь к нему вместе с главными моими вождями. Разрешаю ему пока что занять общественные здания на площади, но никаких других до моего прибытия, а затем я распоряжусь». После этих милостивых слов один испанский всадник, решив отблагодарить Инку, который никогда еще не видал человека верхом на лошади, стал ему показывать свое искусство наездника. Инка остался недвижим, но некоторые из присутствовавших обнаружили признаки страха, и за это Инка велел предать их смерти, как оно по справедливости и подобало. После этого послы Чужеземца испили *чичи* из золотых чаш, поднесенных им девами Солнца. И возвратились в Каямарку. И там с унынием доложили своему вождю, что они видели: пышность лагеря, силу и численность войск, превосходный порядок среди них и дисциплину. И отчаяние вселилось в сердца солдат Чужеземца, особенно когда настала ночь, и на склонах гор, освещая их, вспыхнули огни лагеря Инки, казалось, такие же несметные, как звезды на небе.

Краснокожий опять сделал торжественную паузу и затем продолжал:

— Но Чужеземец, которого ничто не могло смутить и ошановить, прошел по рядам, стыдя всех, укором и насмешкой возвращая им мужество. На другой день, в полдень, Инка со своими вождями пышным кортежем двинулся в путь. Высоко над всеми идущими виднелась фигура короля, которого несли на носилках важнейшие из сановников. Позади него армия развertyвалась по широкому луту вплоть до самого горизонта. Во всем городе царилa глубокая тишина, прерываемая лишь от времени до времени криком часового: тот с высоты крепостной башни сообщал о каждом движении армии Инки.

Прежде всего в город вступили несколько сотен слуг с песнями ликования, отдававшимися в ушах Чужеземца адским воем. Затем — воины, стража, владетельные князья в одеждах с золотой, серебряной и медной каймой. Нашего Атагуальпу, сына Солнца, внесли на носилках и поместили

высоко над всеми на трон из массивного золота. Шествие дошло до самой середины площади, не встретив ни единого белого. Атагуальпа, сын Солнца, вступивший на площадь с шестью тысячами наших соотечественников, осведомился: «Где же чужеземцы?» В это мгновение монах, которого раньше никто не заметил, приблизился к Инке с крестом в руке. С ним был индеец-переводчик, изложивший основание веры Чужеземца. Он убеждал инков отречься от своей веры и поклониться христианскому Богу. Атагуальпа ответил им: «Вашего Бога умертвили те самые люди, которых он создал. Мой же, — и он указал на солнце, которое в эту минуту во всей своей славе заходило за горы, — мой бог и поныне живет в небесах, откуда он смотрит на детей своих».

При этих словах краснокожего оратора все индейцы, окружавшие маркиза и его спутников, с громким кликом ликования, прощания и надежды повернулись к солнцу, готовому скрыться за Андами. В проломе стены видно было яркое зарево заката. Вся сцена была так величественна, что Мария-Тереза и Раймонд невольно вздрогнули. Да, у древнего бога Солнца сохранилось еще много верных слуг, как и в тот трагический вечер — последний вечер величия Атагуальпы. Достаточно было взглянуть на этих возбужденных, дрожащих от волнения людей, в течение стольких веков сохранявших тот же язык, те же нравы. Завоевание прошло над ними, не изменив их. Они свято хранили традиции. И, быть может, не сказки рассказывали, что где-то далеко в горах, в неведомом городе, о существовании которого и не подозревают другие народы, в городе, защищенном неприступными твердынями Анд и вечными снегами, обитают жрецы, неустанно поддерживающие священный огонь. История этого скрытого священного города, веками передаваемая из уст в уста, оказалась долговечней памятников инков — поражающих путешественника не менее, чем руины Луксора и Карнака. Быть может, произошло это потому, что народ их не знал письменности. Ни письменности (в царстве инков запрещено было писать), ни литературы, ни поэтической лжи. Только верная память при помощи *кипос*, веревочек с завязанными на них узлами, пов-

торяла из века в век одни и те же слова и заставляла проделывать в одни и те же часы одно и то же.

Индейцы на коленях слушали рассказ о смерти Атагуальпы. Странное дело! Большинство из них, становясь на колени, крестились. Было ли это влияние насильно привитой им новой религии, или же знамение креста было знакомо им еще раньше? Некоторые источники утверждают, будто первые завоеватели Нового Света уже нашли это знамение у инков и у ацтеков, и отсюда выводят заключение, что цивилизация в этих странах была насаждена потерпевшими крушение христианскими мореплавателями, в поисках неведомого скитавшимися по индейским и китайским морям и по Тихому океану. Сколько тут еще неразрешенных вопросов! Безучастный к драме, завязка которой происходила у него на глазах, знаменитый ученый Франсуа-Гаспар Озу целиком ушел мыслью в прошлое, не замечая опасной связи между этой древней трагедией и случайностью, забросившей потомков завоевателя в эти развалины, где потомки инков оплакивали смерть Атагуальпы.

Тем же напевным голосом краснокожий жрец продолжал:

— Писарро и его всадники, готовые к бою, спрятались в обширных залах дворцов, окружавших площадь. Туда и вернулся к ним монах, пытавшийся склонить Атагуальпу признать истинного Бога. «Разве вы не видите, — сказал он Писарро, — что пока мы тут тратим слова с этим псом, преисполненным гордыни, сюда отовсюду стекаются полчища индейцев? Что же вы медлите? Нападите на них. Заранее отпускаю вам ваши грехи».

Краснокожий оратор дошел до того, что он именовал «преступлением Чужеземца». Он выпрямился во весь рост и угрожающим жестом поднял руку над толпой.

Он рассказал, как на площадь выбежал Писарро со своими солдатами и как со старинным боевым кличем испанцев: «Во имя святого Иакова!» они неожиданно кинулись на ничего не подозревавших индейцев. Как на этот боевой клич откликнулись все испанцы, которые были в городе, и, выскочив из засады, рассыпались по площади, пехотин-

цы и конные, расстреливая и топча копытами коней безоружную толпу. Охваченные паническим страхом, индейцы не знали, куда убежать, где укрыться от неминуемой гибели.

Знать и простонародье — всех беспощадно топтали копытами своих коней яростно нападавшие всадники, рубившие саблями направо и налево, вселяя ужас в сердца несчастных индейцев, которым впервые довелось видеть лошадей и конных людей. Они даже не оказывали сопротивления, да и оружия у них не было¹. Все выходы с площади были закрыты, завалены телами погибших при попытке спастись бегством. Уцелевшие же были до того напуганы, что под натиском нападающих проломили стену, которой обнесена была площадь, и ринулись в этот пролом. Целыми тысячами рассыпались они по равнине, спасаясь бегством, а за ними гнались и преследовали их всадники и рубили их, и топтали их лошадьми.

Все это происходило на глазах царя, продолжавшего сидеть на своем золотом троне. Испанские солдаты пробились к нему и хотели убить его. Но Писарро, стоявший ближе всех к нему, крикнул громовым голосом: «Кто посмеет тронуть Инку, тот поплатится жизнью!» — и, протянув руку, чтобы защитить его, был ранен в эту руку одним из своих солдат.

---

¹ Прескотт, Педро Писарро и Херес, секретарь экспедиции, — все ставят этот вопрос: были ли вооружены индейцы, пришедшие с Атагуальпой? Первый говорит, что у некоторых из приближенных Инки были луки и стрелы, а у других — серебряные и медные палицы, но это были скорее украшения, чем оружие. Педро Писарро и некоторые другие летописцы говорят даже, что индейцы захватили с собой веревки, чтобы связать белых пленников, настолько они были уверены, что маленькая кучка белых не окажет им сопротивления. Фернандо Писарро и секретарь Херес, правда, утверждают, будто у индейцев под платьем спрятано было оружие, но никто не говорит, что оружие это было пущено в ход, и все единогласно утверждают, что сопротивления индейцами оказано не было (*Прим. авт.*).

Бой кипел всего ожесточеннее вокруг королевских носилок, поставленных на золотом троне. Они качались, точно на волнах, и, когда большинство сановников, поддерживавших эти носилки, были убиты, носилки опрокинулись. Писарро и его спутники подхватили на руки Инку. Тотчас же с чела его была сорвана императорская повязка *борла*, и несчастного монарха под усиленным конвоем отвели в соседнюю залу — на то самое место, где теперь стоял краснокожий оратор.

После этого индейцы совершенно перестали сопротивляться. Весть о судьбе Инки вскоре распространилась и в городе, и по всей стране. Теперь над перувианцами уже не было сильной руки, которая бы могла сплотить их воедино. Каждый думал только о собственной безопасности. Даже солдаты, стоявшие лагерем на соседних полях, со страху разбежались, услышав роковую весть.

Вечером Писарро пригласил Атагуальпу к себе на ужин. Инка обнаружил поразительное мужество и ни словом, ни жестом не выказал своего волнения.

На другой день начался грабеж. Испанцам и во сне не снилось, что они найдут здесь столько золота и серебра. И тут Атагуальпа заметил, что в сердцах большинства завоевателей еще сильнее религиозного рвения говорит алчность, жадность к золоту. И однажды он сказал Писарро, что, если тот выпустит его на свободу, он обязуется покрыть золотом весь пол комнаты, где они находились.

Испанцы выслушали его, недоверчиво улыбаясь. Тогда Инка, обидевшись, торжественно заявил, что он может завалить золотом не только пол, но и саму комнату до высоты своего роста. И, приподнявшись на цыпочки, он приложил руку к стене.

Во взорах всех выразилось удивление, ибо речи эти казались им безрассудной похвальбой человека, который мечтал вырваться на свободу и не мог взвешивать свои слова. Только Писарро призадумался. По мере того, как он продвигался вглубь страны, многое, что он видел своими глазами, и все, что он слышал, подтверждало рассказы о несметных богатствах Перу. Сам же Атагуальпа описывал

ему пышность своей главной столицы Куско, где на всех храмах крыши золотые, стены их покрыты драгоценными тканями, а пол устлан черепицами из того же драгоценного металла. Должна же быть доля правды в этих рассказах... Во всяком случае, благоразумнее было принять предложение Инки, ибо в таком случае он соберет и отдаст им все золото, каким владеет, не дав возможности туземцам спрятать и утаить его.

И Писарро согласился на предложение Инки и провел на стене красную черту в том месте, до которого Атагуальпа дотронулся рукой. И велел нотариусу в точности записать предложенные условия. Комната имела около семнадцати футов в ширину и двадцать два в длину, а линия была проведена на стене в девяти футах от земли.

Дойдя до этого места своего повествования, которое мы привели здесь, дабы оживить прошлое перед глазами читателя, краснокожий жрец остановился, подошел к стене и, указав пальцем на черту, сохранившуюся еще довольно отчетливо, произнес: «Вот мера выкупа!»¹

Всю эту комнату Инка обязался наполнить золотом до проведенной черты, но, как он выговорил себе, не слитками золота, а сделанными из золота утварью и сосудами, так что между ними могло еще оставаться свободное место. Кроме того, Атагуальпа обязался выдать испанцам вдвое больше серебра, чем могло уместиться в соседней горнице, также изрядных размеров, и попросил два месяца срока на выполнение своих обещаний. Вскоре гонцы его, избранные им среди плененных с ним вместе, помчались во все концы империи собирать выкуп.

За царственным узником был установлен, разумеется, строгий надзор, так как он олицетворял собой не только бе-

---

¹ По словам известного путешественника Стивенсона, в развалинах дворца несчастного кацика и теперь показывают довольно хорошо сохранившуюся комнату, где держали в плену злополучного Инку; на стене этой комнаты еще можно разглядеть проведенную им черту. Перу изобилует развалинами эпохи завоевания, и не удивительно, что память о таком выдающемся событии сохранилась в течение веков (*Прим. авт.*).

зопасность Писарро, но и сказочные богатства. От времени до времени Инку навещали его главные сановники, никогда не осмеливавшиеся предстать перед своим владыкой иначе, как босыми и с какой-нибудь ношей на плечах в знак почтения. Испанцы с любопытством смотрели на это рабочее преклонение перед царственным узником и на то глубокое равнодушие, с каким он принимал это поклонение, как нечто вполне естественное, и проникались глубоким уважением к монарху, который и в плену, и лишенный трона, все же внушал своим подданным такое благоговейное почтение. Тем временем обе горницы наполнялись золотом и серебром. Но расстояния были велики, и выкуп доставлялся медленно, тем более, что он состоял из массивных вещей, главным образом — тяжелых сосудов, весивших иной раз до двух-трех *арробас* (испанская мера веса в 25 фунтов). В иные приносили вещи общей стоимостью в тридцать-сорок, а то и пятьдесят-шестьдесят тысяч песо. Завоеватели не могли оторвать жадных взоров от всех этих сокровищ, которые индейцы приносили на плечах и складывали у ног своего несчастного монарха. Но сколько еще места оставалось незаполненным! Солдаты начали проявлять нетерпение. Тогда Писарро послал своего брата Фернандо в Куско с отрядом всадников и с приказом от Инки. И перувианцам пришлось наскоро опустошить и дома свои, и храмы.

Число золотых плит, сорванных самими послами Писарро с Храма Солнца, доходило до семисот и, хотя толщина их была, без сомнения, небольшая, размерами они равнялись крышке ящика в 10-12 дюймов ширины. Вокруг всего здания храма шел карниз из чистого золота, но так крепко вделанный в камень, что, к счастью, грабителям не удалось сорвать его.

Помимо серебра, послы, вернувшись, привезли с собой две сотни *каргас* или полных доверху мер золота. И, хотя свободного места в обеих горницах оставалось еще все-таки много, монарх-узник уже радовался, надеясь, что скоро наступит час его освобождения.

Испанцы нетерпеливо роптали. В стране было беспокойно. Говорили, что индейцы готовы восстать. Надо было как можно скорее идти на Куско, благо из Панамы пришли кое-какие подкрепления. Но передовые отряды ни за что не хотели оставить позади такие сокровища, и испанцы решили устроить раздел.

Для начала требовалось перелить все это золото в слитки одинакового размера и веса, ибо выкуп состоял из самых разнообразных предметов, изготовленных из золота той или иной степени чистоты. Тут были кубки, блюда, кувшины, вазы всех форм и размеров, украшения и утварь, взятые из храмов и королевских дворцов, золотые черепицы и плитки для украшения общественных зданий, резные изображения различных животных и растений. Из растений красивее всего был маис с золотым колосом, спрятанным в широких серебряных листьях. Все также восхищались фонтаном, извергавшим блестящую золотую струю, между тем как под ней, в водах, резвились птицы и животные из того же металла. Изящество работы, красота и тонкость резьбы восхитили бы и более строгих судей, чем грубых солдат, завоевателей Перу.

Прежде чем сломать и перелить все эти образчики индейского искусства, решено было часть их отправить в дар Карлу V-му, как образчик искусства жителей покоренной страны и захваченной в ней добычи.

Переливка утвари была поручена туземным ювелирам, которым пришлось, таким образом, уничтожить свою же работу. Они трудились день и ночь, но переливать приходилось такое огромное количество металла, что на одно это ушел целый месяц. Когда, наконец, все было превращено в слитки приблизительно одинаковой величины, они были тщательно взвешены и оказалось, что всего здесь было золота на миллион триста двадцать шесть тысяч пятьсот тридцать девять золотых песо, что на наши деньги составило бы более трех с половиной миллионов фунтов стерлингов — около пятнадцати с половиной миллионов долларов, то есть более тридцати миллионов рублей или семьдесят с половиной миллионов франков.

Серебра оказалось двадцать шесть тысяч фунтов.

Покончив с разделом добычи, победители стали раздумывать, что им делать с пленным Атагуальпой. Отпустить его на свободу — это было бы очень рискованно. И вот они решили учинить гнусность. Прежде всего, они обвинили его в том, что он тайно подстрекает своих подданных к восстанию против испанцев. Пленный монарх отвечал:

— Как же я, бедный узник, могу готовить восстание, когда знаю, что первым паду его жертвой? А вы плохо знаете мой народ, если думаете, что он восстанет без моего приказа, ведь даже птицы в моих владениях не осмелились бы летать, если б я им не позволил.

Но испанцы не поверили уверениям пленного Инки в его невиновности, ибо слухи о восстании росли и крепли. Говорили, что в Гвамачучо, в ста милях от лагеря, уже стоит сильное войско и что с минуты на минуту можно ожидать нападения. Испанцев тем более тревожили эти слухи, что они боялись утратить награбленное добро. Солдаты даже на ночь не снимали оружия, и Писарро самолично обходил по несколько раз в день все посты, проверяя часовых. Словом, его маленькое войско было вполне готово отразить неожиданное нападение.

Но помимо этого, авантюристы прежде всего требовали смерти Инки. Писарро противился этому, называл это предательством, но, в конце концов, вынужден был уступить, и пленный Инка был предан суду. Его признали виновным в том, что он хотел поднять свой народ против испанцев, и приговорили к сожжению.

Когда приговор этот сообщили Атагуальпе, он был страшно поражен. Он был молод и храбр, а между тем — должен был умереть.

На минуту мужество его поколебалось, и он со слезами воскликнул:

— Что мы сделали, я и дети мои, чтоб заслужить такую участь? И еще от вашей руки! — продолжал он, обращаясь к Писарро. — Вы встречали в моем народе только благожелательство. Я отдал вам половину своих сокровищ, и ничего, кроме добра, вы от меня не видели.

Смертный приговор Инке был провозглашен глашатаем на главной площади Каямарки. Спустя два часа после заката солнца испанские солдаты собрались на площади при свете факелов, чтобы привести в исполнение приговор. Это было 29-го августа 1533 года.

— Атагуальпа вышел в оковах вон из той залы. Мученик вошел сюда через эту дверь.

Теперь краснокожий оратор уже не стоял на табурете. Он ходил по двору, указывая, каким путем шел Атагуальпа на казнь, и голос его звучал все громче и торжественнее. Из этой мрачной истории он выпустил все, что говорило о дерзновенной смелости завоевателей и о малодушной трусости слугителей Инки, напирая главным образом на измену, на предательство.

Дойдя до рассказа о том, как несчастный монарх взошел на костер, оратор неожиданно повернулся к углу, где, недвижные, сжатые толпой, стояли маркиз де ла Торрес и его спутники. Теперь он явно обращался к ним, к чужеземцам, и речь его звучала угрозой и пророчеством.

— Истинно, истинно говорю вам: прокляты потомки тех, кто осквернил уста свои ложью! Умрут собачьей смертью и никогда не узрят волшебных обителей Солнца потомки тех, кто утверждал, будто перед смертью Атагуальпа отрекся от нашей святой религии. Это неправда! Сын Солнца до конца пребыл верным светилу дня.

По всей вероятности, краснокожий оратор говорил правду. Все, что рассказывают нам очевидцы о смерти Атагуальпы, о его характере, его мужестве и невозмутимости, отнюдь не подтверждает слова монахов, рассказывавших, что перед смертью он будто бы обратился христианскую веру. Монахи утверждают, что когда Инку уже привязали к столбу и обложили хворостом, готовясь поджечь его, доминиканец Вальруде обещал королю, если он согласится принять крещение, сделать кончину его менее ужасной и удавить его раньше, чем он будет сожжен. И Атагуальпа якобы согласился и назван был при крещении Иоанном, в честь Иоанна Крестителя, память которого празднуется в этот день.

Между тем, краснокожий оратор доказывал, что это утверждение лживо, и проклинал палачей, восклицая:

— Так умер последний царь инков позорной смертью злодея!

И патетическим жестом указывал на камень, на котором был сожжен Атагуальпа. Волнение и негодование толпы, окружавшей чужеземцев, все возрастали. Все взоры, обращенные на них, дышали угрозой. Без сомнения, их присутствие в этом священном месте и в такую минуту казалось святотатством. Века рабства не согнули еще окончательно выю завоеванного народа, и казалось — вот-вот он поднимет голову и восстанет против завоевателей.

Дорогу «деве Солнца»!

Мужчины, женщины, дети, толпившиеся вокруг маленькой группы европейцев, напирали на них с такой явной враждебностью, что Раймонд первым воскликнул:

— Пора уходить!

— Да, да, и как можно скорее, — прошептала Мария-Тереза.

Маркиз был того же мнения, хотя ему неприятно было показать, что он боится. Они вскочили на мулов, но в эту минуту весь двор огласился бесконечно-тоскливым и жалобным воплем — плачем о погибшем Атагуальпе, и в воздухе замелькали крепко сжатые кулаки.

Положение было критическое.

Маркиз крикнул:

— Вперед!

И первым вонзил шпоры в бока своего мула. Мул, не ожидавший этого, взвился на дыбы и ринулся на толпу.

Засверкали ножи, выхваченные из ножен. Еще миг — и не избежать бы кровопролития, но в эту минуту в толпе произошло движение.

Человек высокого роста прокладывал себе дорогу к небольшой кучке белых. Большинство индейцев почтительно

или со страхом сторонились, пропуская его; тех же, кто не торопился посторониться, он бесцеремонно расталкивал. Мария-Тереза, ее отец и Раймонд сразу узнали Гуаскара. Он взял под уздцы мула Марии-Терезы и громовым голосом, покрывшим шум толпы, крикнул:

— Смерть тому, кто осмелится коснуться «девы Солнца»!

После этих слов все угрожающе поднятые кулаки опустились, и взволнованная толпа мгновенно притихла.

И опять послышался голос Гуаскара:

— Пропустите чужеземцев!

Сам он шел впереди.

Они благополучно выбрались на площадь, где их приняла под свою защиту солдаты муниципальной гвардии, которые только головами качали, изумляясь, как путешественники так неосторожно заехали в этот квартал, кишатый фанатиками-индейцами, и к тому же накануне праздника Интерайми.

— Мы проводим вас до гостиницы.

И в гостиницу наши путники прибыли с почетным конвоем. Маркиз хотел поблагодарить Гуаскара, но индеец уже скрылся.

Мария-Тереза и Раймонд были бледны и молчаливы. Совершенно ошеломленный дядюшка даже спрятал свою записную книжку. В гостинице нашлась только одна свободная комната, где они и заперлись. Раймонд первым выговорил роковые слова:

— А что, если это правда?

— Да, да, — вскричала Мария-Тереза, — что, если это правда?

— В чем дело? Что правда?... О чем вы говорите? — попытывался растерянный маркиз, отлично понимавший, о чем они говорили.

— Если правда — про «невесту Солнца»?

С минуту никто из них не мог произнести ни слова. Все были угнетены этой ужасной, чудовищной мыслью. Они только смотрели друг на друга с тревогой и страхом, как дети, когда им рассказывают страшную волшебную сказку.

Раймонд глухим голосом повторил:

— Вы слышали, как Гуаскар кричал: «Дорогу “деве Солнца”! Смерть тому, кто дотронется до “невесты Солнца”!»

— Может быть, у них такая манера выражаться, — вставил дядюшка. — Иначе...

— Что «иначе»? Что такое, черт возьми? — воскликнул маркиз, теряя голову и уже глубоко сожалея о поездке в Каямарку.

— Иначе... — робко пояснил дядюшка, — если бы Мария-Тереза и вправду была избрана ими в невесты Солнцу, они не отпустили бы ее... они оставили бы ее у себя.

— Послушайте! Что вы такое говорите? Да вы с ума сошли! — восклицал маркиз. — Неужто вы думаете, что здесь можно безнаказанно хватать наших дочерей... Да ведь мы здесь хозяева, черт возьми... Тут ведь под рукой полиция... войска... Да ведь эти презренные индейцы — наши рабы. Честное слово, все мы бредим наяву!

— Ну да, бредим наяву, — подтвердила Мария-Тереза, задумчиво качая своей хорошенькой головкой.

— Мое мнение такое, что нам надо поскорее уезжать из Каямарки, — решительно сказал Раймонд и, отойдя к окну, стал глядеть на улицу.

На дворе была уже ночь. На площади — ни души. И город весь точно вымер... Внезапно в дверь постучали. Лакей подал письмо — небольшую записку на имя Марии-Терезы, которую она прочла вслух:

«Уезжайте. Возвращайтесь в Лиму. Сегодня же ночью уезжайте из Каямарки».

Подписи не было, но молодая девушка ни минуты не сомневалась.

— Это Гуаскар предостерегает нас.

— И надо последовать его совету, — сказал Раймонд.

В дверь снова постучали. На этот раз лакей доложил о прибытии начальника местной полиции.

Его тотчас же приняли.

Он явился узнать, что произошло и действительно ли индейцы осмелились напасть на маркиза. Ему рассказали, как было дело. Начальник полиции также нашел, что с их сто-

роны было большой неосторожностью проникнуть во дворец Атагуальпы в час молитвы, и передал, что у него только что был служащий из франко-бельгийского банка в Лиме, который уверял, что знаком с маркизом и его семьей, приехал сюда вместе с ними и нарочно зашел к нему, чтобы попросить его посоветовать маркизу и его спутникам на следующий день не показываться в городе, в особенности в кварталах, населенных индейцами.

Было очевидно, что местные власти боялись осложнений и были бы рады-радешеньки, очутись маркиз и его спутники очутились за сто миль от города. Путешественники успокоили начальника полиции, сказав, что решили уехать нынче же ночью. Начальник полиции очень одобрил это решение и вызвался помочь: предоставил им свежих мулов, надежного проводника и конвой из четырех солдат, которые должны были сопровождать путешественников до первой железнодорожной станции.

Наши путники двинулись в обратный путь около одиннадцати часов вечера, но теперь употребили на него вдвое меньше времени, чем в первый раз. Раймонд, обыкновенно спокойный и хладнокровный, торопил всех и выказывал себя наиболее неуравновешенным. Только на другой день вечером, уже сидя в вагоне железной дороги, маленькая компания почувствовала, что она со своими страхами немного смешна. «Мы еще большие дети, чем старая Ирена и тетушка Агнесса», — смеясь, говорил маркиз.

И все думали то же.

По возвращении к привычной цивилизованной жизни они уже не понимали, отчего так переполошились из-за самой обыкновенной вещи — недовольства туземцев тем, что они вторглись непрошенными гостями в священное место во время исполнения религиозных обрядов. Наверное, индейцы давно позабыли об этом. Самое лучшее и им поскорее забыть о случившемся. Путешествие закончилось очень весело, так как при посадке на пароход дядюшка снова ухитрился промокнуть до нитки.

В Лиме они почувствовали себя в полной безопасности. Не прошло и двух суток, как изгладился последний след

их «ребячества». Вдобавок, за время отсутствия Марии-Терезы в конторе накопилось много дел, и молодая девушка с головой ушла в работу и вычисления. Ей-то уж вовсе некогда было думать о фатальном браслете. В Кальяо она отрывалась от своих толстых конторских книг, только когда являлся Раймонд и стучал в окно, напоминая ей, что пора возвращаться в Лиму.

Однажды вечером (спустя около недели после происшествия в Каямарке) обычный стук раздался несколько раньше обыкновенного. Мария-Тереза встала, чтобы поздороваться со своим женихом, и отворила окно. Но, едва успев отворить его, глухо вскрикнула и отшатнулась. Перед ней стоял не Раймонд, а... Нет, нет, не может быть!.. Уже смеркалось и трудно было что-нибудь разглядеть. Она потерла глаза, отгоняя галлюцинацию... А затем храбро — да, она повела себя храбро! — высунулась из окна и поглядела на улицу... Ей мерещилось в темноте что-то зыбкое, шаткое... нечто вроде колыхавшегося во мраке конусообразного черепа, напоминавшего формой сахарную голову. Дрожая всем телом, она обернулась... В двух темных углах конторы точно так же колыхались и придвигались к ней размеренными движениями маятника два других черепа — блином и чемоданчиком... Ей казалось, что она сходит с ума, что это опять галлюцинация, навеянная всеми этими старыми сказками о браслете Золотого Солнца. Она напрягала всю свою волю, отгоняя это безумие... Ведь этого не может быть!.. Черепа мумий не разгуливают по городу на плечах живых людей... А между тем, они приближались, колыхаясь, покачиваясь в темноте. У нее рвался из груди отчаянный крик, зов на помощь — «Раймонд!» — но этот крик замер у нее в горле. Все три оживших мумии накиннулись на нее — конусообразный череп тоже запрыгнул в окно, — придавили ее, зажали ей рот и вытащили в черное отверстие окна. Под окном ждал автомобиль. Бой с какой-то странной улыбкой сидел за рулем. Миг — и автомобиль укатил, унося с собой трех чудовищ, трех гробовых призраков, зажимавших рот «невесте Солнца» своими отвратительными маленькими кулачками оживших мумий.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЕДИНСТВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Тем временем в Кальяо Раймонд, в ожидании, пока можно будет зайти за Марией-Терезой, печально шагал по бульвару. Он только что приехал из Дарсены и обдумывал неприятные известия, которые услышал там от портовых инженеров. Они в один голос утверждали, что ввиду политического положения в стране ему нелегко будет возобновить работы на заброшенных рудниках Куско. Вот уже два дня, как на окраине Перу идет бой, — настоящий или только для видимости; но как бы то ни было, пальба не прекращается.

Гарсия, претендент на престол, вовсе не пировал и благодушествовал в Арекипе, как о нем рассказывали; вместо этого он с частью своих войск внезапно напал с тыла на республиканцев между Сикуани и Куско. Ходили слухи, что и сам Куско уже в его руках.

Если это правда, значит, на скорый мир рассчитывать нельзя, и значит, воюющие стороны долго еще будут рвать по клочкам страну, а положение самого президента Вентимильи сильно поколеблено.

Между тем, именно Вентимилья, по ходатайству маркиза и французского общества разработки рудников, готового предоставить необходимые средства, любезно дал Раймонду Озу разрешение начать работы на заброшенных рудниках и испробовать новый сифон. Чего же будет стоить это разрешение, если победа останется за Гарсией?

Деятельный по натуре и влюбленный в свое изобретение, пожалуй, не меньше, чем в Марию-Терезу, Раймонд очень огорчился мыслью, что придется, может быть, несколько месяцев просидеть сложа руки в ожидании конца революции, которая только начинается... Он взглянул на часы и убедился, что идти за Марией-Терезой еще немного рано — она не терпит, когда ей мешают подбивать баланс. Да,

они очень любят друг друга, но «дело прежде всего».

И он зашел посмотреть газеты в «Кружок друзей искусств» — нечто вроде кафе, где можно было бесплатно читать все главные газеты Старого и Нового Света.

В большой зале все столики были заняты, и всюду шел разговор о том же — о последних вестях из Куско. И даже горячие приверженцы президента Вентимилья начинали находить достоинства и в Гарсии... В это время с улицы донесся крик мальчишек-газетчиков; публика рвала у них из рук вечерние листки.

Один из членов «Кружка друзей искусств» вскочил на стул и вслух прочел для общего сведения прокламацию президента, просившего всех перувианцев успокоиться и категорически опровергавшего слухи о взятии Куско мятежниками. Напротив, Вентимилья утверждал, что генерал Гарсия с восставшими войсками заперт в Арекипе, что все перевалы в Сьерре заняты правоверными республиканскими войсками, что изменника очень скоро сбросят в море или же оттеснят в песчаные пустыни Чили. В прокламации упоминалось и об индейцах-кечуа, опять таки в успокоительном смысле, с уверениями, что беспорядки в предместьях объясняются лишь близостью праздника Интерайми: кончится праздник — и все войдет в свою колею, а индейцы опять вернутся к своей обычной апатии. В заключение Вентимилья обещал напрячь все силы, чтобы нанести последний удар мятежникам и раз навсегда избавить страну от Гарсии и волнений.

«Друзья искусств» приветствовали это заявление ликующими возгласами; все их симпатии моментально оказались на стороне Вентимилья. Прокламацией все остались очень довольны. — «Великолепно!» — «Чрезвычайно убедительно!» — «Боже мой, как я рад!» — слышались возгласы.

Раймонд, хоть и не придавал серьезного значения официальным опровержениям в вечерних газетах, вышел из кафе успокоенным.

Он спешил в верхний город, так как на улице быстро смеркалось, и он боялся опоздать. Торопливо пробираясь путаными улицами и переулочками, теперь уже знакомы-

ми Раймонду не только по письмам Марии-Терезы к его сестре, Жанне, он еще издали увидал свет в окне на веранде и заметил, что окно это открыто.

— Она ждет меня, — подумал он, и сердце его радостно забилося. Он осторожно подошел, вытянув шею и ожидая увидеть Марию-Терезу такой, как тогда, в первый раз. Вот она склоняется над толстыми конторскими книгами и подводит, подсчитывает длинные столбцы цифр, вписывая результат в свою записную книжечку, и одновременно заявляет невидимому покупателю: «Ну это уж, сударь, как вам будет угодно, но за такую цену вы можете получить лишь низший сорт гуано, в котором всего 4% азота, да и то...» Эта фраза врезалась ему в память... И она не показалась ему смешной в устах его возлюбленной. Наоборот, он после этого еще больше влюбился в нее: в женщине, особенно в молодой девушке, он искал именно серьезность, практичность, даже деловую смекалку; легкомысленные вертушки, подружки сестры, которых он встречал в салонах, приводили его в ужас своим легкомыслием. Это был истинный потомок солидного купеческого рода, который, быть может, тогда только по-настоящему и влюбился в Марию-Терезу, когда убедился, что она способна вести коммерческое предприятие. Это-то и заставило его победить свою скромность. Когда они говорили о Марии-Терезе с сестрой Жанной, та восклицала: «Она такая красивая!» — «У нее мужской ум», — отвечал Раймонд.

У него и подавно мужской ум — и, однако же, как они оба были напуганы этой глупой историей... не хуже теток... Положим, действительно, престранная история... Как он будет смеяться над «невестой Солнца», когда сможет назвать ее своей женой!..

— Добрый вечер, Мария-Тереза!

Ответа нет. Раймонд подходит ближе.

— Добрый вечер, Мария-Тереза!

Молчание. Раймонд приподнимается на цыпочки, хватается руками за подоконник, заглядывает вглубь комнаты — никого. Что же это значит?.. И какой беспорядок в ком-

нате! Столы опрокинуты, книги и бумаги валяются на полу...

— Мария-Тереза!.. Мария-Тереза!..

Одним прыжком Раймонд перемахнул через подоконник. Растерянно озирается кругом, зовет. Никого. Что же это такое? Он кричит так, что и мертвого мог бы разбудить, а слуги не идут... Ни сторожа, ни дворника — ни души... А двери настежь...

— Мария-Тереза! Мария-Тереза!..

Раймонд выбежал во двор, — пусто! Потом опять вернулся в контору — только для того, чтобы окончательно убедиться в постигшем его несчастье. Все здесь говорило о буре, о насильственном похищении: стулья, откатившиеся в угол, сорванные занавески, разбитое стекло в окне. Молодой человек уже не звал на помощь; он плакал, рыдал, жалобно стонал: «Мария-Тереза! Мария-Тереза!» Его невеста, очевидно, похищена — и, конечно, похищена краснокожими. Братьями того самого Гуаскара, к которому она питала такое детское доверие и который любил ее не братской, а совсем иной любовью. Раймонд отлично помнит, какими глазами он смотрел на Марию-Терезу. Ему ли, который сам влюблен в нее, ошибиться в значении такого взгляда!

Весь дрожа, он высунулся из окна, вглядываясь в окружающий мрак и безмолвие, напрасно силясь найти хоть какое-нибудь указание, по которому можно было бы определить, куда ее увезли... Негодяи! Как они осмелились!.. Он представлял себе бедняжку, вырывающуюся из рук Гуаскара, призывая его, Раймонда — в то время, как он преспокойно разгуливал по набережной или слушал глупые разговоры в кафе. Почему он не пришел раньше!.. Он застиг бы Гуаскара на месте преступления... Вот кого следовало опасаться, вот от кого оберегать Марию-Терезу, а они дали загипнотизировать себя нелепой сказкой о браслете — словно дети, право!

Индеец, влюбленный в белую и задумавший отомстить... Это уже не сказка. Раймонду представился Гуаскар — таким, каким он вошел в эту самую комнату и стал в углу,

надменно запахиваясь в свой яркий плащ, грозящий кулаком, прежде чем уйти, когда Мария-Тереза прогнала его вместе с сородичами... Нет, это слишком ужасно! Раймонд не в состоянии был думать, сосредоточиться... Он снова выскочил через окно на улицу, едва освещенную фонарем, висевшим на веревке, протянутой на перекрестке поперек улицы. И тут никого — только мрак, запертые магазины и глухие стены.

Наконец-то! За углом слышны голоса. Раймонду вспомнилось, что там есть кабачок — единственное, что оживляло по вечерам эти мертвые улицы. Дверь кабачка была отворена. Раймонд вошел и на пороге столкнулся с одним из сторожей, Доминго. Тот в испуге отшатнулся от него.

— Где твоя госпожа?!

Доминго, по-видимому, не понял вопроса. Он робко сказал, что думал, будто сеньорита уже уехала с Раймондом в Лиму, а потом увидел автомобиль...

— Какой автомобиль? Чей автомобиль?

Доминго пожал плечами. Мало ли автомобилей в Лиме и в Кальяо...

— Кто правил?

— Бой.

— Наш бой? Либертад?

— Си, сеньор, Либертад.

— Он ничего тебе не говорил, когда проезжал мимо?

— Он и не заметил меня..

— А твоя госпожа — ты ее видел?

— Автомобиль был закрытый — я не разглядел... Они мчались так быстро... Ей-Богу, правда! Больше ничего не знаю.

И Доминго поднял руку в клятвенном жесте.

Раймонд схватил его за плечо и затряс, как деревце.

— Что ты тут делал? Как ты смел уйти со двора, не спросившись у хозяйки?

— Меня вызвали. Один кечуа пригласил меня распить с ним стаканчик писко — настоящего писко, ей-Богу!

Раймонд, подталкивая сторожа, вышвырнул его на улицу и затем втолкнул в опустошенную контору.

Доминго ужасался и рвал на себе волосы, но Раймонд схватил его за горло с такой силой, что глаза сторожа выкатились из орбит, как косточка из вишни, если сдавить мякоть. Раймонд напряженно вглядывался в эти выкатившиеся глаза, силясь разобраться: лжет он или нет? Дурак это или предатель?

Потом одумался и выпустил слугу. Что пользы душить его? Теперь, когда он достаточно напуган, он скажет все, что знает... И у Доминго, действительно, развязался язык... Несомненно, похищение было организовано при посредстве боя, скверного метиса Либертада, которого Мария-Тереза из жалости подобрала на улице и, заметив, что он мальчишка способный, выучила править автомобилем. День и час были выбраны удачно: в субботу вечером на этой улице не сыщешь живой души.

— Когда ты шел пьянствовать в кабачок со своим индейцем, автомобиль уже стоял у подъезда? — спросил Раймонд.

— Да, сеньор, с полчасика стоял.

— И верх был поднят?

— Нет, сеньор. Либертад один сидел за рулем, как всегда.

Раймонд уже бежал по улице по направлению к Дарсене. Это был единственный путь, по которому мог направиться подобный экипаж. Тот факт, что Мария-Тереза была увезена в собственном автомобиле, при содействии ее собственного боя, значительно облегчал преследование. Во-первых, автомобиль не мог уехать далеко, так как дороги здесь прескверные. И затем, следы шин легко различить.

Под одним из фонарей молодой человек наткнулся на кого-то, вышедшего из-под ворот с большими предосторожностями и, видимо, недовольного тем, что его так грубо толкнули. По завитым волосам и моложавому, кукольному личику Раймонд узнал человека, которого видел в окне между двух цветочных горшков в первый день по приезде в Кальяо, — друга швейки Женни, начальника местной полиции. Он так громко вскрикнул от радости и с таким жаром схватился за руку блюстителя порядка, что тот в испуге отшатнулся.

— Кто это? Что вам нужно?

— Извините, ради Бога, сеньор инспектор. Я — Раймонд Озу, инженер, жених сеньориты де ла Торрес. Ее похитили. Украли!

— Что вы говорите? Возможно ли? Сеньориту Марию-Терезу?..

Торопливо, в нескольких словах, Раймонд рассказал ему, что случилось, категорически обвиняя Гуаскара и индейцев-кечуа. Градоначальник был в отчаянии от этой неожиданной помехи, — он вышел, чтобы купить чего-нибудь на ужин своей милой Женни. Но он был честным человеком, не лишенным чувства долга. Он только попросил у Раймонда позволения вернуться на минутку — предупредить свою приятельницу.

Оскорбленный инженер даже не ответил и продолжал свой путь к гавани, расспрашивая по дороге всех прохожих и мелких торговцев, ужинавших на порогах своих домов, об автомобиле с такими-то приметами. По всем указаниям, автомобиль проехал здесь всего полчаса тому назад.

Раймонд был убежден, что больше не увидит градоправителя, но тот, запыхавшись, догнал его.

— Вы уж перестали ждать меня, сеньор? А вот он я! На Нативидада всегда можно положиться.

На самом деле его звали Перез, но благодаря личику херувима и завитой головке Иисуса-младенца в яслях он заработал в Кальяо прозвище *Нативидад* — Рождество. И он первым подтрунивал над этим, так как вообще отличался редким добродушием. Но и у Нативидада были свои «враги». Он ненавидел краснокожих в целом и, в особенности, индейцев-кечуа, находя их хитрыми, ленивыми, грязными и способными на любую пакость, если только найдется кто поумнее, кто их подучит. Сообщение Раймонда не слишком его удивило.

Уже неподалеку от гавани, на маленькой улочке Сан-Лоренцо, Нативидад неожиданно остановил Раймонда и прижал его к стене. Это был один из самых глухих кварталов города. Освещения никакого не было. Единственная полоска света падала из-под низкой двери одного из соседних

домов. Дверь эта тихонько приотворилась — и из нее осторожно выглянула голова, видимо, желая убедиться, что на улице нет никого чужого. Раймонд чуть не вскрикнул от радости — он узнал Гуаскара.

Индеец свистнул — и тотчас же из мрака вынырнули, словно отделившись от стен, две темные фигуры в широкополых индейских шляпах. Неслышно скользя, они приблизились к Гуаскару, который вышел на улицу, притворив за собой дверь. Все трое обменялись несколькими фразами на индейском наречии аймара. После этого две темные фигуры направились к гавани, а Гуаскар вошел в дом и запер за собой дверь. Улица снова опустела.

Нативидад все это время крепко сжимал руку Раймонда, как бы сдерживая его. Молодой человек дрожал от нетерпения.

— Что там такое? Вы поняли, о чем они говорили? Может, Мария-Тереза здесь, в этом доме?

Градоначальник не ответил, но сам скользнул к низкой двери и, рискуя быть замеченным, заглянул в окно. Раймонд последовал его примеру. Оба увидели большую комнату, полную индейцев, сидевших за столами в странном и торжественном безмолвии. Ни трубок в зубах, ни стаканов с вином перед ними не было. По комнате взад и вперед расхаживал Гуаскар, как видно, погруженный в мрачные мысли. Неожиданно он исчез за дверью, выходящей на лестницу, должно быть, соединявшую первый этаж со вторым. Градоначальник решил, что видел достаточно. Вероятно, опасаясь, что их могут заметить, он увлек Раймонда под ворота соседнего дома.

— Не знаю и не берусь объяснить, — начал он, — что они тут делают, эти индейцы, в самый разгар праздника Интерайми. Собрание довольно странное. Большинство кечуа из Кальяо уехали на праздник в горы и вернутся только дней через десять. Во всяком случае, нет никаких оснований предполагать, что похищение учинено Гуаскаром. Задумавший похитить знатную перувианку не стал бы выдавать свою тайну трем десяткам краснокожих, из которых каждый продаст мне эту тайну за несколько сентаво.

— Погодите! — сказал Раймонд. — Автомобиль-то мы найдем, конечно, но пустым, а я убежден, что Гуаскар знает о похищении Марии-Терезы, если он и не похитил ее. Мы не должны терять его из виду.

— Думаю, нам не придется долго ждать! — заметил градоправитель, настораживаясь и прислушиваясь к шуму, доносившемуся с другого конца улицы. — Индейцы возвращаются, и не одни, а с лошадьми. Черт возьми! Что бы это могло значить?.. И еще во время праздника... О!. О!.. Молчите!

По острым камням мостовой скакал целый маленький отряд, быстро приближавшийся. Градоправитель и Раймонд отошли еще подальше и спрятались в маленьком переулочке, прорезавшем под прямым углом *калле* Сан-Лоренцо. Отсюда им было видно все происходящее. Дверь отворилась — и высыпали все индейцы, бывшие в зале. Они, видимо, кого-то ждали. Первым вышел Гуаскар; потом индеец, в котором Раймонд признал жреца, повествовавшего нараспев о страшной участи Атагуальпы на «Камне мученика» в Каямарке; за ним молодой человек, одетый по последней европейской моде, — Овьедо-Уайна Рунту собственной персоной. И — невероятная вещь! — все эти люди, глазом не моргнувшие при появлении Гуаскара и жреца из Каямарки, преклонили колени перед Уайной Рунту, перед конторщиком франко-бельгийского банка, склоняя голову и разводя руками в знак глубочайшего почтения.

К этому времени все лошади и мулы были уже у двери. Из дома вышли слуги с фонарями и осветили кавалькаду. Первым, с помощью Гуаскара, смиренно державшего стремя, уселся на лошадь конторщик франко-бельгийского банка. Затем вскочил на лошадь Гуаскар, за ним жрец из Каямарки. Они поместились по обе стороны и немного сзади Рунту. И тут-то, по знаку обернувшегося Гуаскара, произошло нечто, осветившее для Нативидада всю сцену зловещим светом. Садясь в седла, все индейцы, составлявшие свиту этих троих, завернули свои плащи — и под ними оказались другие, красные, горевшие, как кровь, в блеске факелов и фонарей.

— *Красные пончо! Красные пончо!* — глухо повторял градоправитель, сжимая руку Раймонда.

Кто-то свистнул в конце улицы, с набережной откликнулись свистом — и небольшой отряд двинулся в путь.

Раймонд хотел было бежать за ним, но розоволицый градоначальник удержал его:

— Погодите! Погодите! Надо сперва узнать, в какую сторону они поедут.

По следам краснокожих

Он лег и прижался ухом к земле.

— Они едут по дороге в Хорильос. Я готов пари держать, что они хотят настичь автомобиль.

— Коня!.. коня!.. — стонал Раймонд. — Нельзя же нам здесь оставаться.

— А вы потерпите. Пожалуйте за мной. У нас найдется кое-что получше лошади — телефон и железная дорога.

И Нативидад снова начал причитать:

— *Красные пончо! Красные пончо!*

Раймонд, наконец, потерял терпение.

— Дались они вам, эти красные пончо!.. Не все ли равно, красные или серые? Ведь и так ясно, что это все — одна шайка и что они помогали Гуаскару. Это ясно, как... во всяком случае, яснее этой ночи.

— Да, месье Озу, теперь и я согласен с вами, — говорил запыхавшийся Нативидад, стараясь поспеть за молодым инженером, который теперь, по его настоянию, бежал к вокзалу. — Вы были правы... Они участвовали в похищении... Это они увезли сеньориту де ла Торрес... Красные пончо... жрецы Солнца...

Раймонд остановился, как вкопанный... Он понял, что Марию-Терезу может ждать еще более страшная участь, чем попасть в руки влюбленного индейца... Недаром предостерегали тетушки... О, почему он смеялся над ними вместо того, чтобы послушать их!..

— Несчастливая! — простонал оп.

И он бросился бежать, как сумасшедший, таща за собой Нативидада. И на бегу кричал ему:

— Но вы же арестуете всех этих негодяев?.. Вы засадите их в тюрьму?.. Вы спасете ее?

— Мы сделаем все, что можно. Но их человек тридцать, а мы здесь как без рук: войска в Сьерре, а гарнизон весь забрали на войну с доном Гарсией.

— Но вы можете телефониловать в Лиму.

— И меня опять примут за сумасшедшего, как десять лет назад, — был загадочный ответ.

— Но хоть в Хорильос-то мы поспеем раньше их?

— Да. Поезд отходит через десять минут.

— Ах! Лучше бы вы мне дали лошадь! Дайте мне лошадь — и я помчусь за ними, догоню их, узнаю, по крайней мере, куда они едут! Да я один пойду на них.

— Нет, нет. И я с вами. Я вас не оставляю.

И снова Нативидад пробормотал про себя:

— Десять лет назад они не поверили мне — и вот теперь опять...

Но Раймонд не слушал его... Его ужасала мысль ехать по железной дороге, бездействуя... когда так страшно потерять след... Лучше бы верхом...

Градоначальник успокаивал его.

— Да ведь и они поедут тем же путем, вдоль линии железной дороги. Мы будем следить... Я предупрежу обер-кондуктора. Если мы заметим по пути автомобиль, поезд остановится. А если увидим красные пончо, — обгоним их и будем ждать их в Хорильосе, заранее предупредив местные власти. Время еще не потеряно, месье Озу.

С вокзала Нативидад успел еще до отхода поезда телефониловать в полицейское правление, дав приказ немедленно известить полицию в Хорильясе, чтобы она не пропускала ни одного автомобиля, идущего из Кальяо.

Раймонд и Нативидад взволнованно беседовали на платформе с обер-кондуктором, когда подошел поезд из Лимы. Из вагона выскочили маркиз де ла Торрес, дядюшка Франсуа-Гаспар и маленький Кристоаль.

— Мария-Тереза... Где Мария-Тереза? — еще издали кричал Раймонду маркиз. — Почему вы здесь один? Где она? Боже мой! Что случилось? Да говорите же!

Маленький Кристоаль уже уцепился за Раймонда и с плачем допытывался у него, где сестра. Дядюшка был очень взволнован и все время ходил вокруг остальных на своих длинных журавлиных ногах. Поезд дал третий свисток. Начальник полиции в свою очередь накинулся на Раймонда и с его помощью втолкнул всех остальных в поезд, готовый тронуться. Раймонд едва успел крикнуть:

— Ее похитили индейцы, но мы знаем, где она — в Хорильосе.

Он невольно смягчал краски, чтобы не слишком напугать старика. Но маркиз уже кричал, что он своими руками перебьет всех индейцев-кечуа. Маленький Кристоаль рыдал... Раймонд допытывался: но откуда же они знают? кто предупредил их? каким образом они очутились здесь?

Оказалось, что за вечерней тетушка Агнесса и старая Ирена заметили, что браслет Золотого Солнца, положенный ими к ногам Богородицы Сан-Доминго, украден. Взволнованные таким святотатством и полные мрачных предчувствий, обе старушки поспешили вернуться домой, чтобы предупредить Марию-Терезу и посоветовать ей остеречься. Но первым, кто попался им навстречу, был маркиз, испуганный не меньше их. Он прибежал из клуба, куда не заглядывал уже целую неделю, так как все эти дни ездил по раскопам и древним кладбищам с дядюшкой Озу. В клубе он нашел анонимное письмо на свое имя, в котором ему советовали день и ночь стеречь Марию-Терезу, пока не кончится праздник Интерайми, — глаз с нее не спускать и, в особенности, ни за что не пускать ее в Кальяо в будущую субботу... Будущая суббота — значит, как раз сегодня, а письмо пролежало в клубе чуть не целую неделю... Уже семь часов вечера, а ни Марии-Терезы, ни Раймонда еще нет. И маркиз, не раздумывая долго, решил сам ехать в Кальяо.

Старушки настаивали, чтобы и их взяли с собой: они предчувствовали, что случилось нечто ужасное. Но женщин решено было оставить дома, и маркиз взял с собой только

дядюшку и маленького сына, которого никакими силами — ни лаской, ни угрозами — невозможно было уговорить остаться дома.

Все эти рассказы, взаимные объяснения, проклятия маркиза, плач ребенка и растерянность дядюшки еще больше взволновали Раймонда. Он сорвал с себя галстук и воротничок, — он буквально задыхался.

— Нет, положительно непредставимо, что такие вещи могут случиться в цивилизованной стране, где ездят по железным дорогам! — восклицал он в ужасе. Теперь он уже не сомневался, что это было не дерзкое похищение любимой девушки влюбленным дикарем, а похищение с преступной целью принесения языческим богам человеческой жертвы. Пояснения градоправителя не оставляли в этом никакого сомнения. Самым необычайным было то, что Нативидад, с одной стороны, казался огорченным происшествием и искренне сочувствовал; с другой — как будто радовался, ведь случившееся подтверждало его донесения и предостережения, над которыми начальство обыкновенно посмеивалось, не принимая всерьез его доклады о сохранившихся среди индейцев-кечуа пережитках древних жестокостей — о жертвоприношениях детей и женщинах, заживо замурованных в стены во имя бога Солнца. Его вышучивали, говорили, что он повторяет бабьи сказки. Он не годовал — и ничего не мог поделать. И вот события сами доказали его правоту. Похищение знатной перувианки во время праздника Интерайми, да еще с какой помпой, с целой свитой *красных пончо* — одежд жрецов Солнца! Как покатывалось со смеху начальство, слушая его рассказы о красных пончо! Вот теперь и поглядите, как они действуют, эти жрецы...

Все молча слушали его, окончательно впав в отчаяние. Заметив это, добродушный Нативидад начал утешать спутников: индейцы не могли далеко увезти похищенную девушку, все горные перевалы Сьерры заняты войсками, которые, конечно, не станут помогать этим фанатикам. Главное — не потерять след.

Как раз в эту минуту поезд вышел на линию, идущую параллельно берегу, и теперь взоры путников уже не отрывались от этой широкой пустынной полосы, белевшей в лунном свете. Они миновали несколько мазанок, несколько бамбуковых хижин; затем потянулись сплошные голые пески. Высунувшись в окна, Раймонд, градоправитель и маркиз напряженно вглядывались, силясь ничего не упустить. Дядюшке пришлось взять на руки маленького Кристобая, чтобы и он тоже мог смотреть в окно. Мальчик все время плакал, зовя сестру, которую он нежно любил, и восклицал:

— Где моя старшая сестреночка? Зачем у меня забрали мою сестричку?..

Маркиз и Раймонд не могли удержаться от слез, слыша этот жалобный детский голосок... И вдруг все вскочили с мест.

— Автомобиль!

На дороге, у ворот гациенды, стоял автомобиль... тот самый... Нативидад дернул за веревку. Поезд остановился. Прибежал обер-кондуктор. Наши путники выскочили на насыпь. Градоправитель кричал обер-кондуктору, чтобы он поскорей прислал из Лимы полицию, солдат, главное — лошадей, словом, все необходимое для скорейшей помощи. Поезд снова тронулся. Раймонд уже бежал, увязая в песке, по равнине, не слушая градоправителя, заклинавшего его вести себя осторожно и не спугнуть преступников. В руке у него был револьвер, и он решил прострелить голову первому индейцу, который попадется ему навстречу. Но он никого не увидел. Ни в автомобиле, ни вблизи его не было ни души. Мотор был как будто брошен пассажирами на этой пустынной дороге, возле загадочной гациенды, темные стены которой озарялись лишь бледным лунным светом.

Убивают! Убивают!..

Низкая, сводчатая дверь гащиенды была открыта, и Раймонд вошел. Дом казался совершенно покинутым. Ни души на огромном дворе, окруженном частью полуразвалившимися строениями. Должно быть, это была просто *хигуэла* или, вернее, *шакра*, совсем маленькая ферма, хозяева которой развели огород и сбывали овощи в городе. Направо от входа находилась *бодега* или склад товаров и земледельческих орудий, налево *каза* — жилые комнаты. И здесь все двери были открыты настежь. Нативидад и маркиз присоединились к Раймонду в то время, как он, возвратившись к автомобилю, доставал фонарь, чтобы при свете его осмотреть дом. Равнина была все так же безмолвна и тиха. Не говоря ни слова, все вернулись к дому. Не успели они войти в первую комнату, как почувствовали странный запах, тяжелый и терпкий. Они сделали еще несколько шагов — и невольно вскрикнули от ужаса. В комнате царил ужасающий беспорядок, вся мебель была сдвинута или опрокинута. Раймонд едва не упал, поскользнувшись в луже крови. Кровью был залит весь пол... Раймонд и маркиз в смертельной тоске стали звать:

— Мария-Тереза! Мария-Тереза!

И смолкли внезапно, когда кто-то откликнулся.

— Боже мой! — вскричал молодой человек. — Это она. Ее убивают.

И бросился к лестнице, ведущей в верхний этаж, откуда теперь совершенно явственно доносились жалобные стоны... И опять поскользнулся, схватился за ступеньки, стараясь не упасть вниз, и с ужасом отдернул руку: на ней было что-то теплое и липкое — кровь...

Вот он — след, который они так искали... Этот уж не обманет... кровавый след ведет прямо туда, откуда несутся стоны и крики, оглашающие теперь всю гащиенду... Они пробежали через две комнаты, где, видимо, также происходила борьба... «Мария-Тереза! Мария-Тереза!» Снова площадка лестницы, дверь в какой-то темный чуланчик. Изнутри

доносятся стоны. В этом темном чуланчике — лежащее на полу тело, о которое они спотыкаются... Маркиз и Раймонд — оба падают на колени перед этим телом, обнимают его, приподнимают.

Это не Мария-Тереза. Это Либертад... это только Либертад. И они благодарят Бога за то, что это только Либертад.

Несчастный весь исколот ножами. Куда только его не били — и в грудь, и в спину, и в лицо... Он задыхается, просит воздуха... Его тащат к окну. Начинают допрашивать и узнают, что он смертью искупает свое преступление... Но для Раймонда важно лишь одно — узнать, где его невеста. И, как только умирающий указывает рукой вдаль, по направлению к Сьерре, на тропинку, ведущую в гору, он, как сумасшедший, снова сбегает с лестницы.

Внизу дожидается дядюшка Озу, который тщетно силится успокоить маленького Кристобалья. Мальчуган забрался в автомобиль, нашел там платок своей сестры и снова принялся звать душераздирающим голосом:

— Мария-Тереза! Мария-Тереза!

Увидав Раймонда, ребенок бросается ему на шею с плачем:

— Гадкие! Они увезли ее.

Но Раймонд так грубо отшвырнул его, что ребенок сразу почувствовал: теперь не время плакать, и взрослым не до него. Молодой инженер растерянно озирается во все стороны... Коня! Полцарства за коня!.. Или хотя бы мула... На кой черт ему этот дурацкий автомобиль! Разве в нем проедешь по горным тропинкам, где теперь скачут жрецы Солнца?.. Но мальчик вдруг настораживается. За бодегой, во дворе, ему как будто почудился топот копыт и затем лошадиное ржанье. Вправду он это слышал или ему показалось? Нет ли во дворе конюшни?.. Кристобаль бежит туда — что-то вроде конюшни есть, но в ней одни ламы... жалкие, тонкие, с торчащими наружу ребрами... Видимо, они всю жизнь таскали тяжести и теперь вряд ли будут в состоянии поднять и ребенка... Но ведь ламы не ржут, а маленький Кристобаль явственно слышал лошадиное ржанье... Он обходит

кругом все постройки и вдруг испуганно жметя к стене: посреди равнины недвижно замер всадник и, кажется, наблюдает за гациендой. А рядом с ним, такое же недвижимое, легкое, стройное животное, с тонкими ногами, с длинной шеей, уши настороже — кордильерская лама, очевидно, послушная, как собачка, этому всаднику. Конь и лама. Боже мой! Чего же лучше?... Вот только всадник тут совсем лишний...

Не успел он это подумать, как конь, брыкнув, кидается в сторону, раздается выстрел — и всадник, раскинув руки, валится на песок.словно из-под земли вынырнувший человек бросается к коню, хватает его за узду, вскакивает в седло... Это Раймонд. Маленький Кристоаль уже возле него.

— Скажи отцу, что одного я все-таки укокошил и что я добыл себя коня! — кричит ему Раймонд. И поворачивает коня к Сьерре.

Но мальчуган, не отвечая, во всю прыть бежит за ламой, которая, в свою очередь, бежит за всадником,— поймал ее за длинную шерсть и говорит с ней ласково, как надо говорить с ламами, и вскакивает ей на спину, и сжимает ее бока тонкими нервными ножонками... И оба всадника стрелой проносятся мимо дядюшки Озу, в отчаянии напрасно воздевающего к ночному небу длинные костлявые руки...

Тем временем в чуланчике наверху Либертад заканчивает свою мрачную предсмертную исповедь. Нативидад не отпустил маркиза позвать сына, — ребенок тут совсем ни к чему, а присутствие маркиза чрезвычайно важно: ведь только от боя можно узнать все подробности похищения. Делать все равно нечего, пока им не пришлют лошадей. Градоправитель дал знать по телефону и в Кальяо, и в Хорильос: откуда-нибудь должна же подоспеть помощь — и скоро. А главное, хорошо, что у него есть такой свидетель, как маркиз: теперь-то уж начальство не посмеет усомниться в правдивости его донесений относительно человеческих жертв, требуемых религией Солнца... И он продолжает пытливо расспрашивать умирающего Либертада, мучает его до последнего вздоха...

Из показаний несчастного, прерываемых стонами и предсмертными хрипами, выяснилось с полной достоверностью, что похищение готовилось заблаговременно и что уже более двух месяцев назад дочь маркиза де ла Торреса была избрана «невестой солнца» и жертвой для праздника Интерайми.

Тогда-то заговорщики и начали обхаживать боя. В конце концов тот не устоял перед довольно крупной суммой — благо от него требовалось лишь одно: *в назначенный вечер привести автомобиль, куда ему велят, и не обращать внимания на пассажиров*. Он согласился — и ему пообещали выдать двести серебряных *солес*, причем пятьдесят отсчитали вперед.

— С кем же ты договаривался? — спросил Нативидад.

— Со служащим франко-бельгийского банка. Он иногда бывал у нас в конторе. Его зовут Овьедо.

Маркиз подскочил: Овьедо-Уанья Рунту! Человек, преследовавший их по пятам время поездки в Каямарку. Индеец, одевающийся у Сарате... Если этот негодяй готовил похищение Марии-Терезы в Кальяо, ему, разумеется, было не на руку, что она отправилась в Каямарку, — это расстраивало все его планы... Вот чем объяснялись его ухаживанья и заботы, вот почему он старался, через местную полицию, предостеречь семью маркиза, что в Каямарке им грозит неминуемая опасность и лучше будет поскорей вернуться в Лиму. Может быть, это он прислал в гостиницу и анонимное участливое письмо, которое на самом деле было лишь попыткой направить бедную девушку в расставленную западню.

— Когда тебе назвали день, час и место? — допытывался начальник полиции, хотя злополучный Либертад совсем ослабел и ежеминутно терял сознание.

— Сегодня. Овьедо пришел ко мне и говорит: «Нынче к тебе подойдет человек и скажет: “*Диос анки тиурата*”; на языке аймара это означает: “Здравствуй!” Ты сейчас же садись в свою машину и поезжай, не оборачиваясь, что бы позади ни творилось. Куда ехать, по каким улицам и где остановиться — он тебе скажет. Но пока он не велит тебе, ты

под страхом смерти не должен останавливаться».

В нескольких обрывающихся фразах умирающий рассказал, как все произошло.

Вскоре после половины седьмого к нему кто-то подошел, тронул его за рукав и произнес: «Диос анки тиурата». Он глянул и едва не бросился бежать — такая страшная голова была у говорившего с ним. До сих пор такие головы бой видел только на индейских кладбищах и решил, что перед ним привидение. Тем не менее, он понимал, что речь идет о его собственной шкуре, а потому выполнил приказ и завел машину. Оборачиваться он не оборачивался, но слышал все и понял, что неизвестные похищают барышню.

Ему стало жаль ее, и он уже жалел, что согласился, но отступать было поздно. Ехали они по бульвару Дарсена, потом по улице Сан-Лоренцо. На этой улице ему велели на минуту остановиться перед низкой дверью, из которой вышел знакомый ему индеец — Гуаскар. Гуаскар заглянул в автомобиль, проговорил на языке кечуа: «Хорошо, сейчас» — и приказал Либертаду ехать по дороге в Хорильос и остановиться возле гациенды Ондегардо, где бой не раз покупал маисовую водку. Он пустил машину полным ходом. Изнутри не доносилось ни звука, как будто сеньорита лежала там мертвая, — ни крика, ни стонов... Когда подъехали к гациенде, ворота были открыты настежь, и можно было подумать, что гациенда пуста. Тут Либертад инстинктивно обернулся и увидел трех отвратительных карликов со страшными головами: у одного голова была совсем квадратная, у другого — продолговатая, приплюснутая, у третьего — как сахарный слиток. На всех троих были красные пончо. Они с большими предосторожностями вытаскивали из автомобиля сеньориту, которую он хорошо узнал, хоть они и закутали ее в покрывало шафранного цвета. Сеньорита как будто спала.

Они внесли ее в дом. А он, Либертад, сидел за рулем и ждал, когда ему заплатят, решив сейчас же отвести машину обратно в Кальяо и бежать в Сьерру, подальше от этой скверной истории.

Тем временем подскакал целый отряд всадников, все в красных плащах; впереди скакали Гуаскар и Овьедо. Гуаскар велел Либертаду выйти из машины и идти с ними в дом.

Бой очень удивился, увидев в первой комнате с полдюжины женщин, с ног до головы закутанных в черное; из-под траурных вуалей были видны только глаза. Все они стояли перед дверью другой комнаты, куда, очевидно, отнесли сеньориту.

— *Мамаконас!* — воскликнул Нативидад, весь покрытый крупными каплями пота — так усердствовал он во время допроса. — Мамушки. Теперь мы знаем, с кем имеем дело... Ну, дальше... что было дальше?.. Говори, несчастный, и Бог простит тебе твой грех.

— Да, это были мамаконас... мамаконас... прости мне, Господи!.. Я же не знал, что это они задумали похитить вашу дочь, господин маркиз. Но она не погибла... Нет, нет, Бог не допустит этого!.. Вы спасете ее, сеньор... Да, да, я все узнал... от красных пончо... они не стеснялись, они думали, что я не понимаю язык аймара... Они говорили: «Красавица-супруга будет у Атагуальпы... Вот-то порадуются Солнце и сыновья Солнца!»... И, когда ее вели, все падали перед нею ниц.

Сеньорита в руках мамаконас

— Ты видел, как ее вели? — вскричал маркиз, склоняясь над умирающим, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Да, я видел барышню... Пропавший я человек!.. Как я мог продать ее за 200 серебряных *солес*!.. Она была так добра... так милостива ко мне... а я ее продал... за двести серебряных *солес*!..

— Ты лучше расскажи, какая она была, когда ее повели... Значит, она к тому времени уже проснулась? — допытывался градоправитель.

— Ее вели под руки женщины в черных покрывалах... а три безобразных карлика плясали вокруг... Она еле шла — видимо, совсем обессилела... должно быть, ей дали что-нибудь выпить... напиток, от которого мутится в голове... или понюхать... индейцы это умеют... О, и еще как!.. На сеньорите было золотое покрывало, окутывавшее ее всю... и на лице золотая вуаль... только глаза и видны... и те как неживые... Это было так страшно, что я тоже упал на колени... огромные глаза, широко раскрытые, а ничего не видят... ее со всех сторон поддерживали мамаконас... а карлики плясали вокруг... и все это молча... Вслед за ней вышли из гациенды все женщины и красные пончо — и факелы погасили. Потом все женщины сели на мулов... ай-ай, какие чудесные мулы! я таких никогда и не видывал... и как разукрашены!.. Ой, умираю!.. дайте договорить... стал я, значит, глядеть в окно... и все видел... и слышал... Какие они страшные, эти мамаконас... Мне про них много рассказывали в кабачках, за стаканом приско: кечуа ведь любят выпить... Ой, какие они страшные!.. точно привидения, черные... Это, значит, они тут дожидались... в этой гациенде, и все заранее приготовили... а уж куда хозяева девались, этого я не знаю... может, они и их поубивали... Одна мамушка посадила сеньориту к себе на седло... И все остальные поехали рядом — наверное, чтобы поддержать сеньориту, если понадобится... Среди всех этих черных покрывал она казалась желтеньким комочком... сидит и не шевельнется, как мертвая... Впереди мамаконас поехали три карлика, а впереди всех Овьедо Рунту. Он и подал сигнал трогаться... Я вылез из окна, хотел посмотреть, куда они поедут... я и забыл, что они еще не расплатились со мной... Поскакали они все галопом... красные пончо позади... вон по той тропинке, которая бежит руслом высохшего ручья... прямо к Сьерре... к Храму Солнца... Это они, значит, на праздник Интерайми ее повезли... невесту Солнца... Но вы нагоните их... вы спасете сеньориту... и Бог простит мой грех...

Умиравший закрыл глаза, но, отдышавшись немного, снова зашевелил веками.

— А ты? Кто это тебя так отделал? Может, ты хотел спасти твою госпожу, и за это тебя так угостили?

Умирающий горько усмехнулся. Предатель понял, что начальник полиции над ним издевается.

— Я наказан по заслугам... (он хотел было перекреститься, но не хватило сил). Когда я вернулся в гаудиенду, там уже никого не было, кроме Гуаскара... Я ему и говорю: «Ну что, будешь мне платить?» Он не отвечает... только показывает на столе серебряные солес... Я нагнулся, стал считать — верно, ни одной лишней монетки. Я и говорю: «Дешево, однако, вы обделали это дельце. Не знал я, что вы мою барышню собираетесь выкрасть». Тут Гуаскар подавал голос: «А если бы ты знал, что это твою госпожу хотят похитить, что бы ты сделал?» — «Да уж, наверное, взял бы не меньше четырехсот. Давай-ка мне четыреста — тогда, изволь, буду молчать». Этот ответ и погубил меня. Я и раньше заметил, что Гуаскар говорит со мной, а сам держит руку под плащом. А тут, как я сказал, что меньше четырехсот не взял бы, он усмехнулся так страшно и подходит ко мне... И вдруг как ударит меня ножом в спину... Я сначала даже не понял, думал — он меня кулаком... Потом смотрю: у него в руке огромный нож... Я взвыл от боли... бегу, он за мной... я на лестницу... добежал вот сюда... упал... он, верно, думал, что я мертвый... и ушел... всего меня исколошматил...

Он захрипел, но маркиз и начальник полиции не стали дожидаться его смерти. У них были дела поважнее...

Снаружи раздался выстрел.

Они сбежали вниз и бросились к окну... У автомобиля бегал дядюшка, размахивая руками, как сумасшедший... Они стали кричать ему, спрашивая, где Раймонд и мальчик; тот кричал в ответ, что сам их ищет... В то же мгновение по тропинке, ведущей в гору, промчался с быстрой молнии Раймонд, верхом на лошади, и Кристоаль — на ламе. Оба не откликались на зов, может быть, даже не слышали...

Не успел заглухнуть топот, как справа, с дороги, ведущей в Хорильос, донесся стук копыт и на дороге показав-

лись всадники.

— Мы спасены, если только заручимся лошадьми! — воскликнул Нативидад. — Индейцы, несомненно, едут через Сьерру в Куско или в окрестности Титикаки; они обязательно столкнутся с войсками Вентимильи — и те их задержат. Недаром они не хотели ехать берегом. В таком составе они бы далеко не уехали... Нам бы только нагнать их, а войска уж точно окажут нам помощь. Я арестую злодеев в Канете или в Писко!

Они побежали навстречу всадникам. Это были, действительно, солдаты, высланные из Хорильоса по требованию Нативидада. Стоило им спешиться, как маркиз вскочил на одну из лошадей и помчался вдогонку за сыном и Раймондом.

— Это безумие! — жаловался градоправитель. — Индейцы перережут их, только и всего.

— Но что же нам теперь делать, господин начальник полиции? — допытывался дядюшка. Он очень жалел Марию-Терезу, но был все-таки не прочь побереечь и собственную шкуру.

— Следовать за ними в отдалении.

— Превосходно. Узнать, куда они поехали... и подстеречь их на пути.

— На основании точных указаний, которые мы получим... В Перу еще есть власти, есть правительство, есть полиция и войска, которые не боятся жертвовать собой, когда речь идет об общественной безопасности.

Говоря это, он повернулся к четверем присланным солдатам; это и был весь гарнизон, остававшийся в Хорильосе.

Франсуа-Гаспар Озу вполне одобрил план Нативидада. Конечно, лучше всего держаться поодаль и под охраной хотя бы четырех солдат. Кстати подоспели и трое полицейских агентов из Кальяо, уступивших начальству своих мулов.

Нативидад вернулся на минуту в *казу*, вырвал листок из записной книжки и написал несколько слов президенту Вентимилье. В записке он сообщал президенту об исчезновении дочери маркиза де ла Торреса и о похищении ее

жрецами Солнца. Десять лет назад Нативидад чуть не лишился места из-за такого же донесения тому же Вентимилье — тогда еще просто градоначальнику Лимы, который и слышать не хотел о «дурацких» рапортах своего подчиненного Переза, уверявшего, будто у него есть доказательства похищения бедной Марии-Кристины д'Орельяны. А теперь — какой реванш!

Один из полицейских взял записку и тотчас поскакал в Кальяо. Двум другим было поручено заняться трупом боя и произвести тщательный осмотр гациенды и ее окрестностей. Затем дядюшка и Нативидад уселись на мулов и двинулись вслед за маленьким отрядом. Когда солдаты поняли, что их ведут в Сьерру, а не обратно в Хорильос, как они рассчитывали, они начали ворчать, но градоправитель заткнул им рты, приказав идти вперед от имени высшего правительства — *supremo gobierno*.

Нативидад не забыл взять у агентов два больших одеяла и привязал их к своему седлу.

— Вперед! — скомандовал он.

И они легкой рысцой стали спускаться в ущелье, пересекавшее дорогу.

— Ничего. Мамаконас мы всегда успеем догнать, — утешал дядюшку градоправитель.

— Каких мамаконас? Они были здесь? — взволнованно воскликнул дядюшка.

— Ну, разумеется... Все тут были: и мамаконас, и красные пончо, и трое главных жрецов — ведь только эти жрецы и мамаконас имеют право прикасаться к «невесте Солнца»... Это ужасно, сеньор. Подумайте, я пятнадцать лет трублю в уши нашим верховным властям, что краснокожие крепко держатся всех своих варварских обычаев... Так нет, не слушают... Разве язык их не так же чист, как во времена инков? Разве не соблюдают они свято те же обряды, когда едят, пьют, женятся и прочее? И молятся они, как когда-то... Уж если наружная, показная обрядность хранится так ревностно, какое мы имеем основание предполагать, что они изменят самым священным обрядам?.. Они только с виду приняли католичество, а прежняя вера осталась, как

была... Ах, скажу вам, я так намучился с этим! Я с самого начала заинтересовался индейскими обрядами — дело в том, что в первые же дни службы мне пришлось столкнуться с преступлением, которое совершенно не поддавалось привычным объяснениям, но как жертвоприношение становилось понятным и объяснимым... Но когда я вздумал было сунуться со своим объяснением к начальству, меня чуть со службы не выгнали... Понятное дело, я смирился... а сам продолжал потихоньку работать, собирать сведения... изучил не только язык кечуа, но и язык аймара — священный язык, распространенный в окрестностях Куско и на озере Титикака... К этому-то озеру они и везут ее — не в город, конечно, где их могли бы увидеть, а в какой-нибудь укрытый в надежном месте храм, где жрецы их не переставали служить Солнцу со времен завоевания Перу испанцами.

Похищение маленького Кристобалья

Стояла дивная тропическая ночь. Мул бережно ступал, словно укачивая всадника. Нативидад так любил беседовать на индейские темы, что, раз оседлав своего конька, уже не мог остановиться и даже позабыл о существовании швейки Женни...

— Но мы ведь догоним их, не правда ли? — спрашивал дядюшка. Он начинал тревожиться: этот херувим-градоправитель что-то уж слишком разболтался... Он слишком развязен, почти весел, — в таких-то ужасных обстоятельствах...

— Ну разумеется, сеньор, догоним... За это я ручаюсь. Куда они могут от нас подеваться? Мы преследуем их по пятам... А впереди, на горных перевалах, стоят солдаты Вентимильи... На берегу все коррехидоры (мэры) подчинены старшему полицейскому инспектору в Кальяо, то есть вашему покорному слуге... Вы бы надели плащ, сеньор... Ночь сегодня не очень теплая, выпала роса... а мы уже въезжаем в горы. Видите *ломас* — холмики. Это преддверие... Иной

дороги в Кордильеры нет — они должны были проехать тут... Вот рассветет, так и следы будут видны, если только эта молодежь, умчавшаяся вперед, не натворит глупостей... А мальчишка-то храбрый — вскочил себе на ламу и дует, знай, за господином инженером... Ну да ничего, скоро мы их нагоним... В Кордильерах уж галопом не поскачешь...

Франсуа-Гаспар так странно усмехнулся, что Нативидад остановился на полуслове и спросил дядюшку, что с ним такое. Тот лишь ответил: «Я понимаю». Но Нативидад ничего не понял.

К рассвету они уже ехали по отрогам Анд. Лошади, по видимому, не особенно утомились — и, передохнув часа два в небольшом пастушьем лагере, где путников и лошадей накормили и напоили, маленький отряд продолжал подниматься на колоссальный горный массив, озаренный первыми лучами рассвета, словно брызнувшими из горной расщелины, как из раскаленной печи.

Метисы в лагере ничего не знали или не хотели рассказывать о том, что видели и слышали ночью. Но, очевидно, кортеж «невесты Солнца» не останавливался здесь, иначе наши путники не достали бы ни еды для себя, ни корма для своих лошадей. Дядюшка и Нативидад даже ухитрились обменять двух усталых солдатских мулов на двух свежих — все именем «супremo гобернио», высшего правительства...

На первом же привале они нашли на камнях растоптанные угольки и большие желтые цветы *аманхаэс*, валявшиеся на земле и еще не успевшие завянуть. Видимо, тут совсем недавно проезжал большой отряд.

— Вот мы и попали на след, господин ученый, — обрадовался Нативидад, заговорив на сей раз на чистейшем французском языке. Он хотел доказать академику, что знает не только варварские наречия краснокожих, но и языки цивилизованной Европы.

— Да, да, — поддержал дядюшка. — Вы пошевеливайтесь, старина.

И опять так странно усмехнулся, что Нативидад положительно пришел в недоумение и начал тревожиться, уж не выжил ли из ума почтенный академик.

Но еще больше тревожило начальника полиции другое: ведь еще раньше, чем индейцев, они должны были нагнать их преследователей — маркиза и Раймонда; а между тем, впереди никого не было видно. И — странное дело — это как будто вовсе не беспокоило Франсуа-Гаспара, без умолку восхищавшегося красотами природы...

Они поднимались все выше и выше... Над ними были теперь только остроконечные вершины и синее небо; дорога становилась все круче. Приходилось ехать зигзагами. Мулы и лошади принимали самые невероятные позы, карабкаясь на эти кручи... Дикие козы, испуганные шумом, кидались в сторону и застывали, как изваяния, где-нибудь на невидимом камне, так что, казалось, они просто висели в воздухе на страшной высоте... Становилось прохладно. Военный конвой давно уже ворчал до неприличия громко. А когда начальник полиции напоминал солдатам о «супремемо гобернио», они только плевались — видимо, не питая к верховному правительству ни малейшего почтения.

— Уверены ли вы в этих людях? Надежны ли они? — спрашивал дядюшка.

— Уверен, как в самом себе, — горячо восклицал Нативидад, который никогда ни в чем не сомневался.

— Да они, собственно, какой расы?

— Кечуа, разумеется... Откуда же нам набирать солдат, если не брать в солдаты индейцев?

— Ну, эти, по-видимому, шли не по доброй воле: что-то не чувствуется в них призвания.

— Вы ошибаетесь, сеньор, очень ошибаетесь. Они рады и счастливы быть солдатами... Кем они были бы, не будь они солдатами?

— Разве они сами просились, чтобы их взяли в солдаты? — продолжал расспрашивать дядюшка, к величайшему недоумению Нативидада вытащивший свою записную книжку.

— Ну, разумеется, нет, достоуважаемый господин ученый. У нас это делается очень просто. Посланный по деревням отряд вербовщиков силой забирает краснокожих, не успевших спрятаться вовремя. Но в списки-то их, разумеется,

вносят как волонтеров...

— А! А! Восхитительно... А вы не боитесь, что эти ваши «волонтеры» вас расстреляют, когда вы выдадите им ружья?

— О, сеньор! В первые дни им, конечно, бывает трудно-вато, но они очень скоро привыкают и потом уже сами не хотят возвращаться домой... Самые жестокие вербовщики выходят именно из краснокожих. Они — прекрасные солдаты. Эти злятся, что я тащу их в горы, но они готовы душу свою положить за Вентимилью.

— Ну, что ж. Тем лучше, — с философским спокойствием заключил дядюшка.

И даже прибавил, окончательно повергнув в изумление Нативидада:

— А знаете, вы могли бы и отпустить их: мы ведь и сами разыщем индейцев.

Розоволицый градоправитель даже подскочил в седле. Что за странный человек!.. Но Нативидад тотчас же стал разглядывать дорогу.

— Что это? Стоянка? Ага! Они и здесь останавливались.

И впрямь, на горной тропинке, которая резко расширялась, образуя нечто вроде круглой площадки, видны были отчетливые следы довольно многочисленного отряда. В одном месте, очевидно, разводили костер, вот здесь закусывали — землю устилали обеды и пустые консервные жестянки. Нативидад торопил ехать дальше.

— Всего удивительнее, что мы до сих пор не видим ни маркиза, ни господина инженера с маленьким Кристобалем.

— Ба, ба! Господин главный инспектор, вы не расстраивайтесь, — флегматично заметил дядюшка. — Когда-нибудь мы найдем их, когда-нибудь...

— То есть как это «когда-нибудь»?

— Я хочу сказать, что.... Ай... мой мул начинает капризничать... Шевели ногами, скверное животное!

Определенно, дядюшка похрабрел. Как он изменился со времени первой поездки в Каямарку! Тогда он был просто смешон. А сейчас обнаруживал героическое спокойст-

вие, был, можно сказать, вожатым каравана и на тревоги своих дорожных спутников отвечал шутками. Но мул его все-таки не желал двигаться с места, несмотря на то, что «кабальеро» вдавливал ему каблуки в бока. Нативидад нагнулся к земле.

— Труп ламы.

Они поневоле остановились перед этим трупом, перегораживавшим тропинку. Нативидад слез с мула, осмотрел мертвую ламу, приподнял ее голову, исследовал ноздри и нашел ранку, откуда вытекла кровь, запекаясь на камнях; потом столкнул труп ламы в пропасть и снова сел на своего мула.

— Сомнений нет, — объявил он, — это та самая лама, на которой ехал маленький Кристоаль. Мальчик, очевидно, загнал ее. Обыкновенно лама ленива и бежит довольно медленно, но мальчик колот ее ножом, подгоняя, — на плече была довольно большая рана...

— Бедное животное! — заметил академик, что-то вписывавший в свою записную книжечку.

— Бедный ребенок! — поправил Нативидад. — Что с ним случилось?

— Успокойтесь, господин инспектор. Что же особенно-го могло с ним случиться? Он ведь был не один. Раймонд не покинул бы его... и даже если допустить, что мой племянник ускакал вперед, бросив мальчика одного, — его подобрал бы маркиз.

— Возможно, возможно, — покачивая головой, отозвался Нативидад.

— У вас вообще-то ездят верхом на ламах?

— Нет, нет, только дети — да и то богатые. У Кристоаля, должно быть, была собственная лама, вот он и научился обращаться с ней. Эти животные очень упрямы.

— Никогда бы не поверил, что лама способна пробежать такое расстояние с подобной быстротой.

— Ну, эта, должно быть, была не из простых, вьючных лам. Либо это было холеное животное, не утратившее природной выносливости и быстроты бега, либо специально дрессированное для верховой езды детей... К тому же ма-

ленький Кристоаль весит немного... Но где же он взял эту ламу, а ваш племянник — свою лошадь? Наверное, в конюшнях гациенды... Подождали бы они лучше нас — ехали бы сейчас все вместе. Только бы с ними не приключилось беды...

Обогнув утес, преграждавший путь, они неожиданно очутились лицом к лицу с маркизом и Раймондом; первый был верхом, второй — пеший. Но мальчика с ними не было. Раймонд был бледен; маркиз походил на мертвеца. Такими, по крайней мере, показались они Нативидаду, поскольку дядюшка был без очков и никаких деталей разглядеть не мог. Нативидад прежде всего спросил о маленьком Кристоале.

— Негодяи похитили у меня обоих детей! — мрачно ответил маркиз.

Вот что произошло.

Лошадь у маркиза оказалась плохая, и добраться сюда ему стоило больших усилий. Не раз во время подъема он готов был бросить своего коня и идти пешком; но мысль, что лошадь может пригодиться, удерживала его и заставляла быть терпеливым. Местами он шел пешком, ведя свою клячу в поводу. Только на рассвете ему удалось обменять это животное на другое, более подходящее, и вот он доехал до площадки, где отдыхали индейцы... Но напрасно он искал здесь записку или хотя бы клочок платья дочери. Ничего... Должно быть, за ней зорко следили... Видел он и труп ламы — и решил, что Раймонд, вероятно, посадил Кристоала к себе на седло... Но все же встревожился еще больше и продолжал путь, полный мрачных предчувствий. И вдруг — кого же он видит? Раймонда. Но Раймонд один. Кристоала с ним нет... Молодой человек рассказал несчастному отцу о новой беде...

Как только они въехали в горы, мальчик обогнал его и помчался вперед с такой быстротой, что Раймонд вскоре потерял его из виду. А два часа спустя он потерял и свою лошадь — она оступилась, упала в ущелье и погибла. Сам он едва спасся, уцепившись за камень, на котором и висел некоторое время над пропастью... Потом вылез наверх, в

кровь изодрав себе руки, и пошел пешком по страшно крутой тропинке, где хорошо ходить только козам. Наконец, он добрался до бивака, на котором краснокожие, очевидно, провели часть ночи... Это подавало надежду, что они неподалеку... Он пошел дальше и вдруг увидел маленького Кристобалья — тот падал наземь вместе с ламой... Мальчик успел благополучно соскочить, и Раймонд окликнул его. Кристобаль услышал и обернулся, но не стал ждать и кинулся вперед, крича: «Мария-Тереза! Мария-Тереза!..» И тут инженер, подняв глаза, увидел на тропинке, зигзагами бежавшей по склону горы, весь отряд похитителей — и индейцев, и мамаконас. Кристобаль был уже совсем близко от них, а похитители как будто поджидали его. Как только мальчик добежал до первого индейца, ехавшего позади всех, тот нагнулся, схватил его и посадил к себе на седло... Раймонд бросился вдогонку, но он был далеко позади, пеший, а индейцы, как только завладели ребенком, поскакали галопом. Раймонд, выбившийся из сил, вынужден был остановиться, чтобы передохнуть, и тут его нагнал маркиз.

— Эти новости не так уж плохи, — заявил Нативидад. — Индейцы ненамного обогнали пас. Теперь мы уже не собьемся со следа. Индейцам не миновать Хуанкавелику, а там наши войска... Вы успокойтесь, господин маркиз.

Нативидад велел одному солдату спешиться и передать своего мула Раймонду. Сообразив, что от него хотят, солдат возмутился и заворчал. Но его не стали слушать, и он, ворча, пешком поплелся вслед за остальными. Неподалеку отсюда дорога раздваивалась. Одна тропинка продолжала идти в гору; другая спускалась постепенно к ложу потока, который вел, разумеется, к берегу. Раймонд, маркиз и весь отряд уже свернули на первую тропинку, когда солдат, шедший пешком, объявил, что он не желает больше идти с ними, а вернется на побережье и будет жаловаться верховному правительству — не дело штатскому, пусть и начальнику полиции, отнимать у него лошадь. Нативидад пожелал ему счастливого пути. Солдат исчез за поворотом, но очень скоро вернулся, размахивая мягкой фетровой шляпой, найденной им на камне.

— Шляпа Кристобаля! — воскликнул маркиз.

И все повернули обратно. Наконец-то хоть маленькое указание. Но и этого следа они не заметили бы, если бы солдату случайно не было приказало спешиться. Обрадованный маркиз сунул ему золотую монету, и тот выразил полную готовность «умереть за кабальеро».

Тем не менее, Нативидад оставался озабоченным. Он боялся, нет ли тут какого-нибудь подвоха со стороны индейцев с целью направить их по ложному пути. Поэтому он начал спускаться очень неохотно — и только когда на песке пересохшего русла обнаружились отчетливые следы мулов и лошадей, Нативидад успокоился и лицо его просветлело.

— Должно быть, их предупредили, что через Сьерру не пробраться, не столкнувшись с войсками Вентимильи, и они повернули к берегу... Но тут-то они уж наверняка попадут к нам в руки. Куда же это они поехали?.. В Канету?! А оттуда?.. Допустим, Хорильос им удастся обогнуть. Но где-то же им придется остановиться... Нет, их игра проиграна.

И, дав лошадям и мулам часок передохнуть, они снова двинулись в путь. Один из солдат посадил пешего товарища позади себя, в седло.

— Вы говорите: их игра проиграна? Вы серьезно опасались, что нам не удастся ее выиграть? — тихонько, с каким-то загадочным видом спросил дядюшка Нативидада.

— Понятно, опасался. Но все равно мы должны очень торопиться: праздник идет к концу, а у этих разбойников в руках и дочь, и сын маркиза де ла Торреса.

— Вы всерьез думаете, что они способны замучить и ребенка?

— Тише, сеньор, говорите тише... Солнцу приносится в жертву именно все самое молодое, красивое и невинное. Понимаете?

— Думаю, что понимаю...

— Если бы вы только знали, на какие ужасы они способны, эти краснокожие, лишь бы только обагрить жертвенной кровью священные плиты!.. Вы видите: у них, как

прежде, есть священнослужители и жрецы... Я говорю не о красных пончо — это просто знатнейшие из кечуа, они сменяются каждые десять лет... но о трех карликах, о трех чудовищах, похитивших сеньориту... На этих-то чудовищах и лежит обязанность поставлять жертв и супругу Солнцу... Если вы посещали наши туземные кладбища, вы не могли не заметить эти страшные мумии... в *гуакас* их находят всегда по три вместе — с огромными головами, изуродованными лубками и веревками мамаконас... Еще младенцами троих детей, обреченных на эту ответственную и страшную участь, отдают в руки мамаконас, и эти ведьмы обрабатывают им черепа, чтобы развить в них необходимые добродетели: отвагу, хитрость, кровожадность. Родившиеся в один и тот же день, эти изуродованные дети и умереть должны в один и тот же день. Если один из них погибнет, убивают и двух других. В былые же времена, когда умирал царь, эти идоложертвенные жрецы убивали себя первыми, в самом начале погребального обряда, чтобы подать пример любимым слугам, женам и рабыням. Над трупом Атагуальпы, на глазах испанцев, таким манером умертвили себя до тысячи индейцев, мужчин и женщин¹. Этим бояням всегда клали начало три чудовища — стражи храма. И вот вам доказательство — мы гонимся за ним, — что этих уродов можно найти не только на кладбищах, что они существуют и поныне. Где-то в ущельях Анд, — мы не знаем где — стоит священная обитель. Там мамаконас неусыпно трудятся, готовя новых и новых кандидатов в стражи Храма Солнца... Я говорил вам о похищении Марии д'Орельяны и о том загадочном убийстве, на которое мне пришлось натолкнуться в самом начале своей службы. Ну вот, сеньор, теперь я изложу вам подробности. Я лично нашел в одном ранчо, из которого вовремя бежали индейцы, предупрежденные о моем приходе, разрубленный надвое трупик пятилетнего ребенка. Он был разрезан ножом пополам, как разрезают осу, и совершенно обескровлен — *вся кровь была выпита*. И что же вы думаете? Мне приказали разыскать

---

¹ Исторический факт (Прим. авт.).

преступников? Как бы не так! Меня самого чуть не прогнали со службы. А я ведь был прав... Ну, теперь уж они не посмеют называть меня полоумным. Вот вы, господин Озу — ученый. Вы, наверное, слыхали о Храме Смерти?.. А известно ли вам, сколько скелетов было найдено вокруг мумии Уайны Капака в этом Храме Смерти? Четыре тысячи! Четыре тысячи человеческих существ были принесены в жертву, одни добровольно, другие — насильно, разрубленные, задушенные, задавленные для того только, чтобы доказать величие смерти¹. Вот какие вещи там творились... А в «Доме Змея»? Не хочется даже и рассказывать вам, что происходило в «Доме Змея»...

— Вы мне это расскажете в другой раз, — заметил дядюшка, — но позвольте мне теперь же поблагодарить вас и принести вам мои поздравления. «Верховное правительство» сумело приставить ко мне интереснейшего и учнейшего из своих чиновников. Будьте уверены, сеньор главный инспектор, что я весьма признателен ему за это и постараюсь выразить мою благодарность.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил окончательно сбитый с толку Нативидад.

— Ничего, ничего... Я шучу...

Обиженный начальник полиции пришпорил своего мула. Дядюшка, оставшись позади, лукаво захихикал.

Во время этой печальной и трагической экспедиции он поистине делал честь французской академии... Он меньше всех уставал и меньше всех волновался. Привыкший жить среди книг и в библиотеках, он и представить себе не мог, что подобные ужасы действительно существуют. Он допускал, что в древности, может быть, и приносились человеческие жертвы, но теперь... разумеется, это все подстроено местными властями специально для него, Франсуа-Гаспара Озу, знаменитого ученого. Это нечто вроде наглядного урока, о котором он потом сделает доклад в географическом обществе. Поразмыслив, он пришел к заключению, что все

---

¹ Исторический факт.

окончится благополучно. Да и Нативидад того же мнения, и его страшные сказки очень напоминают болтовню чудака-историка, чересчур увлеченного своим предметом.

А история на каждом шагу напоминала о себе. В прибрежном районе им то и дело встречались развалины акведуков, которым подивились бы римляне, и остатки широкого шоссе, прорезавшего при инках всю Южную Америку от Чили до Эквадора; мулы их поднимали копытами облака вековой пыли, покрывавшей эти благородные обломки давно умершего прошлого. Только это и осталось от погибших инков. А его хотят убедить, что эти самые инки похитили сейчас, сегодня, молодую девушку и мальчика, чтобы принести их в жертву своему богу! Полноте! Это сказка, нарочно инсценированная, чтобы одурачить его, Франсуа-Гаспара. Даже немного обидно... Неужели они думали, что он так легко поддастся на обман?... Ну, ладно же. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Скептицизм дядюшки

Чем больше вдумывался дядюшка, тем больше он убеждался, что все окружающие сговорились, чтобы заинтриговать и одурачить его: маркиз, Раймонд, Нативидад и сама Мария-Тереза. Недаром же в первый его вечер в Перу, когда вышла эта история с китайскими кули, Мария-Тереза говорила, что «Нативидад все сумеет устроить»... Вот и тут он устроил... И дядюшка, совершенно успокоенный, посвящал все свое внимание пейзажу.

Они проезжали теперь через маленькую деревушку, выстроенную у подножья горы; словно по волшебству, пыль улеглась, и они очутились в зеленых садах, орошаемых горным ручьем. Дядюшка с удовольствием отдохнул бы несколько часов в этом оазисе, но Раймонд, маркиз и даже Нативидад скакали, как угорелые, благо они теперь ехали по ровной местности. А дядюшка, конечно, не протестовал, решив выдержать свою роль до конца. Они остано-

ливались только для того, чтобы разузнать, давно ли проезжали те, кого они преследовали; но узнать что-нибудь было довольно трудно. Местность эта была почти пустынная: индейцы ушли на праздник Интерайми, а немногие попадавшиеся навстречу отвечали неохотно, не скрывая своего недоверия и даже враждебности.

Нужно было много терпения, кротости и *траго* — водки, имевшейся у солдат в большом количестве — чтобы добиться хоть каких-то ответов. Деньги не развязывали здесь языки. Только метисы были покладистей и не отказывались сообщить подробности об отряде Гуаскара. Да, индейцы проезжали тут большой кавалькадой, очень быстро, почти вскачь, но красных пончо не было видно — возможно, жрецы, по окончании священного обряда встречи «невесты Солнца», переоделись в свое обычное платье. И ехали индейцы так быстро, что невозможно было разглядеть, были ли с ними похищенная девушка и ребенок. Впрочем, расспросы о похищенных на всех производили одно и то же действие: собеседник делал вид, что изумлен, не понимает смысла вопроса, и спешил удрать без оглядки... Гуаскар, по всей видимости, опередил их всего часа на два, но, несмотря на неутомимость преследователей, он с каждой их остановкой выигрывал время.

Так они добрались до Канеты. Нативидад не мог уяснить эту тактику: дорога должна была привести индейцев к морю, в город, где им неизбежно пришлось бы иметь дело с властями. К вечеру преследователи въехали в Канету — впереди Раймонд и маркиз, за ними дядюшка и Нативидад, затем солдаты. Они попали на какой-то праздник. На улицах была толпа, шествие с факелами, трещали петарды. Половина туземного населения была пьяна. Канета — крохотный городок, где смесь современного с древним особено бросается в глаза. Рядом с фабричными трубами виднелись своды акведуков, и поныне орошающих соседние плантации водами Рио Капоте. На холме видны были развалины крепости, которую вице-король двести лет назад приказал срыть, чтобы употребить полученный материал на постройку форта Кальяо.

В таких городках, несмотря на весь престиж «верховного правительства», явственно ощущается вражда между туземным и пришлым населением, особенно во время народных волнений. А Нативидад сразу определил, что в Канете происходят «народные волнения». Он первым делом посетил коррехидора¹, который объяснил, что манифестация эта устроена в честь Гарсии, чьи победы восторженно приветствуют низшие классы населения. Подтверждалось, что Гарсия взял Куско и вынудил республиканские войска отступить. Нативидад, в свою очередь, рассказал коррехидору о трагическом положении детей маркиза де ла Торреса. Но тот не верил «историям с привидениями» и твердил, что если бы индейцы, о которых идет речь, имели на совести такое преступление, они не осмелились бы проехать через город, находящийся в его ведении.

— Да как же им быть-то? — возражал Нативидад. — В Сьерре нельзя оставаться — надо же куда-нибудь двигаться. Может быть, они хотят на пароходе доехать по морю до Арекипы, а оттуда подняться в Куско.

— Весьма возможно. Они действительно проезжали здесь сегодня, наскоро запаслись провизией и продолжали путь в Писко. Там они и вправду могут сесть на пароход. Но чем я могу вам помочь? У меня под рукой нет ни одного солдата, ни единого агента. У меня отобрали всех полицейских, теперь всех забирают в солдаты.

В эту минуту мимо окон коррехидора с песнями и плясками проехала странная кавалькада, во главе которой были четверо конвойных Нативидада. Розоволицый градоправитель высунулся в окно и велел им остановиться, но солдаты и слушать не стали, и он покинул коррехидора в самом печальном настроении.

Что же это делается? Неужели индейцы уйдут у них, что называется, из-под носа? Ничего не объясняя своим несчастным спутникам, даже не отвечая на их вопросы, Нативидад распорядился: «Едем дальше. В Писко». И все тро-

---

¹ Нечто вроде городского головы.

нулись в путь. Дядюшка допытывался, нет ли общего между этим торжеством и французским праздником 14 июля, но и он не получил ответа. Маркиз, узнав, что индейцы направились в Писко, даже обрадовался, надеясь, что эта ужасная погоня наконец завершится. В Писко его знают, и еще лучше знают его дочь — она часто ездила в Писко по делам, так как там находятся все склады гуано и там же, вблизи берегов, лежат острова Чинча, где добывают гуано китайские кули. Там у него есть служащие, есть друзья; там имя маркиза де ла Торреса известно, и коррехидор, конечно, не откажет ему в помощи.

Они приехали в Писко усталые, измученные. Лошади и мулы их окончательно выбились из сил. В сравнении с встревоженными, изнервничавшимися спутниками Франсуа-Гаспар поражал своим спокойствием и какой-то странной, себе на уме усмешечкой — настолько странной, что, если бы остальные способны были обратить на него внимание, они сочли бы его сумасшедшим. Но им было не до него.

В Писко на улицах было еще многолюдней и суетливей, чем в Канете. Последние известия не оставляли никакого сомнения в том, что Куско в руках Гарсии, и туземное население обезумело от восторга.

Теперь впереди всех ехал маркиз, направляясь к своим складам. Он надеялся найти кого-нибудь из служащих и разузнать у него о похитителях; но склады были заперты и возле них не видать было ни единой живой души.

— К коррехидору! — воскликнул маркиз.

Четверо всадников ехали теперь по единственной большой улице города, ведущей к огромной центральной площади. На этой арене ноги лошадей по щиколотку увязали в песке. Неожиданно путь преградил огромный костер. Индейцы жгли в честь Гарсии связки листьев маиса, рискуя поджечь окружающие площадь низенькие домики, выкрашенные в белую и голубую краску. Домики принадлежали метисам этой провинции, которые заранее постарались сбежать подальше от проявлений народной радости.

От водки и треска петард все точно обезумели. Туземцы разграбили водочный склад, торговавший в Писко превос-

ходной крепкой водкой, которая подарила наименование и самому городу — ее гонят здесь из винограда сортов, используемых для изготовления малаги. Разгоряченные алко-голем индейцы выхватывали из огня пылающие листья и хлестали ими друг друга, восклицая на языке аймара: «Да сгинет зло! Да сгинет зло!». Порой они жестоко обжигались, но в экзальтации не замечали этого.

В дверях одного из домов Нативидад заметил метиса, уныло и покорно следившего за происходящим; должно быть, он опасался, как бы его собственный винный погреб не разграбили, а дом не сожгли. На вопрос: «Где коррехидор?» метис коротко ответил:

— Идите за иной.

И повел их по деревянным мосткам, уже занявшимся от костра, к площади, украшенной четырьмя чахлыми пальмами. Вокруг одной из них, как раз напротив церкви, плясала ликующая толпа, а разложенный под пальмой небольшой костер лизал еще бледными языками пламени ствол дерева. На одной из веток пальмы что-то висело.

— Вот коррехидор, — сказал метис инспектору.

Нативидад, маркиз и Раймонд застыли на месте от ужаса. Метис что-то шепнул на ухо Нативидаду, и тот первым бросился бежать, крича другим:

— Спасайтесь! Спасайтесь!

— Что такое? В чем дело? — флегматично осведомился академик, шире расставляя длинные журавлиные ноги.

— А в том, что они... хотят его съесть.

— Ну, полноте! — и дядюшка высморкался, чтобы скрыть недоверчивую усмешку. Но Нативидаду некогда было восхищаться его хладнокровием. Он удирал со всех ног, вовсе не желая быть свидетелем такой ужасной сцены. В Лиме еще всем был памятен трагический конец братьев Гутьберг, которые обманом захватили президентство и затем были умерщвлены на улице той самой толпой, что вознесла их на вершину власти. *Их повесили на дверях собора, а после они были изжарены тут же на площади, на кострах, и съедены индейцами...*

Маркиз и Раймонд едва поспевали за розоволицым градоправителем. Дядюшка замыкал шествие, ворча себе под нос: «Дудки. Не испугаете вы меня вашим чучелом... Не поверю... Ни за что не поверю».

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИКТАТОР

В Арекипе был праздник. Население всего города и окрестностей толпилось на большой городской площади и прилегающих к ней улицах в ожидании завоевателя Куско, храброго генерала Гарсии, уже прозванного «добрым диктатором». Гарсия обещал своим сторонникам за две недели вышвырнуть из Перу президента Вентимилью, обе палаты и весь парламентский режим — губивший, по его мнению, страну. И восхищенный народ готовил ему торжественную встречу.

Жителям Арекипы были не в диковинку такие похвалы. Политика всегда играла преобладающую роль в стране — отсюда и вели начало нескончаемые революции. И немудрено, что все население городка, разрядившись в пух и прах, высыпало на улицу встречать «спасителя». В особенности волновались женщины. У всех были розы в волосах и, кроме того, полные руки цветов, которыми они собирались осыпать героя. Индейцы, продававшие на рынке кур, сбыв свой товар, присоединялись к горожанам, спешившим на площадь, отчего толпа еще увеличивалась.

И сама площадь будто принарядилась для такого торжественного случая, прикрыла яркими цветными коврами и тканями аркады своих домов, довольно сильно пострадавших от недавнего землетрясения, изукрасила их флагами и гирляндами зелени. Старые колокольни растрескавшихся церквей, стрельчатые окна, массивные двери, деревянные балконы, галереи, уставленные цветами, — все было черно от множества людей. Над городом нависал Мисти, один из самых высоких вулканов мира, щеголяя своей новью, с иголки, шапкой из снега, выпавшего накануне ночью. И вот зазвонили в колокола, прокатился, словно разрывая воздух, пушечный выстрел. И разом все стихло. Но тотчас же послышалась барабанная дробь. Толпа ответила

на нее громкими криками ликования. Это вступали в город войска. В противоположность европейским привычкам, впереди армии тащился обоз: индейцы, ведущие в поводу лошадей и мулов, нагруженных чемоданами, сломанными ружьями, кухонной посудой и всякого рода съестными припасами; за ними целый полк женщин, сгибающихся под тяжестью мешков с оружием и провиантом и собственных ребятишек. И так беспорядочен был этот обоз, что можно было подумать — возвращается не победоносная, а разбитая армия. Но ликующая толпа приветствовала всех — даже мулов и лам, даже женщин-*рабонас*, как их здесь называют. Эти *рабонас* — превосходное в своем роде учреждение, за которое сказали бы спасибо многие европейские интенданты. Дело в том, что перувианский солдат, собираясь в поход, берет с собой не только оружие и амуницию, но и жену или возлюбленную, которая всюду ему сопутствует, закупает для него провизию, стряпает, носит его багаж и всецело берет на себя заботу о его пропитании.

Когда прошли последние *рабонас*, показались войска, во главе которых, разумеется, ехал Гарсия. На дивном коне, в золотом расшитом мундире, он блистал среди своего блестящего штаба, как звезда первой величины в центре созвездия. Очень рослый, он на голову возвышался над всеми, и роскошные яркие перья на его шляпе, развеваясь по ветру, колыхались над головами генералов и полковников, скакавших рядом. Он был прекрасен, величав; лицо его сияло радостью. Он был доволен. Он крутил свой черный ус, показывая белые зубы. Сапоги его блестели, как зеркало.

Под оглушительную трескотню барабанов Гарсия ехал по улицам, улыбаясь женщинам, глядевшим на него с балконов. А те называли его по имени: «Педро!» и бросали ему цветы, и осыпали его розовыми лепестками. Так он медленно дважды объехал вокруг площади и остановился между двух орудий. Позади него расположился главный штаб; впереди него трое индейцев держали туземное знамя, сшитое из небольших квадратных лоскутков самых различных оттенков. На индейцах были шляпы с перьями ярких цветов и на плечах что-то вроде церковных одежд, какие носят

католические священники. Они ежеминутно взмахивали своим странным знаменем, склоняя его перед Гарсией в знак покорности и добровольного подчинения всех индейских племен новому правительству Перу.

Тем временем на площади выстроились войска: пятьсот пехотинцев и две сотни кавалерии. Молодые девушки в развевающихся туниках, с лентами цветов герба Гарсии, приблизились к генералу с полными руками венков, которые они готовились поднести победителю.

Одна из них предварительно произнесла маленькую хвалебную речь. Гарсия слушал, продолжая крутить усы и показывать свои белые зубы. Время от времени он покровительственно кивал головой. Потом нагнулся, взял из рук девушек венки и надел их все на руку, словно мальчишка из булочной — большие баранки. И эту руку с венками поднял, как бы повелевая всем умолкнуть.

И воцарилась тишина: и на земле, и в небесах.

Тогда диктатор вскричал: «Да здравствует свобода!» Толпа ответила грандиозной овацией. Гарсия снова поднял руку с венками. И снова все смолкло. Он начал излагать свою программу: «Свобода для всех и для всего, кроме зла! С такой программой разве нужен нам парламент?» — «Нет, нет, нет!» — редела обезумевшая от восторга толпа. — Да здравствует Гарсия! Смерть Вентимилье!»

Гарсия был хорошим оратором. Он доказал это еще раз, поведав в немногих красноречивых словах о своей блестящей кампании и о том, как наголову разбил войска «вора-президента» (Вентимилью обвиняли в том, что он сильно нагрел руки при выдаче последних концессий на поставки искусственных удобрений) на равнине Куско при помощи своих храбрых солдат.

Для того, чтобы все могли его видеть и слышать, Гарсия привстал на стремянах, но как раз в эту минуту грянул проливной дождь. Это было совершенно невероятно и недостойно божества, которому следовало бы присматривать за тем, чтобы ничто не нарушало столь блестящего праздника. Однако дождь все-таки пошел, и не простой, а настоящий жестокий ливень. Публика начала разбегаться. Те,

кто был укрыт от дождя, не тронулись с места, но остальные бросились искать убежища — даже солдаты-пехотинцы. Что же касается кавалеристов, то они поторопились спешиться, сняли седла и взвалили их себе на головы вместо зонтиков. Военные дамы-рабонас, нимало не стесняясь, задрали юбки на головы, прикрывая искусственные шиньоны. Гарсия страшно рассердился — этот ливень совершенно испортил его триумфальный въезд в Арекипу.

Он даже не сел в седло. Продолжая стоять на стременах, выпрямившись, он грозно и пристально смотрел на небо и показывал ему кулак той самой руки, на которую были надеты венки. К нему подъехал начальник штаба, отдал по-военному честь и доложил:

— Ваше превосходительство, тут не небо виновато. Небо никогда бы не посмело. Вы сами, ваше превосходительство, приказали стрелять, и от грома наших оружий разверзлись хляби небесные.

— Вы правы, — вскричал Гарсия. — И так как виноваты наши пушки, пусть они и поправят дело.

Тотчас же, по его приказу, батарея выехала на позицию, открыла пальбу по облакам и стреляла до тех пор, пока дождь не перестал, чего пришлось ждать недолго. Тогда генерал воскликнул громовым голосом: *«В споре с небом, последнее слово осталось за мной!»* и велел рядам сомкнуться.

Последняя надежда

На той же площади из окна гостиницы «Жокей-Клуб» — вернее, простенького кабачка, посещаемого погонщиками мулов — маркиз де ла Торрес и Нативидад смотрели на триумф диктатора и с нетерпением ждали конца церемонии, так как теперь у них только и оставалось надежды, что на Гарсию.

В Писко они достоверно узнали, что похитители «невесты Солнца» отплыли на буксирном пароходике, который

принадлежал маркизу и обыкновенно служил для перевозки нагруженных гуано барж с островов Чинча в Кальяо — новое доказательство того, что похищение было заранее продумано в мельчайших деталях и совершено при участии индейцев, уволенных Марией-Терезой и хорошо знакомых со всеми коммерческими предприятиями маркиза.

В горы похитители направились вначале, видимо, лишь за тем, чтобы сбить с толку погоню, но целью их было добраться по берегу, а затем по морю до Арекипы и оттуда в Куско. Маркиз, Раймонд, дядюшка, по-прежнему спокойный, и Нативидад, начинавший отчаиваться, рассыпая золото пригоршнями, в свою очередь переправились морем в Моллендо, а оттуда по железной дороге в Арекипу, куда они прибыли через несколько часов после похитителей.

Весь город был перевернут вверх дном и они даже не могли добиться ответов на свои вопросы. Помогла случайность: издали они заметили Гуаскара, мирно прогуливавшегося среди всей этой суеты, проследили за ним и выяснили, в каком доме он держал в плену Марию-Терезу и ее брата. Это было небольшое строение из обожженных на солнце кирпичей, находившееся в самом конце улицы, выходившей уже за город, к реке. Дом охранялся стражей из десятка вооруженных индейцев в красных плащах. Маркизу и Раймонду не удалось даже близко подойти к этому дому. Как только они приблизились, на расстоянии пятидесяти шагов от них словно из-под земли выросли туземные солдаты и предложили им повернуть обратно.

Таким образом, «невесту Солнца» сторожили солдаты Гарсии.

Это было что-то совершенно невообразимое.

— Гарсия, очевидно, не знает, что тут происходит, — говорил маркиз, — иначе он сейчас же велел бы отобрать мою дочь у этих дикарей. Я его знаю. У него есть свои недостатки, но все же это цивилизованный человек. Он даже сватался за мою дочь. Идем к нему.

Но Раймонд ни за что не хотел уходить от дома и ничего не желал слушать. Наконец Нативидад сказал ему, что их здесь перестреляют, как кроликов. Пиф!.. Паф!.. В

разгар революции, как сейчас, здесь не церемонятся и с белыми, и лишняя пара-другая трупов, брошенных в Рио Чили, не заставят реку выйти из берегов, но не спасут Марию-Терезу и ее брата... Молодой человек уступил и пообещал не совершать никаких безумств, однако не ушел, а забился в лодку и сидел там, не шевелясь и не сводя глаз с дверей дома, мимо которых все время шагали, как часовые, красные пончо и солдаты. Маркиз и Нативидад вернулись в гостиницу — единственную, где им удалось найти приют — и велели подать себе чего-нибудь перекусить в ожидании приезда Гарсии. Чем больше раздумывал маркиз, тем больше он успокаивался: в сущности, он всегда был в прекрасных отношениях с Гарсией; и потом, он ведь может обещать победителю свою поддержку — и свою, и своих друзей. Он будет агентом Гарсии в Лиме. Наконец, не может же цивилизованный человек допускать такие вещи!

Нативидад, естественно, был одного с ним мнения. Ему даже до известной степени улыбалась перспектива быть представленным герою Куско. Конечно, он не станет говорить ничего, что могло бы его скомпрометировать, но все же не худо заблаговременно присмотреться к людям, которые в один прекрасный день, чего доброго, станут хозяевами страны.

Что касается дядюшки Франсуа-Гаспара, то он куда-то пропал — точнее, остался любоваться величественной панорамой вулкана Мисти. С тех пор ученого не видели; вероятно, он теперь сидел где-нибудь и заносил в записную книжку свои впечатления от въезда в город нового диктатора.

Маркизу этот триумфальный въезд Гарсии очень не понравился; он любил блестящие зрелища, но все же был человеком утонченным и деликатным.

— Я не считал Гарсию таким чванливым, — говорил он Нативидаду. — В Лиме он был проще, но мне всегда казалось, что в жилах его течет смешанная кровь. Он, должно быть, метис.

— Он опьянен успехом, — заметил Нативидад, — и не умеет держать себя в границах.

— А все-таки он вернет мне моих детей, — убежденно заключил маркиз.

Когда Гарсия уехал с площади, они пошли вслед за ним. У входа в улицу, на которой стоял дворец диктатора, их попытались было остановить, но маркиз выказал столько высокомерия и заносчивости и так нетерпеливо требовал свидания со своим «другом Гарсией», что в конце концов его пропустили, как и Нативидада, которого маркиз держал за руку.

В кордегардии маркиз дал свою визитную карточку унтер-офицеру, который тотчас же вернулся, прося *кабальеро* следовать за ним. Они не заставили просить себя дважды. Дворец был полон солдат. Некоторые из них до того переутомились, что маркизу и Нативидаду пришлось переступать через воинов, спавших на ступеньках парадной лестницы с зажатыми между ногами ружьями.

Унтер-офицер, провожавший их, толкнул дверь, и они очутились в спальне его превосходительства, где Гарсия председательствовал на совете министров, назначенном им накануне. Иные из высших сановников государства восседали на кровати, другие на столе и даже на узле с грязным бельем. Вот в какой обстановке обсуждались государственные дела.

Приняли их более чем сердечно. Гарсия, который в эту минуту склонился с засученными руками над тазиком и брился, выбежал им навстречу, разбрасывая вокруг себя брызги мыльной пены и на ходу извиняясь:

— Извините, сеньор. Античная простота... Как у древних... я принимаю вас у себя в спальне, как друга, ибо я надеюсь, господин маркиз, что вы пришли ко мне, как друг — друг нового правительства. Позвольте вам его представить.

Он начал с военного министра, сидевшего верхом на валике с кровати, и закончил министром почт и телеграфов, безобразным метисом, каковой сидел на узле с грязным бельем и жевал листья коки.

— Как видите, мы здесь все без церемоний. Я лично — тип в духе Катона. Надо подражать древним — вот это были

люди! Добрые *падрес* научили нас ценить их, а я получил чудесное образование.

Он добродушно рассмеялся, пригласил гостей присесть, если только им посчастливится найти местечко, и продолжал:

— Вы понимаете, все эти фигли-мигли, весь этот этикет — это для толпы, для улицы. Толпа любит, чтобы ей пускали пыль в глаза. Кто этого не умеет, тот ничего с ней не добьется, господин маркиз.

Он немного пришепetyвал, закатывал кверху свои огромные, выпуклые черные глаза и тогда становился настоящим букой, пугалом для детей. Но несколько комичная внешность не мешала ему быть великодушным, как Гектор, и хитрым, как обезьяна.

— Видали вы, какой парад я им устроил? Чудесные солдаты! Храбрецы! Посмотрели бы вы их за работой — палят все время, безостановочно: пиф, паф! А дождь-то! Нет, каково! Ведь я все-таки заставил его перестать. Вы видели... А что говорят обо мне в Лиме, господин маркиз?..

Вся эта болтовня была тактическим приемом. Треща без умолку, Гарсия в то же время изучал своего гостя и незаметно приглядывался к Нативидаду, пытаясь выяснить, зачем они пришли и не подсланы ли они Вентимильей. Одновременно он раздумывал, что ответить, если у него попросят амнистию или же предложат покончить дело миром, посулив, в виде вознаграждения, какой-нибудь видный пост либо место губернатора богатой провинции. И он заранее решил отказаться, все поставить на карту, все отвергнуть, рискнуть последним солом (он был очень богат) и, вдобавок, собственной жизнью.

Маркизу удалось, наконец, вставить слово:

— Я пришел к властителю Перу...

Услышав эти слова, Гарсия, покончивший с бритьем, поднял голову и посмотрел на маркиза поверх салфетки, которой вытирал лицо — действительно, чересчур смуглое для чистокровного белого... «Властитель Перу!..» Гарсия знал, что маркиз де ла Торрес дружил с Вентимильей. Что означают эти речи? К чему это он ведет?.. Гарсия еще боль-

ше насторожился. Что касается Нативидада, то он, услышав эту вступительную фразу, опустил голову и покраснел, как вишня, уже жалея, что попал сюда. «Теперь я скомпрометирован безвозвратно», — говорил он себе. Маркиз повторил:

— Я пришел к владыке Перу, к человеку, который может все, чей девиз: «Свобода для всех и для всего, кроме зла!» Я пришел просить его, чтобы он повелел вернуть мне дочь и сына, которых у меня похитили.

— Что вы говорите! — воскликнул Гарсия. — Что вы такое говорите? У вас похитили детей? Но это же гнусное преступление, и виновные должны быть наказаны смертью! Клянусь вам! Клянусь именем моего предка, который отдал жизнь в благородной борьбе религии нашей с неверными, получив в году 1537-м семнадцать ран в битве при Хаухе, где он дрался вместе с вашим прапрадедом, господин маркиз, знаменитым Кристобалем де ла Торресом.

В своем клубе маркиз всегда открыто утверждал, что Гарсия только хвастает происхождением от этого Педро де ла Веги, а в действительности не имеет с ним ничего общего. Гарсия хорошо это знал, но маркиз и не подумал возражать.

— Вот эти-то неверные, ваше превосходительство, и отняли у меня дочь!

— Очаровательную сеньориту! Что вы такое говорите? Неверные! Какие неверные?

— Ваше превосходительство, вы ведь знакомы с моей дочерью, с Марией-Терезой. Индейцы-кечуа ворвались в мою контору в Кальяо...

— Негодяи! Разбойники!

— ...И похитили мою дочь, чтобы принести ее в жертву на празднике Интерайми в качестве «невесты Солнца».

— Как! Что такое? Что вы такое говорите?... Принести сеньориту в жертву? Кто вам это сказал? Что за вздор! Это невозможно!

— Как бы то ни было, ваше превосходительство, я знаю наверняка, что дочь мою похитили... Позвольте вам представить господина Нативидада, градоначальника Кальяо,

человека, которому это достоверно известно. Он будет предан вам всецело, как и я. Говорите же, Нативидад.

Растерявшийся Нативидад мог только робко подтвердить заверения маркиза. Он совсем потерял голову и в отчаянии твердил себе: «Теперь все кончено! Если только Гарсия не одолеет Вентимилью, мне остается одно — перебраться в Боливию!»

— Но, позвольте! Почему вы приходите с этим ко мне? Ведь вашу дочь похитили в Кальяо, и я за это не отвечаю. В Кальяо *пока еще* хозяин Вентимилья. Ему и жалуйтесь. Я же, к сожалению, ничего не могу для вас сделать, — с притворным огорчением вздохнул Гарсия, которому вовсе не хотелось впутываться в эту историю, грозившую столкновением с кечуа, его союзниками и друзьями.

— Ваше превосходительство! Моя дочь и мой мальчик — ибо мой маленький Кристобаль тоже у них в руках — находятся здесь! У вас, в вашей столице! Дом, где их держат, как в тюрьме, охраняют ваши солдаты.

— Ну, это невозможно! Я бы об этом знал. Тут, очевидно, какое-то недоразумение или тайна. Я прикажу расследовать это, и если выяснится, что ваши сведения верны, господин маркиз, вы не пожалеете, что обратились ко мне.

— Я знаю, как вы великодушны. Я ни минуты не сомневался в вас, ваше превосходительство. Теперь дети мои спасены! До конца жизни не забуду вам этой услуги. Вы можете всецело рассчитывать на меня и на моих друзей, а вы знаете, ваше превосходительство, в Лиме у меня есть друзья! И вот у него тоже. (Он указал на Нативидада). Вся полиция Кальяо будет за вас. Она с нетерпением ждет вашего прибытия... Ваше превосходительство, извините меня, но в таком деле нельзя терять ни минуты... Проводите лас до городских ворот, до Рио Чили — и моя жизнь и все мое имущество к вашим услугам!

— Мне невозможно уйти, — сокрушенно вздохнул диктатор. — Я дожидаюсь английского консула, который просил у меня аудиенции; но я предоставляю в ваше распоряжение моего военного министра. Он пойдет с вами и делает для вас все, что сделал бы и я.

С этими словами он *свистнул* своему военному министру; тот неохотно поднялся с валика.

— Поди узнай, что там творится на берегу Чили, — сказал ему Гарсия, — и поскорее вернись ко мне с докладом. Между нами, господа, я думаю, что вы введены в заблуждение — это какая-то очень странная история... Поверьте, все, что я могу сделать для вас, будет сделано.

И он сам распахнул перед ними дверь, давая понять, что аудиенция окончена.

Маркиз, за неимением лучшего, потащил за собой военного министра, чьи огромные шпоры гулко звенели на ступенях парадной лестницы. Нативидад шел сзади. Гарсия притворил за ними дверь и повернулся к своим министрам, видимо, очень раздосадованный.

— Что это еще за история? Пари держу, что тут замешан Овьедо Рунту. Если правда, что он посягнул на сеньориту де ла Торрес, это может только повредить мне в Лиме.

Дверь открылась — и дежурный офицер доложил о приходе английского консула. Это был крупный местный негоциант, поставлявший провиант войскам Гарсии и добившийся поставки, пообещав диктатору помощь Англии. Войдя, он сейчас же рассыпался в поздравлениях и любезностях. Гарсия стал расхваливать свои войска, но консул твердил, что и самые лучшие солдаты — ничто без хорошего генерала. И, наконец, совсем зарапортовался, прибавив: «Потому что, между нами говоря, ваше превосходительство, кечуа, как солдаты, немногого стоят, и если бы не вы...»

— Мои солдаты мало что стоят? — заревел Гарсия. — Да знаете ли вы, господин консул, сколько им довелось претерпеть в Сьерре — и после жестокой битвы!... А разве это было заметно по ним на параде?.. Разве хоть один из них волочил ноги?

— Нет. Но зато теперь они спят на лестнице.

— Мои солдаты спят на лестнице!..

«Верните мне моих детей!»

Генерал распахнул дверь и перегнулся через перила парадной лестницы. И собственными глазами и ушами убедился, что его гвардия, как один человек, валялась на ступенях и храпела. Громовой окрик командира сразу разогнал сон бедных гусар. Перепуганные, они вскочили на ноги: им показалось, что их уже призывает на страшный суд труба архангела. Гарсия, бледный от злости, позвал офицера и приказал ему выстроить всю команду на площадке перед открытой дверью в опочивальню.

— Мои солдаты никогда не спят! — кричал Гарсия английскому консулу. — Вы только посмотрите на этих молодых, господин консул, и скажите сами, сонные ли у них глаза. Ну-ка, братцы, покажите, как вы умеете делать гимнастику... Раз-два, раз-два... Прыгайте все в окно.

Грозным жестом он указал на окно своей спальни. Окно это было расположено на высоте пяти-шести метров над мостовой, вымощенной острым щебнем, но вид генерала был так грозен, что солдаты, ни на минуту не задумываясь, повывскакивали один за другим в окно. Остался только офицер.

— Ну что же, капитан? Следуйте за вашими солдатами, — обратился к нему Гарсия. И поскольку офицер явно колебался, генерал схватил его за плечи и вышвырнул в окно. Английский консул, министры и сам диктатор, который теперь уже весело смеялся, — все высунулись из окна посмотреть, что из этого вышло. Внизу, на улице, солдаты, выпрыгнувшие без особого ущерба для себя, подбирали троих товарищей, переломавших ноги. Офицера унесли замертво: при падении он проломил себе череп.

Несколько минут спустя возвратился военный министр — по-прежнему в сопровождении маркиза и Нативидада.

— Ну-с? — осведомился Гарсия, затворяя окно.

— Ну-с, — ответил военный министр, подмигивая своему начальнику, — там красные пончо. Овьедо Рунту поручил им охранять этот дом и дал им в подмогу нескольких сол-

дат. Впрочем, это только до завтра. Завтра вечером красные пончо покидают Арекипу и отправляются в Куско.

— Ну, так что же? — допытывался Гарсия, нервно крутя усы.

— А то, что они и не слышали про украденную молодую барышню и мальчика.

— Ваше превосходительство, прикажите сделать обыск в этом доме! — вскричал потерявший хладнокровие маркиз. — Его необходимо обшарить сверху донизу, со всеми закоулками... Не теряя ни минуты... Я знаю, что эти мерзавцы прячут там моих детей. Неужели вы допустите, чтобы эти фанатики увезли их в Куско? Вы же знаете — они на все способны... Не для забавы же они их похитили... Готовится нечто ужасное... Через несколько дней будет поздно: праздник Интарайми закончится и страшная жертва будет принесена... Умоляю вас... как отец, как друг... Генерал Гарсия не даст запятнать свою славу гнусным преступлением, допустив которое, он был бы недостоин называться цивилизованным человеком... Никогда благородные перувианцы не простили бы ему, если б он даже бессознательно стал сообщником подобной гнусности, и уж, конечно, не простят, если он ничего не сделает, чтобы предупредить ее... Наконец, речь идет о жизни и смерти моего маленького Кристобая, последнего представителя славного рода, всегда сражавшегося за цивилизацию рядом с вашими предками... и о жизни моей дочери, которую вы любили...

Последние слова вряд ли произвели особо сильное впечатление на генерала, который, как все великие люди, хватал, что никогда не смешивает сердечные раны с политикой, но упоминание о предках, сражавшихся за цивилизацию, сразило его. Гарсия круто повернулся в своему военному министру.

— Послушай, не мог же ты ничего не заметить... Ты в дом-то входил?

— Да нет же, ваше превосходительство! Нельзя туда войти. Это *запретное место*. Красные пончо и мамаконас везут из Каямарки в Куско *священные реликвии* для торжественных обрядов последних дней праздника Интарай-

ми. Ворвись я силой в это священное убежище, наши солдаты-кечуа тотчас же узнали бы об этом от караульных, поставленных Овьедо Рунту, и взбунтовались бы все до единого.

— Оставьте нас! — загремел Гарсия и так грозно нахмурил брови, что все его министры мгновенно исчезли, и он остался наедине с Нативидадом и маркизом, дрожавшим от бессильной ярости. За эти дни он до того изнервничался, что не мог удержать жгучих слез, катившихся у него по щекам.

— Господин маркиз, если ваши дети и вправду в руках этих мерзавцев — это действительно ужасно, так как я ничем не могу помочь вам.

Маркиз покачнулся, словно от удара, прислонился к стене и прохрипел:

— Слушайте, Гарсия, если они погибнут, — кровь моих детей падет на вашу голову. Вы будете ответственны за их гибель перед всем цивилизованным миром. И Перу никогда не простит вам этого.

Но тотчас же упал на колени, плача:

— Верните мне моих детей!

Гарсия кинулся к нему и поднял, как ребенка. Но юркий маркиз, успев овладеть собой, выскользнул у него из рук, как угорь, гордо выпрямился на своих коротеньких ножках и крикнул:

— Оставьте меня! Вы не генерал, а разбойничий атаман — и только!

Гарсия побледнел и закрипел зубами. Перепуганный Нативидад боялся, как бы он, в буквальном смысле слова, не растерзал маркиза — но старый Кристоаль, не имея ничего прибавить к сказанному, уже повернулся и бесстрашно, хоть и опасаясь удара ножом в спину, направился к двери. Вдруг его остановил ласковый, сюсюкающий голос диктатора:

— Пойдите, не уходите, господин маркиз. Если я ничего не могу для вас сделать, то, по крайней мере, могу дать вам добрый совет.

Кристобаль обернулся. Гарсия жестом пригласил его присесть. Но маркиз колебался: и так слишком много драгоценного времени потеряно на разговоры.

— Говорите скорее. Время не ждет.

— У вас есть деньги? — неожиданно спросил Гарсия.

— Деньги?.. Для чего?.. Чтобы...

Он хотел сказать: «заплатить вам?» — но не договорил, встретив умоляющий взгляд Нативидада, делавшего ему предупредительные знаки. Гарсия заметил, что за спиной его разыгрывается пантомима, обернулся, увидел Нативидада и, не говоря ни слова, вывел инспектора за дверь. Потом притворил дверь, присел к маленькому столику, заваленному бумагами, положил локти на стол и, подпирая голову ладонями, заговорил вполголоса, не глядя на маркиза, который недоверчиво продолжал стоять.

Всемогущий Овьедо Рунту

— Я совершенно бессилен против красных пончо, против мамаконас. Вы слышали, что говорил мой военный министр? Дом, куда вошли эти жрецы и жрицы, становится священным. Они везут с собой священные реликвии, стигматы своего Атагуальпы. Вы говорите, что они похитили ваших детей. Это не доказано! *И не может быть* доказано, так как я лишен возможности проверить ваше утверждение и получить доказательства. Но допустим, что это правда, страшная правда. Давайте рассуждать. Кто караулит ваших детей? Вы скажете: «ваши солдаты». Это неправда, — я тут не при чем. Это солдаты Овьедо Рунту — он их поставил караулить. Кто же такой этот Овьедо Рунту? Вы его, без сомнения, встречали в Лиме, быть может, даже имели с ним дело. Вы скажете: это конторщик франко-бельгийского банка. А я скажу: и да, и нет... В банке-то он служит — это верно, но в то же время ему повинуются все до единого индейцы-кечуа — и обыватели, и солдаты. Это совершенно необычайно, но это факт. Этот индеец одевается по последней

моде у лучшего портного в Лиме; этот кечуа научился читать, писать, считать, он служит в банке мелким конторщиком, но кто знает — возможно, только для того, чтобы жить одной жизнью с цивилизованными людьми. Он живет с нами, среди нас, принимает участие в наших делах, изучил до тонкости механизм наших финансовых учреждений — основы и опоры всякого разумного правительства. Он стоит за конторкой и получает двести *солес* в месяц... А почему я знаю — может быть, он *король*! Это весьма возможно... Как бы то ни было, он мечтает о возрождении своего народа и о новом перевороте в Перу, который приведет к власти его самого; и все вожди кечуа и аймара — его покорные слуги. Гуаскар, который служил у вас — правая рука Овьедо. Когда я начал действовать здесь, в этой провинции, пытаясь поднять восстание, Гуаскар явился ко мне от имени Овьедо Рунту, предлагая союз и помощь. И я не мог отказать!.. И иду рука об руку с Овьедо Рунту, так как иначе мне нельзя... Понимаете вы теперь, господин маркиз?! Не я стою вам поперек дороги, а Овьедо Рунту... И я искренне об этом сожалею — но сделать ничего не могу.

— Да, действительно, это Рунту руководил похищением моей дочери и все подготовил и устроил с помощью красных пончо. Я это знаю.

— Вот видите... Не валите же ответственность за подобную гнусность на голову того, кто мечтал поставить Перу во главе цивилизованных стран Южной Америки!.. В данный момент я связан по рукам и по ногам и не могу пойти против Овьедо, но я поговорю с ним и убежден, что последнее слово останется за мной. Несмотря на визитку от Сарате, это все же дикарь... и он правит дикарями, разумеется, всячески стараясь воздействовать на их воображение. В нашем обществе мало говорят и очень мало знают об Интерайми. Но мне известно, что в этом году его празднуют особенно торжественно. Может быть, Овьедо и обещал своим соотечественникам, этим инкам, красавицу для жертвоприношения. Ведь что греха таить: кечуа — те же инки. Все возможно, всего можно ждать. Но возможно и другое — что он влюбился в вашу дочь и похитил ее для себя. Вы не сер-

дитесь — это же только предположение. Как бы то ни было, какова бы ни была цель похищения, я ничем не могу вам помочь. Могу только дать совет. Одолеть красных пончо вы, конечно, не сможете, но вы можете подкупить их. Они ведь — кечуа. А это племя сплошь продажное. Попробуйте подкупить их. Вот почему я спрашивал: есть ли у вас деньги?

— Нет, денег у меня с собой нет, — горестно ответил маркиз, впитывавший в себя, как воду жизни, каждое слово диктатора. — Я выехал наспех, захватив с собой только на дорогу. И у меня нет больше денег.

— Зато у меня есть.

Гарсия как-то по-особенному свистнул. Тотчас же дверь открылась и на пороге появился министр финансов.

— Где государственная казна?

— Под кроватью.

Министр полез под кровать, вытащил оттуда окованный железом деревянный сундучок и придвинул его к столу, за которым сидел Гарсия.

— А теперь проваливай, чего ты дожидаться?

Когда они остались одни, Гарсия вынул из портфеля ключик, отпер сундучок и, достав оттуда пачку банковских билетов, бросил ее на стол. Потом сам дотащил сундучок до кровати, толкнул его ногой под кровать, взял деньги со стола и подал их маркизу со словами:

— Вот, сосчитайте сами. Вы мне вернете их потом, когда я буду в Лиме президентом. Поверьте мне, этого хватит, чтобы отбелить все красные плащи. Господа краснокожие отлично знают цену подобным бумажкам. Может быть, сам Овьедо Рунту и научил их этому. Прощайте, сударь, и желаю вам удачи.

— Ваше превосходительство! — воскликнул маркиз, вновь возвращая этот титул человеку, которого только что называл разбойничьим атаманом. — Я не благодарю вас, но если мне удастся...

— Да, да... я знаю... ваше имущество и ваша жизнь будут принадлежать мне...

— Ваше превосходительство! Еще одно слово! Мне ведь придется подкупать и ваших солдат, которые стерегут дом вместе с красными пончо.

— Ну что же, подкупайте.

— Если же у меня не получится, генерал, предупреждаю: хотя сила и не на нашей стороне, хоть мы и можем быть заранее уверены в своем поражении, я и мои друзья попробуем сразиться с «жрецами Солнца» и их свитой. Могу я рассчитывать на ваш нейтралитет?

— Ну, еще бы! Если вы даже немного обидите Овьедо Рунту, — можете быть спокойны: я не предам вас военному суду.

Они пожали друг другу руки, и маркиз поспешно вышел. Не успел он затворить за собой дверь, как Гарсия пожал плечами.

— Его дочь погибла, но папашу я купил. Болван! Ничего бы этого не случилось, если бы он выдал ее за меня.

Нативидад в тревоге поджидал маркиза у подножия парадной лестницы, с которой чуть не спустил его нетерпеливый Гарсия.

На улице они встретили Раймонда. Очевидно, произошло что-то очень серьезное, если молодой человек покинул свой наблюдательный пост. Раймонд был бледен и заметно взволнован.

— В чем дело? — издали закричал ему маркиз.

— Идемте скорее! Надо вернуться в гостиницу... Необходимо что-нибудь предпринять, на что-нибудь решиться. Я больше так не могу! Я прямо умираю. Что говорит Гарсия?

— Что он ничего для нас не может сделать. Но все же он дал мне добрый совет и денег. Быть может, не все еще потеряло. Но почему вы ушли со своего наблюдательного поста? Что случилось? Красные пончо все еще там?

— Да... за все время, что я следил за домом, оттуда вышел только один человек — Гуаскар!.. Я последовал за ним, решив остановить его на первой же безлюдной улице и объясниться с ним начистоту. Я решил потребовать, чтобы он вернул нам Марию-Терезу, а если он откажется, убить его, как собаку. Но он сразу вышел на большую *калле*, потом

на площадь и, к величайшему моему изумлению, вошел в нашу гостиницу. Меня он не заметил: я спрятался у входа, а он в это время обратился к хозяину и попросил, чтобы о нем доложили маркизу де ла Торресу. Хозяин ответил, что вас нет дома и что вы, должно быть, пошли к генералу-диктатору, так как спрашивали при выходе, где последнего можно найти. Гуаскар спросил, вернетесь ли вы в гостиницу. Хозяин ответил, что, наверное, вернетесь. И Гуаскар сказал: «В таком случае, я подожду». Я пришел предупредить вас, что он дожидается.

— Они спасены! — вскричал маркиз, чье лицо с каждым словом Раймонда прояснялось. — Теперь они уж точно спасены. Иначе зачем Гуаскару приходить ко мне?

— Я и сам подумал об этом, — ответил Раймонд, — но вид у него что-то уж очень мрачный. Да и вообще я боюсь его — ох, как боюсь! Вспомните, что он — фанатик и что он обижен на Марию-Терезу.

— Он стольким нам обязан! Моя покойная жена — удивительно добрая женщина! — практически спасла его от голодной смерти. Я не могу допустить, что он забыл это, — на ходу говорил маркиз, ускоряя шаги. — Я очень удивлен, что он замешан в эту гнусную историю, но мне все время думается, что это случилось против его воли и, быть может, единственно с целью спасти Марию-Терезу. Ведь это он, несомненно, прислал мне в клуб письмо с предостережением, которое я нашел, к сожалению, слишком поздно.

— Дай-то Бог! Надеюсь, вы не ошиблись, — сказал Раймонд, далеко не разделявший доверия маркиза к Гуаскару. — Но, раз уж он пришел к нам, попробуем, по крайней мере, выведать его намерения. Клянусь вам, я способен зарезать его, как барана, если он не будет отвечать, как следует, на наши вопросы.

— Не забывайте, Раймонд, что у них в руках заложники.

— Заложники, которых они все равно умертвят, даже если мы и пощадим Гуаскара. Ах, я не могу больше ждать! У меня руки чешутся. Я готов кидаться, как зверь, на людей. Мне хочется умереть.

— А мне, молодой человек, хочется спасти моих детей.

Это было сказано таким ледяным тоном, что Раймонд оторопел и до самой гостиницы не вымолвил больше ни слова.

Подходя к гостинице, Нативидад заметил у ворот очень странную фигуру, которая жалась к стене, прячась за телегой, и зорко наблюдала за всем происходившим в буфете, куда входили прямо с улицы.

Это был высокий, худой, костлявый старик с пастушеским посохом в руке и в дырявом плаще. Седые растрепанные волосы ниспадали на его мертвенно-бледное лицо с потухшими глазами. Нативидад даже остановился, с изумлением спрашивая себя:

— Где я видел эту рожу?

Маркиз быстро прошел вперед, бросив Раймонду:

— Отыщите Гуаскара и приведите его ко мне — я буду ждать его у себя в номере.

Лестница, ведущая наверх, в номера, начиналась под воротами. На первой же ступеньке маркиз обернулся, заметил Нативидада, с изумлением разглядывавшего какую-то странную фигуру, и сам уставился на прятавшегося. И, поднимаясь по лестнице, все время спрашивал себя: «Где я мог видеть это привидение? Но что я вижу его не впервые — это точно».

Клятва Гуаскара. Торжественный договор

Не успел маркиз дойти до своей комнаты, как туда же явился Гуаскар. Его, словно конвойные арестанта, сопровождали Раймонд и Нативидад. Индеец снял шляпу и поздоровался с маркизом на языке аймара:

— *Диос анки тиурата!*

В устах кечуа это было знаком высокого уважения — на языке аймара говорили только жрецы во время праздника Интерайми, обращаясь к толпам, собравшимся поклониться Солнцу. Но, так как маркиз не откликнулся на это при-

ветствие и продолжал строго смотреть на Гуаскара, тот перешел на испанский:

— Сеньор, я принес вам весточку от сеньориты и от вашего сына. Моя благотельница и отцы-миссионеры научили меня призывать христианского Бога, и если он подержит руку Гуаскара, оба они скоро будут возвращены вам в добром здравии, целыми и невредимыми.

Несмотря на нетерпеливое желание поскорее узнать планы Гуаскара, несмотря на бурю, бушевавшую в его душе, маркиз прилагал все силы, стараясь овладеть собой и казаться таким же спокойным, как Гуаскар. Он скрестил руки на груди и спросил:

— Как это ты и твои соплеменники осмелились похитить их?! Это преступление.

— А разве с твоей стороны не было преступлением позволить их похитить? Разве ты не был предупрежден? Разве ты мог усомниться, что предупреждает не кто иной, как Гуаскар? Ради тебя Гуаскар изменил своим братьям, своему богу и своему отечеству. Но Гуаскар помнит, что мать сеньориты подобрала его на улице Кальяо малым голым ребенком, и он поклялся спасти сеньориту от страшной чести вступить в волшебные обители Солнца.

Индеец умолк. Маркиз протянул ему руку. Индеец не пожал ее. Только выговорил хриплым голосом:

— *Грacias, сеньор.*

И печальная усмешка скользнула по его бледным губам.

— А сын мой, Гуаскар? Ты и его вернешь мне?

— Вашему сыну не угрожает никакая опасность, сеньор. Гуаскар присматривает за ним.

— Да, да, ты присматриваешь за ними обоими, а завтра я, быть может, утрачу своих детей.

— Да, ты утратишь детей, — мрачно произнес индеец, — если не сделаешь всего, что скажет тебе Гуаскар. Но если ты поступишь, как скажет Гуаскар, клянусь духом Атагуальпы, который ждет твою дочь и которому я изменяю, обрекая себя на вечную гибель — дочь твоя будет спасена.

— Что же я должен делать?

— Ничего! За этим и пришел к тебе Гуаскар!.. Только за тем, чтобы сказать: «Ничего не предпринимай!» Оставайся здесь — и ты, и друзья твои. Не подходите близко к домику на берегу реки. Перестаньте преследовать красных пончо. Не заставляйте их усиливать надзор! Не возбуждайте их подозрительность. Предоставьте действовать мне. Я ручаюсь за все, если ты дашь мне слово, что ни ты, ни друзья твои не покажетесь на глаза нашим жрецам. Они уже заметили и знают вас. Как только вы появляетесь, хотя бы крадучись, — об этом сейчас же становится известно, и мамаконас смыкают *черную цепь* вокруг невесты Солнца, готовые убить ее, как только к ней приблизится чужой, и принести ее в дар Атагуальпе мертвой, раз уж им не удалось доставить ее живой. Не покидайте эту гостиницу или, по крайней мере, не заходите дальше этой площади. Если ты поклянешься мне в этом, клянусь тебе, что сегодня же, около полуночи, я приведу к тебе твоего сына, твоего возлюбленного Кристобаля; а в скором времени и дочь твоя будет в твоих объятиях.

Маркиз снял со стены небольшое распятие, висевшее над кроватью, и повернулся к Гуаскару.

— Покойная маркиза воспитала тебя в правилах нашей святой религии. Поклянись мне на этом распятии, что ты сделаешь то, что сказал.

Гуаскар протянул руку к распятию и дал требуемую клятву. Потом повернулся к маркизу:

— Мне не нужно клятвы. С меня достаточно будет вашего слова.

— Даю тебе его, — объявил маркиз. — И жду тебя здесь в полночь.

— В полночь, — повторил Гуаскар, уже надев шляпу и направляясь к двери.

— Господа, — начал маркиз, обращаясь к Раймонду и Нативидаду, когда шаги индейца смолкли на лестнице, — господа, я дал слово и мы должны сдержать его. Я твердо верю, что Гуаскар сдержит свое обещание и весь этот ужас кончится благополучно. Мы не имеем никаких оснований сомневаться в Гуаскаре после того, как он доказал нам свою

преданность и дважды предупредил нас о грозящей опасности — один раз в Каямарке, другой в Лиме.

— Я того же мнения, — сказал Нативидад. Но Раймонд молчал.

Пока Гуаскар говорил, Раймонд все время внимательно вглядывался в его лицо и не находил в нем героической правдивости и простоты, звучавших в словах индейца.

— Что же вы молчите, Раймонд? Выскажите ваше мнение. Какое впечатление он произвел на вас?

— Очень дурное. Но, может быть, я ошибаюсь. Я чувствую, что Гуаскар терпеть меня не может, да и мне не за что его любить. В таких условиях трудно судить беспристрастно. Но нам все равно остается только покориться — мы словно у него в плену.

Это грустное размышление Раймонда затерялось в стучке распахнутой рамы и в изумленном восклицании Нативидада:

— Нет, это удивительно! Кто это такой? Уверяю вас, эта рожа мне давно знакома.

— И мне тоже, — подхватил маркиз, тоже подошедший к окну. — Я положительно где-то видел этого старика.

Раймонд присоединился к ним и увидел на площади ту же высокую, худую, костлявую старческую фигуру, которую раньше заметил у ворот.

Опираясь на пастушеский посох, поминутно останавливаясь и по-детски неумело прячась то за телегой, то за выступом стены, старик следовал по пятам за Гуаскаром. Индеец раза два обернулся и, не обратив внимания на старика, продолжал свой путь. Маркиз, задумчиво стоявший у окна, неожиданно отошел, побледнев.

— Теперь я понял, кто это, — произнес он. — Это отец Марии-Кристины д'Орельяны.

Нативидад глухо вскрикнул:

— Ну да, это он. Мы все видели его в Лиме. Это он после своего несчастья стал таким....

Видение этого старика, явившегося к ним, как призрак, произвело на всех тяжелое впечатление. Он будто пришел напомнить, что и у него была красавица-дочь, бесследно

исчезнувшая десять лет назад во время такого же праздника Интерайми. После этой трагедии бедный отец, как помещанный, годами бродил и разыскивал дочь. Маркиз уже не сомневался, что исчезновение Марии-Кристины десять лет назад не было случайностью. Взмолвленный, тяжело дыша, он упал в кресло и, когда подали обед, не дотронулся до еды, несмотря на уговоры Нативидада, напоминавшего маркизу об обещаниях Гуаскара. Что же касается Раймонда, то он, услышав восклицание маркиза, не выдержал, спустился вниз, вышел на площадь и на углу улицы, ведущей к маленькому домику на берегу реки, нагнал высокого худого старика. Догнал и положил ему руку на плечо. Старик остановился и с минуту пристально глядел на Раймонда.

— Что вам от меня нужно? — беззвучно выговорил он.

— Я хотел бы знать, почему вы следите за этим человеком? — Раймонд указал на Гуаскара, сворачивавшего за угол.

— Как! Вы не знаете? — удивился старик. — Разве вы не знаете, что мы накануне великого праздника Интерайми? Я слежу за этим человеком, потому что он предводителствует свитой «невесты Солнца». Он — вождь всех этих *красных пончо*, которые везут дочь мою в Куско на праздник в честь великого Атагуальпы. Но теперь я не дам ей умереть, как в тот раз. Я спасу ее и мы вернемся в Лиму, где ее ждет ее жених. *Gracias, señor.*

И он пошел дальше, широко шагая длинными ногами и опираясь на длинную толстую палку.

— Несчастный сошел с ума! — проговорил вслух Раймонд и схватился обеими руками за голову, будто страхась, что и его рассудок не выдержит всех этих испытаний. Он ужасно страдал. Еще сильнее, чем во время безумной погони за похитителями, чем в ту минуту, когда он впервые осознал, что Мария-Тереза похищена. Душа его была полна горькой и бессильной злобы. Быть обреченным на бездействие в двух шагах от любимой девушки, которую похитили, чтобы замуровать заживо, и держат в плену в цивилизованном городе, в двадцатом столетии, — это было сли-

шком жестоко, слишком необычайно. Сидеть, сложа руки, целиком положившись на Гуаскара, который из благодарности обещался спасти его невесту!.... А что, если со стороны Гуаскара это только предательство, ловкий маневр, затеянный ради безопасности?.. А время уходит! — думал он, сжимая кулаки в бессильной ярости. — Лучше бы рискнуть, напасть на этих сторожей, на разбойников-солдат, караулящих добычу, похищенную фанатиками-индейцами. Разнести по камням этот подлый домик, ворваться туда, пусть под пулями кечуа — и хотя бы умереть у ног Марии-Терезы....

И что потом?.... Разве это спасет ее? Маркиз прав: необходимо сдерживаться, хитрить, выжидать, попробовать подкупить этих негодяев... К полуночи вернется Гуаскар, тогда видно будет, что делать дальше!.. Но как далеко еще до полуночи!.... Он раз десять обошел вокруг площади, сообщая, нельзя ли поднять на ноги весь город. Неужели люди не возмутятся, если рассказать правду? Ведь тут, в этих домах, за этими стенами, живут христиане, — неужели они допустят, чтобы гнусные индейцы принесли белую девушку, христианку, принесли в жертву языческому богу?.. Раймонд посередине площади и уже готов был закричать во все горло: «Помогите!» — но в этот миг загремела музыка, откуда-то донеслось пение, и он невольно обернулся.

В конце широкой улицы, тянувшейся через весь город, двигалась шумная процессия. Это было то самое население города, которое он хотел поднять против Гарсии и которое преклонялось перед этим Гарсией, как перед Богом. А Гарсия, как Пилат перед Иисусом, умыл руки. Процессия приближалась под звуки труб и барабанов, при свете факелов и фонарей — на улице уже совсем стемнело. Странная это была процессия — вернее, кавалькада, с факелами и свечами, с крестами и какими-то таинственными эмблемами, которые уже более двух тысяч лет почитают туземцы. Отцы-миссионеры, проповедующие христианскую религию среди индейцев, только тем и держат их, что не трогают их суеверий... И в этой манифестации, одновременно гражданской, религиозной и патриотической, была та же при-

чудливая смесь христианства с язычеством, которая наблюдается везде среди индейцев. Очевидно, в этой толпе не было представителей высшего общества Перу и даже знатнейших индейских семейств, но зато средние и низшие классы все были здесь, на площади, пылавшей огнями, как во время пожара; и вся эта толпа бесновалась от восторга, хохотала, перемежала религиозные гимны светскими песнями, курила и разбрасывала петарды, всюду трещащие под ногами... Некоторые с тем же приплясыванием заходили в церковь, а другие — в театр, где мгновенно погружались в благоговейное безмолвие. В театре ждали диктатора и без него не хотели начинать представление. Раймонд, скрестив руки на груди, молча глядел на разгуливающую толпу. Злоба все больше разгоралась в его душе... «Нет, от этих скотов нечего ждать!» И, презрев запрет маркиза, презрев данное слово, он направился к маленькому домику, судорожно сжимая рукой лежавший в кармане визитки револьвер. Что за безумие овладело им? Что он намеревался делать? Именно этот вопрос и задал Гуаскар, неожиданно заступивший ему дорогу.

— Сеньор, куда вы?

И остановил Раймонда, положив ему руку на плечо.

— Вы отлично знаете, куда, — резко ответил Раймонд и хотел пройти мимо, но Гуаскар удержал его.

— Вернитесь домой, сеньор, а через два часа и я приду туда с маленьким маркизом. Но, если вы сделаете еще шаг вперед, я не ручаюсь за жизнь вашей *невесты*.

Голос Гуаскара на этом слове дрогнул. Раймонд заглянул ему в глаза и не увидел в них ничего, кроме ненависти. «Мария-Тереза погибла!» — кричал в душе его голос отчаяния. Раймонд чувствовал, что сам катится в бездну вместе с Марией-Терезой. И вдруг в мозгу его, как молния, сверкнула мысль, озарившая эту бездну.

— Гуаскар, — начал он торжественно, — если вы спасете дочь маркиза де ла Торреса...

Он запнулся — сердце его так бешено колотилось в груди, что ему казалось: он вот-вот задохнется. Несколько секунд, отделявших начало фразы от конца ее — от того, что

ему еще осталось сказать, — показались молодому человеку вечностью, и в памяти его навек запечатлелся и этот безлюдный мрачный переулок, и темный свод ворот, где они стояли, и доносившиеся до них временами с площади веселые крики толпы и треск петард, которые на соседних улицах мальчишки бросали под ноги прохожим. Справа в окне первого этажа горели разноцветными огоньками с полдюжины цветных фонариков, иллюминировавших вензель Гарсии; их вывесили хозяева дома перед тем, как уйти на площадь. Мимо прошел индеец, стигбаясь под тяжестью навьюченных на себя *пеллионес* (попон) и шурша по камням мостовой кожаными *полько*, какие кечуа надевают на босую ногу. Раймонд подождал, пока шаги его не затихли вдали... быть может, он инстинктивно ждал, надеялся, что случится что-нибудь и это помешает ему дать торжественный обет... но ничего не случилось, и Раймонд договорил:

— *Если ты спасешь ее, клянусь тебе моим Богом, что Мария-Тереза не будет моей женой!*

Гуаскар выслушал все это с тем же недвижным каменным лицом и ответил не сразу. Видимо, он такого не ждал. Наконец, он произнес:

— Я спасу ее. А теперь уходи. Возвращайся в гостиницу. Я буду там в полночь.

И, ни разу не обернувшись, он пошел дальше тем же переулком, выходящим на берег. Раймонд вернулся на «Плаза майор», убежденный, что он спас Марию-Терезу. В голове у него стоял такой шум и звон, он был так поглощен своими мыслями, так упивался своей жертвой, что не видел и не слышал ничего вокруг и едва не попал под копыта лошадей гусар, расчищавших дорогу для диктатора.

Когда его грубо толкнули в сторону, он невольно поднял голову и увидел перед собой окруженную кавалерийским эскадроном открытую коляску, запряженную четверкой лошадей, изукрашенных, как для масленичного катанья. В коляске сидели двое: генерал Гарсия, в полной парадной форме, при всех орденах, в шлеме с пышным плюмажем, и рядом с ним спокойный и загадочный Овьедо Рунту в безукоризненном черном фраке и безукоризненно

выглаженной белой крахмальной сорочке. Сжимая кулаки, молодой человек кинулся к коляске, готовый задушить Овьедо. Но толпа оттеснила его, увлекла за собой и, сам не зная как, он очутился в театре. Хотел сейчас же уйти — и не мог. Гарсия, окруженный всем своим штабом в сверкающих золотом шитья мундирах, высовывался из президентской ложи и кланялся толпе, устроившей ему овацию. Овьедо Рунту скромно прятался за колонной, не выдвигаясь на первый план, и Раймонд стоял так, что не мог видеть его. Публика неистово кричала и рукоплескала победителю.

Где был дядюшка Гаспар

Парижская актриса, гастролерша из театра «Французской комедии», декламировала по-испански стихи, в которых Гарсия именовался «спасителем отечества». Занавес в глубине сцены раздвинулся, обнаружив на пьедестале бюст человека в генеральском мундире с жирными эполетами; бюст воплощал в разное время разных генералов и в данный момент изображал генерала Гарсию. Воздвигнутый при жизни памятник был окружен солдатами, певшими национальный гимн. После этого все артисты по очереди прошли мимо бюста, причем каждый обращался к нему с маленькой хвалебной речью и возлагал на него венок или пальмовую ветвь.

Когда бюст совсем исчез под грудой венков, на сцену вышла молоденькая актриса, одетая кечуаской: на ней была коротенькая шерстяная кофточка с вырезом на груди и дюжина разноцветных юбочек, надетых одна на другую; на плечи был накинут шерстяной плащ, застегнутый под подбородком большой серебряной булавкой в виде ложки.

Индейцы, находившиеся в зале, встретили ее шумными рукоплесканиями. И она тоже запела что-то, только по-индейски; смысл песни заключался в том, что все индейские племена возлагают свою надежду на спасителя отечества. Закончив песню, она крикнула: «Да здравствует гене-

рал Гарсия!» Но ей отвечали криками: «Да здравствует Уайна Капак Рунту!»¹

Поднялся невообразимый шум. Все индейцы в зале топтали ногами и кричали, и вместе с ними кричали метисы, помнившие свое происхождение и уставшие от презрения белых. Цветная публика выла и ревела: «Да здравствует Капак Рунту!» Белые перувианцы, сидевшие, главным образом, в ложах, слушали молча, не принимая участия в этой демонстрации верности.

Однако в президентской ложе Гарсия привлек к себе на грудь, украшенную орденами, белоснежную сорочку своего соседа и публично заключил в объятия славного потомка царей инков.

Это вызвало взрыв восторга. Спектакль окончился. Тот же живой поток, который внес Раймонда в театр, и унес его оттуда. Он видел достаточно, чтобы понять всю бесплодность ходатайства маркиза перед диктатором. Разве Гарсия пойдет против индейцев, когда настоящий хозяин здесь — Овьедо? Раймонд надеялся теперь только на Гуаскара. Было уже одиннадцать часов. Он поспешил в гостиницу.

Маркиз и Нативидад ждали его и страшно тревожились по поводу его отсутствия. Дядюшки все не было и с момента прибытия в Арекипу никто его не видал, но это никого и не беспокоило.

Раймонд рассказал, что встретил Гуаскара и что тот еще раз подтвердил свое обещание; затем Раймонд добавил, что теперь и сам уверовал в добрые намерения индейца. В полночь Гуаскар должен привести маленького Кристобая.

До полуночи они сидели молча и лишь время от времени выглядывали в окно, на площадь — не идет ли Гуаскар. Нативидад волновался не меньше своих спутников. У него было доброе сердце, а к тому же приключение это завело

---

¹ Индейцы сравнивают здесь Рунту с Уайной Капаком (букв. «молодым властелином») — одиннадцатым правителем империи инков, отцом Атагуальпы и Гуаскара (Уаскара); междоусобная война между ними за верховную власть в стране ослабила империю и способствовала успеху Писарро (*Прим. ред.*).

его так далеко, что теперь он уже не мог отступить, не рискуя уронить себя в собственных глазах. Кроме того, он успел так скомпрометировать себя в глазах начальства, что лучше было до конца идти с маркизом — не даст же ему де ла Торрес умереть на соломе.

Наконец, наступила полночь. Часы на церковной башне гулко пробили двенадцать ударов.

Театр давно уже опустел, площадь тоже. Плошки и фонари потушили. Ночь, однако, была светлая, и из окна отчетливо видны были отдельные фигуры расходившихся по домам. Но ни одна из этих фигур не направлялась к гостинице «Жокей-Клуб». Пробило четверть первого. Никто из троих не решался вымолвить ни слова.

Половина первого — по-прежнему ничего! Маркиз тяжело вздохнул. Без четверти час Раймонд поднялся с места, подошел к столу, на котором горела маленькая копящая лампа, тщательно осмотрел свой револьвер, убедился, что он в полной исправности, зарядил его и глухим голосом произнес:

— Гуаскар изменил нам, одурачил нас, как маленьких детей. Он пришел сюда, не прячась, среди белого дня, не боясь, что ему придется отвечать за это перед красными пончо. Очевидно, он заодно с ними. Благодаря этой хитрости, он заставил нас потерять несколько часов драгоценного времени. У меня не осталось надежды. Мария-Тереза погибла, но я доберусь до нее или умру вместе с нею.

Маркиз ничего не сказал, но тоже вооружился и пошел вслед за Раймондом.

За ними последовал Нативидад.

В глухом переулке, куда они свернули, перейдя через площадь, Нативидад спросил маркиза: неужели он надеется, что они втроем справятся со стражей из 50 человек?

— Первому же красному пончо, которое попадется мне навстречу, я предложу тысячу солес за разговор. Если он не возмет денег или сделает вид, что не понимает, я прострелю ему череп. А там видно будет.

Вот и то место, где утром перед ними выросли солдаты-кечуа из отряда Гарсия. Но теперь здесь никого не было.

Это удивило наших героев и в то же время окрылило их надеждой. Во всяком случае, путь свободен. Но когда они, пройдя еще около сотни шагов, увидели, что дверь небольшого домика отворена и стражи нет, сердца их сжались тягостным предчувствием. Они бросились к домику — он был пуст. Все двери были отворены настежь и в одной из комнат еще витал сильный запах благовонной смолы — тот самый, что почувствовали маркиз и Нативидад в первой зале гацienды Ондегардо по дороге в Хорильос.

— Чудодейственный запах! — воскликнул Нативидад.

— Дочь моя!.. Мария-Тереза!.. сын мой, Кристоаль! — стонал убитый горем маркиз. — Дети мои дорогие! Где же вы? Куда увезли вас? Мы пришли спасти вас — но где же вы?

Его тщетные жалобы были прерваны каким-то шумом в соседней комнате. На пороге появился Раймонд, тащивший за собой метиса, который упирался и дрожал от страха. Это был хозяин домика, пьяный в стельку и возвращавшийся неведомо откуда. Однако, когда ему приставили к виску заряженный револьвер, он мгновенно протрезвел и рассказал все, что ему было известно.

Около одиннадцати часов вечера во двор въехала карета со спущенными шторами на окнах. Кого посадили в эту карету — он не знает, но только женщины в черном и все красные пончо провожали ее пешком до вокзала. Это ему точно известно, так как и сам шел за ними, просто из любопытства — деньги за помещение он уже получил. На вокзале его заметил индеец, которого зовут Гуаскаром, и дал ему на чай, взяв с него обещание, что он сейчас же уйдет и не вернется домой до утра.

— Негодяй! — гневно вскричал Раймонд. — Он сообразил, что мы придем сюда. Скорее на вокзал!..

На вокзале все точно вымерло. Они с трудом растолкали спавшего на скамейке сторожа и тот, не задумываясь, сообщил им, что в четверть двенадцатого целый отряд индейцев уехал на специальном поезде, заказанном Овьедо Рунту «для своих слуг». Далее сторож заявил маркизу, что ночью экстренный поезд ему не дадут ни за какие деньги, и посоветовал, если маркиз хочет ехать в Сикуюни, дож-

даться на вокзале первого утреннего поезда. Затем лег на скамью и снова захрапел.

Что это была за ночь — не рассказать словами. Тщетно пытались они снова встретиться с Гарсией. До рассвета все трое бродили по улицам. Маркиз все время жестикулировал, разговаривал сам с собой вслух и казался помешанным. Раймонд вернулся в домик на берегу реки, бросился на колени в комнате, еще полной волшебным запахом, и громко зарыдал... Когда тронулся поезд, трое пассажиров, усевшихся в одно купе, походили на призраков, а не на живых людей. Нативидад выглядел не лучше других. В этой погоне за смертью все они утратили человеческий облик. Другие пассажиры при одном виде их обращались в бегство. Раймонд и маркиз щелкали зубами, как голодные волки.

Поезд шел только до Сикуани, но туда они добрались лишь на следующее утро; ночь же им пришлось провести в Хулиаке, на высоте 4,000 метров. Здесь они вновь нашли следы недавнего пребывания тех, за кем гнались. Резкий холод, усталость и разреженный воздух гор свалили их с ног. Все трое уснули, как убитые, на скамьях вагона и очнулись только в Сикуани, большой и совершенно пустой индейской деревне.

К счастью для них, между Сикуани и Куско было налажено правильное автомобильное сообщение, продолжавшее функционировать, несмотря на революцию. Маркиз, теперь уже никому не доверявший, купил за бешеные деньги автомобиль, втайне надеясь, что он пригодится им не только для проезда в Куско. Каково же было изумление всех троих, когда у вокзала в Куско они увидели дядюшку Франсуа-Гаспара! Он шел им навстречу, свежий, спокойный и веселый.

— Ну-с? Куда это вы все подевались? Что вы делали все это время? — допытывался академик. — Я потерял вас из виду в Арекипе, но сообразил, что найду вас снова где-нибудь возле красных пончо. И пошел вслед за первым же красным плащом, который попался мне на глаза. Я дошел за ним до маленького домика на берегу реки, охраняемого солдатами, и сказал себе: «Наверно, здесь они и спрятаны,

наша бедная Мария-Тереза и маленький Кристобаль». И я стал поджидать вас. Но вас не было. Тогда я решил, что вы, наверное, поехали вперед, поскольку вы знаете, где красные проводят эти свои религиозные церемонии. Ночью, когда они стали садиться в вагоны, я поехал с ними. На вокзале мне говорили: «Нельзя, это заказной, экстренный поезд». Но я дал пару *soles* кондуктору и он пустил меня в багажное отделение. В Сикуани я вас не нашел, в Куско — то же самое. Тогда я сказал себе: «Видимо, они приедут завтра утром». Так оно и вышло. Вот я и нашел вас.

Дядюшка и не подозревал, какая опасность ему угрожала. Маркиз и Раймонд готовы были задушить его за этот веселый тон и хорошее настроение, хотя, в сущности, им следовало бы поблагодарить его, так как он оказался догадливее их.

— Куда же они повезли Марию-Терезу? — резко спросил Раймонд.

— Да вы ведь знаете — в «Дом Змея».

— В «Дом Змея!» — вскричал молодой человек и судорожно уцепился за руку Нативидада. — Вы упоминали об этом доме. Что это такое?

— *Это — преддверие могилы*, — шепотом произнес Нативидад.

В «Доме Змея»

Мария-Тереза открыла глаза, словно разбуженная жалобным голосом маленького Кристобая. И смутные грезы сразу рассеялись, и вновь перед нею отчетливо встала ужасающая действительность. Она протянула руки брату, но не чувствовала ни поцелуев его, ни его слез. Ей трудно было даже приподнять отяжелевшие веки, чтобы стряхнуть с себя гнет волшебного сна, продолжавший давить ее, не получалось разжать стиснутые зубы и вздохнуть свободнее. Вся бледная, с распущенными волосами, она напоминала утопленницу, всплывшую со дна. Да — словно утопленница, она

моментами всплывала на поверхность из бездны мрака и кошмаров, куда почти мгновенно погрузили ее волшебные ароматы, захваченные с собой тремя живыми мумиями, похитившими ее. У мамаконас тоже были наготове чудодейственные смолы, которые они жгли вокруг похищенной девушки, чтобы она оставалась недвижимой. И когда перед ней начинали куриться в драгоценных вазах благовонные соки *сандии*, более благоуханные, чем ладан, усыплявшие крепче белены и нагонявшие больше грез, чем опиум, «невеста Солнца» превращалась в статую. Тогда мамаконас могли без помех петь свои гимны. Мария-Тереза не видела и не слышала их. Душа ее уносилась в Кальяо, в контору, к той минуте, когда Раймонд неожиданно окликнул ее и она, вздрогнув, выронила большую зеленую конторскую книгу... Потом ее начинала мучить мысль, что она оставила недописанным важное деловое письмо в Антверпен — потому оставила недописанным, что в окно постучали, и она подумала, что это Раймонд, и пошла отворять, но это был не Раймонд, а три уродливых человеческих черепа, три живых мумии... они приближаются к ней, выступая из мрака, раскачиваясь, как маятники... и вот накнулись, грубо схватили, зажали ей рот своими крохотными пергаментными ручонками, высохшими и пожелтевшими во тьме подземелий... Выходя из этой тяжелой летаргии, она думала, что просыпается после кошмара, но окружающая действительность была так необычайна и страшна, что порой казалась Марии-Терезе продолжением сна.

На этот раз, когда «невеста Солнца» открыла глаза, она была в «доме Змея».

Она знала, что этот дом — преддверие смерти, ибо ее привели сюда лишь для того, чтобы передать в руки Уайна Капака, предпоследнего царя инков. Тот, в свою очередь, поведет ее к Атагуальпе, в волшебные обители Солнца. Мамаконас исполнили свой долг и подготовили похищенную к тому, что ее ожидало. В моменты просветления, когда ей позволяли очнуться, чтобы напоить каким-то нектаром, поддерживавшим силы, ей внушали принципы религии, в жертву которой ее обрекали, и учили обязанностям

«невесты Солнца».

Вначале девушка надеялась, что она сойдет с ума. Потом у нее начались приступы такой жестокой лихорадки, что она не думала дожить до церемонии и радовалась, что душа ее отлетит раньше, чем станут мучить ее тело. Но старые индианки, выросшие в горах, знали секретное средство против этой лихорадки. На одной из остановок ей дали выпить красноватого цвета жидкость, причем все мамаконас хором пели: «Лихорадка окутала тебя своим отравленным покровом. Из ненависти ко всем белым мы поклялись никогда не выдавать им тайны исцеления этого недуга. Но болезнь поразила тебя, и любовь наша к “невесте Солнца” сильнее ненависти к белым. Выпей же целебный напиток Атагуальпы, царя, что тебя ожидает...»

Итак, ее вернули к жизни, чтобы сохранить для смерти. На каждой стоянке к ней приходили маленькие живые мумии со своими священными ароматами, и как только мамаконас зажигали возле нее душистую смолу сандии в драгоценных сосудах, Мария-Тереза впадала в бесчувственное состояние и опять превращалась в статую. Так она проехала через весь Перу и прибыла в Арекипу, в маленький домик из обожженных кирпичей — последний этап перед «Домом Змея». Здесь она впервые увидела Гуаскара с легкой ношей на руках, прикрытой кисеей. При виде его она нашла в себе силы встать и шагнуть ему навстречу с радостным криком: «Ты пришел спасти меня?..» Но Гуаскар ответил: «Ты принадлежишь Солнцу, но прежде, чем оно возьмет тебя, я хочу подарить тебе радость. Обними своего маленького брата». Он приподнял кисею, и она увидела спящего Кристобаля. С криком изумления и радости девушка кинулась к нему, но Гуаскар отступил, ибо к «невесте Солнца» запрещено было прикасаться. Трое стражей храма стояли тут же, раскачивая свои уродливые черепа. Они приказали одной из мамаконас положить спящего ребенка на руки Марии-Терезы. Несчастная девушка с плачем стиснула его в своих объятиях. Впервые со дня своего похищения она заплакала. И слезы эти, падавшие на личико спящего ребенка, разбудили его.

— Как он попал сюда? Зачем вы взяли его? Вы не делаете ему зла? — тревожно спрашивала «невеста Солнца». Мальчик обвил руками шею сестры и, заливаясь слезами, рыдал у нее на груди: «Мария-Тереза! Мария-Тереза!»

Гуаскар ответил:

— Мы сделаем, что он захочет. Нам он не нужен — мы готовы возвратить его отцу. Он сам пришел к нам. Пусть сам и решит свою участь и пусть он говорит осторожнее. Вот все, что я могу сказать, все, что я могу сделать для вас. Стражи храма могут подтвердить сказанное мною.

Три мумии утвердительно закивали своими отвратительными головами.

Мария-Тереза, покрывавшая ребенка поцелуями, испуганно подняла бледное прелестное лицо.

— Что это значит: «Пусть говорит осторожнее»? Разве ребенок может обдумывать свои слова?

Гуаскар, вместо ответа, обратился к маленькому Кристобалу:

— Дитя, хочешь пойти со мной? Я отведу тебя к твоему отцу.

— Я хочу остаться с Марией-Терезой.

— Дитя само решило. Оно останется с тобой. Таков обычай — не правда ли? Скажите сами.

Трое стражей храма опять утвердительно кивнули головами.

И Гуаскар нараспев произнес заключительные слова священного псалма на языке аймара: «Блаженны входящие чистыми в обители Солнца, чистыми, как младенцы на заре жизни».

— Гуаскар! Гуаскар! Вспомни о моей матери. Сжался над нами! Где твое милосердие?

Но Гуаскар почтительно склонился перед стражами храма и вышел, ничего не ответив. Мария-Тереза с отчаянием прижала к груди маленького Кристобала, допытываясь: «Несчастный ребенок, для чего ты пришел к нам?»

— Я пришел сказать тебе, Мария-Тереза, чтобы ты не боялась. Папа и Раймонд скоро приедут... Они тебя ищут, они едут за мной... Они спасут нас... А если ты умрешь, и я

умру с тобой.

Они оба плакали и обнимали друг друга, и целовались без конца, и слезы их смешивались в одно.

Потом снова пришли мамаконас, поставили треножники, священные вазы, зажгли в них благовонную смолу сандии — и обе жертвы уснули, сжимая друг друга в объятиях.

И вот теперь Мария-Тереза снова очнулась в «Доме Змея», и на руках у нее не было маленького Кристобая, который недавно целовал ее, обливая ее своими слезами. Но она явственно слышала его голос, с плачем призывавший ее... И усилием воли заставила себя приподняться.

Она лежала в глубоком покойном кресле. Ребенок, совершенно голый, стоял напротив нее, в руках мамаконас. Она хотела броситься к нему, но с полдюжины мамаконас обступили ее и успокоили, заверив, что ребенку не сделают никакого зла, что его только переодевают, как переоденут и ее, так как они должны быть облачены в одежду из кожи летучей мыши. И, говоря с ней, мамаконас называли ее: «Койя» — царица — титулом, которого она от них еще не слыхала.

Обессиленная девушка покорно отдала себя сильным рукам мамаконас. Они проворно, как куклу, раздели ее, сняли с нее платье цвета серы, надетое на первой остановке, в гациенде Ондегардо, и, как тогда, принялись натирать ее тело благовонными мазями и маслами, все время напевая что-то медлительное и убаюкивающее. Это были рослые, сильные женщины из области Пуно, рожденные на берегах озера Титикака, красивые, немного грузные, но гибкие и грациозные в движениях; походка у них была ритмическая, как будто приплясывающая, но не лишенная своеобразного изящества. Их крепкие сильные руки золотистого цвета, обнаженные до плеч, красиво выделялись на фоне черных одежд. Из-под черных вуалей, закрывавших их лица, виднелись только большие жгучие глаза дивной красоты.

Мария-Тереза и маленький Кристоаль боялись их, но мамаконас были вовсе не злые. Две из них предназначались в жертву Солнцу вместе с Марией-Терезой и должны были умереть раньше ее, чтобы приготовить ей брачный по-

кой в обители Солнца. И эти две женщины были всех веселей, оживленней, проворней в движениях. Они все время пели, счастливые ожидающей их участью, и сожалели только о том, что молодая девушка не разделяет их радости. Они всячески старались подбодрить и развеселить ее, в ярких красках описывая радости, которые ее ожидают, и превознося счастье, выпавшее на ее долю — счастье быть избранной среди всех жен и дев царицей, «Койя» — невестой Солнца. У этих двух обреченных были тяжелые золотые браслеты на ногах, звеневшие при каждом их шаге, и в ушах огромные кольца.

Ребенок перестал плакать — его успокоили обещанием, что, если он будет умницей, его снова пустят к Марии-Терезе. И Мария-Тереза также была послушной куклой в руках мамаконас. Их тягучее монотонное пение убаюкивало ее слух и ум, еще не избавившийся от гнета тяжелого истуканного сна.

В те минуты, когда она способна была думать, Мария-Тереза утешала себя мыслью, что ее близкие знают, где она и что с ней случилось, кто похитил ее и зачем. Не может же быть, что они допустят такой ужас. В последнюю минуту их обязательно спасут. Добрался же до нее маленький Кристобаль — почему же не отец и Раймонд? Если они еще не пришли, то, вероятно, хотят действовать наверняка... И она с минуты на минуту ждала появления отца и жениха в сопровождении полиции и солдат. Они придут — и все эти дикари убегут в свои горы, она больше их не увидит, и весь этот страшный сон забудется... А пока она была покорна, слаба, как дитя, в руках судьбы. И волновалась только, слыша плач маленького Кристобаля.

«Невеста Солнца» облекается в брачные одежды

«В обителях Солнца, — в сотый раз поют мамаконас, — деревья гнутся под тяжестью сочных плодов и, когда созре-

вают плоды, ветки сами клонятся к земле, и плоды сами падают в руки. Не плачьте. Там жизнь вечная, вечная, вечная. Смерть стучится в ворота земных дворцов и раскидывает свои проклятые крылья над лесом, но не плачьте, ибо там, над землей, близ Солнца и Луны, сестры и первой законной жены его, близ Часки¹, его неизменной спутницы, жизнь вечная, вечная, вечная».

Волосы Марии-Терезы надушены ароматами и покрыты царской диадемой, бахрома которой ниспадает до глаз, придавая ей торжественную, неземную красоту. Она вздрагивает — ей натягивают на голое тело одежду из кожи летучей мыши. Какое противное прикосновение — холодное, липкое: словно она уже вошла в царство вечного мрака, где царит летучая мышь.

На руку ей надевают какой-то тяжелый браслет — она узнает его. Это браслет Золотого Солнца — тот самый, что был прислан ей, как зловещее предзнаменование... С какой мучительной горечью вспоминается ей тот страшный и счастливый час, когда она получила этот браслет, шутки, вызванные странным подарком от неизвестного, испуг тетушек, скептицизм отца, влюбленность Раймонда.... Где они все теперь? Почему они медлят? Чего ждут? Пора! Давно пора! Иначе будет поздно.... Агония ее начинается...

Мария-Тереза протягивала руки к спасителям, но спасители не приходили, и в объятия ее бросился только маленький Кристобаль, которого ей принесли — обтянутого, словно саваном, тусклой одеждой из кожи летучей мыши.

При виде этой зловещей одежды Марии-Терезе стало безумно жаль брата, страшно за него... Надо просить, молить... может быть, они сжалятся, эти жуткие мумии, опять кивающие перед ней своими нелепыми и ужасными головами. Они вышли из могил, из усыпальниц-гуакас, что они осматривали вместе с Раймондом, только для того, чтобы и ее утащить в могилу. Только для этого они ожили и вернулись на землю. Это они подстерегали ее, подсматривали за ней в окна балкона; это они подобрали браслет,

---

¹ Планета Венера (*Прим. авт.*).

брошенный ею в море... Они, а не Конха, хоть она и уверяла, будто случайно нашла его... Это они, уже завладевшие ею, как своей собственностью, ночью неслышно снова надели ей на руку зловещий браслет своими маленькими, желтыми, как пергамент, руками... О, как тяжел этот браслет! Тяжелее цепей, какими сковывают осужденных на смерть. Вот они! Ей ли не узнать их! Вот череп — *сахарная голова*, вот — *чемоданчик*, вот череп плоский, как *блин*... Если бы они только перестали раскачиваться, как маятники. Она бы заговорила с ними, попросила их — может, они бы и услышали. Но они не останавливаются, а это качание из стороны в сторону так убаюкивает... И, стараясь не смотреть на них, несчастная девушка говорит, что решила умереть спокойно и с достоинством, как подобает «невесте Солнца», но при условии, что они не сделают ничего дурного ее брату и отвезут его сейчас же целым и невредимым в Лиму.

— Я не хочу уезжать от Марии-Терезы. Не хочу расставаться с ней!

— Ребенок сам решил... *Таков обычай*, — переглянувшись, отвечают жрецы и уходят, продолжая раскачиваться... Мария-Тереза раздражается отчаянными рыданиями. Маленький Кристоаль, стараясь утешить сестру, сжимает ее в объятиях.

— Они придут, Мария-Тереза. Не плачь! Они сейчас придут... Тише! Слушай...

В самом деле, из-за стены доносится какая-то странная музыка. И почти тотчас же гуськом, один за другим, входят флейтисты. Красивые и печальные, они усаживаются на пол в кружок вокруг Марии-Терезы и мальчика. Их флейты сделаны из костей человеческой голени, и мертвая кость издает странные звуки, больше похожие на плач, чем на мелодию. Это священные музыканты: их флейты зовутся *квенями*. Песнь их печальней всякой панихиды. Все тело Марии-Терезы стынет и покрывается холодным потом от этого пения, и она отчаянным взором обводит огромную залу с голыми стенами — преддверие ее могилы.

Стены этого дома состоят из чудовищной величины шестиугольных камней, поставленных один на другой, без це-

мента, без всяких креплений, кроме своего огромного веса. Мамаконас сказали ей: «*Это Дом Змея*». Мария-Тереза слыхала о нем и раньше. Есть два Дома Змея — один в Куско, другой — в Каямарке. Они получили это название от каменного змея, изображенного над входной дверью. Этот змей — страж священной ограды. Он уже не выпустит жертву, предназначенную Солнцу. Старая тетушка Агнесса и ее наперсница Ирена знают это и давно рассказывали об этом Марии-Терезе — и она так смеялась... Значит, теперь она в Куско, во дворце, знакомом всем путешественникам, всем иностранцам, приезжающим в Перу... в столице — во дворце, куда может войти всякий, кто хочет, откуда каждый может, когда хочет, выйти... куда любой хозяин гостиницы направляет случайных заезжих гостей. Так чего же она боится?.. Что означает эта комедия?.. Сейчас придут отец и Раймонд... и спасут ее... и уведут ее отсюда... Что же они медлят?..

Слышен шорох, шум... шаги приближающейся толпы, заглушающие похоронные звуки флейт... там, за широким занавесом, огромным желтым занавесом, перегораживающей громадную залу во всю ее ширину... сквозь этот занавес не видно, что делается по ту сторону... Что за шум? Шепот, сдержанный говор, шарканье с ног....

Она спрашивает двух мамаконас, которые должны умереть вместе с ней и лежат, простершись у ее ног, покрытые длинными черными покрывалами. Они ласково и почтиительно докладывают ей, что это народ готовит торжественную встречу царю Уайне Капаку, который придет за ней, чтобы отвести ее к Атагуальпе. А Мария-Тереза старается понять — и не может. Что за вздор? Ведь этот царь давным-давно умер. Как же он может прийти за ней? Никто даже не знает, где он. Нет, мамаконас отлично знают, где он, да и всем это известно. Он скрывается во мраке, он выйдет из мрака и заберет их, всех троих. И сквозь мрак пронесет их — ее в платье из кожи летучей мыши, мамаконас в черных траурных покрывалах — в волшебные обители Солнца. И там их всех нарядят в золотые одежды, на-

денут на них золотые браслеты и перстни, и они будут жить вечно.

— А ребенок? — содрогается Мария-Тереза. — Что делают с ребенком?

О, ужас! Мамаконас отворачиваются и не отвечают. Мария-Тереза еще крепче прижимает к себе маленького братишку, осыпая его поцелуями, словно предпочитает задушить его в своих объятиях. И Кристоаль шепчет ей: «Не плачь, сестренка. Не этот гадкий царь придет за тобой, а папочка и Раймонд. Не плачь же!» И сам целует ее без конца.

На одном из больших камней начертаны таинственные знаки. На них поминутно поглядывают мамаконас, их показывают друг другу флейтисты, начиная еще усерднее дуть в мертвые кости. На камне вырезаны странные птицы с человеческими головами и туловищем — *коракенке*, легендарные птицы страны инков, изображение которых Мария-Тереза видела в музеях Лимы. Ей знакомы предания об этих птицах. Их никогда не бывало на земле больше двух одновременно. И являлись они людям на вершине высокой горы в момент воцарения нового властителя инков, роняя сверху два пера для украшения его головного убора. Но эти птицы каменные и вырезаны на камне. Почему же все так пристально смотрят на них?..

За занавесом все стихло, и флейты вдруг разом издают резкий пронзительный звук, режущий ухо. Испуганный мальчик крепче прижимается к Марии-Терезе. Занавес вдруг отдергивается и открывается вся зала.

«Смерть идет! Внимайте!»

Вся она полна простертой на земле и безмолвной толпой. На ступенях алого порфира, спускающихся к передним рядам лежащих, стоят только трое стражей храма со своими невероятными головами, в одеждах из тонкой шерсти. И, ступенькой ниже их, стоит Гуаскар в алом плаще, скрестив руки на груди. А еще ниже, на третьей ступени,

распростерлись четверо жрецов в красных пончо — *стражи жертвы*. Головы их, покрытые высокими жреческими шапками с наушниками, прижаты к полу, так что лиц не видно.

Не может же быть, чтобы во всей этой зале, полной люрода, не найдется ни единого человека, который сжалится над ней и освободит ее? Она поднимает на руках маленького Кристобаля и вскакивает на ноги с криком: «Спасите! Спасите нас!» Но ей отвечают оглушительным воплем: «*Muera la Coya! Muera la Coya!*» Ее называют Койей, «царицей» на языке аймара, но кричат по-испански: «Смерть царице!». Пусть знает, что ей нечего ждать от них сострадания. «Смерть царице!»

Четыре мамаконас, стоящие по правую ее руку, четыре по левую, две позади и две спереди, обреченные на смерть вместе с нею, заставили ее снова сесть на место. Она вырывается, бьется, поднимает над головой ребенка и кричит: «Спасите хоть это дитя!» Но толпа отвечает: «Ребенок предназначен *Паче Камаку...*» И двенадцать мамаконас хором поют:

«В начале, еще до бога Солнца и сестры его Луны, его супруги, был Пача Камак, чистейший дух...»

— Паче Камаку нужна кровь, чистая кровь! — нараспев отвечает толпа. Один снова крикнул громче других: «Этот пойдет Паче Камаку!» Но Гуаскар обернулся и приказал ему замолчать.

Теперь все стоят, кроме четырех жрецов, стражей жертвы, простертых ниц на каменном полу. Флейтисты неистово дуют в свои костяные флейты, заглушая их дикими звуками шум толпы. Мария-Тереза, побежденная, обессиленная, уже не кричит, не сопротивляется. Никто не откликнулся на ее призыв. Она и брат ее погибли. Она шепотом просит мамаконас: «Зажгите хотя бы курения. Тогда мы не будем чувствовать боли».

Но те две, что должны погибнуть вместе с ней, отвечают: «Мы должны умереть в полном сознании и с сердечной готовностью, чтобы ожить вполне и сердцем, и разумом. Нет, курения не зажгут».

Но вот смолкли и флейтисты, и воцарилась зловещая тишина. Вся толпа снова распростерлась на полу. И Гуаскар звучным голосом произносит: *«Молчание в “Доме Змея”. Смерть идет. Внимайте!»*

Стены, сложенные из гигантских камней, сотрясаются, откуда-то доносятся как будто глухие раскаты грома, но не с неба, а словно из недр земли.

Ребенок неожиданно вздрагивает всем телом на руках у сестры и шепчет ей на ухо: «Посмотри, Мария-Тереза. Посмотри на красных пончо». Она поднимает отяжелевшую голову, смотрит — и тоже вздрагивает, не от страха — от радости. Над простертой ниц толпой, одурманенной страхом и благоговением, поднимаются четыре головы в шапках с наушниками, с бронзовыми лицами, на которые ниспадают длинные волосы, но под этими волосами, под слоем краски, покрывающим лица, «невеста Солнца» все же узнает жениха, отца, Нативидада и дядюшку Франсуа-Гаспара.

Невыразимая радость охватывает ее сердце. Брат и сестра в экстазе сжимают друг друга в объятиях.

Четыре красных шапки уже снова лежат на каменных плитах. Молящиеся же приподнимают головы от пола, услышав крик Гуаскара, возвещающий приближение покойного короля Уайны Капака...

Снова все здание сотрясается, словно от подземного толчка. Стена раздвигается, и Гуаскар, протягивая к ней руки, кричит Марии-Терезе: *A qui esta el morto!*

— Вот смерть!

КНИГА ПЯТАЯ

В ОБЪЯТИЯХ ЗМЕЯ

Часть стены, украшенная скульптурой, изображающей таинственные знаки и пару птиц с человеческими головами, как бы повернулась на своей оси, — и в тот же миг из груди Марии-Терезы вырвался пронзительный крик при виде приближавшегося мертвеца.

Он явился из темной бездны, раскрывшейся вследствие перемещения циклопических камней¹. Когда послед-

---

¹ Сохранившиеся до сих пор остатки построек эпохи инков в Перу и, в частности, в Куско удивляют и поражают путешественника, хотя бы он раньше побывал в Египте, на равнинах Стоватных Фив или на берегах Нила. Колоссальные размеры монументов кажутся поистине чудесными, если вспомнить о ничтожестве механических орудий, какими располагали инки для обработки исполинских камней, из которых создавались их храмы. Последние обыкновенно сооружались из порфира или гранита, причем колоссальные глыбы камня обтесывались в правильные геометрические тела и укладывались таким образом, что частью заходили одна в другую, благодаря чему сооружения приобретали несокрушимость, с которой ничего не могли поделать в течение стольких веков самые сильные землетрясения. Если бы завоеватели не применили к этим монументальным постройкам разрушительную силу огня, они стояли бы до сих пор в том же виде, как когда-то. Отдельные глыбы так тщательно обтесаны и пригнаны друг к другу, что между ними не остается даже промежутка, куда можно было бы просунуть лезвие ножа. Некоторые из глыб имели, как сообщает Акоста, сам их измерявший, свыше тридцати восьми футов длины, восемнадцати футов ширины и шести — толщины. Несомненно, что инки, подобно египтянам, владели секретом передвижения этих громадных тяжестей, и что разгадку этого секрета у них, как и у египтян, следует искать в гидравлике. Вот почему не следует удивляться тому, что какая-нибудь циклопическая стена этих построек отодвигалась или вращалась вокруг своей оси под простым нажатием пальца. Точно так же могут быть объяснены некоторые из чудес, — всегда одних и тех же, — которые

ние снова заняли свое первоначальное положение, Мария-Тереза увидела, что мертвец сидит в двухместном золотом кресле напротив нее. Место рядом с царственным покойником оставалось незанятым.

Толпа индейцев воскликнула: «Слава Инке!» и снова поверглась ниц. Игравшие на «квенях» исполняли в это время погребальные мелодии на своих инструментах из человеческих костей. Мамаконас, которые должны были сопровождать Марию-Терезу в волшебные обители Солнца, поместились по обе стороны ее, справа и слева, а десять других жриц образовали две группы, двигавшиеся в торжественном шествии, то встречаясь, то расходясь друг с другом и помахивая своими покрывалами.

Дойдя до забальзамированного царя, они опустили на колени, подняли головы и воскликнули:

— Вот Уайна Капак, царь царей, сын великого Тупака Инки Юпанки! Он прибыл сюда путями ночи, чтобы взять новую *Койю*, которую народ инков предлагает его сыну Атагуальпе!

Потом они встали и продолжали свое церемониальное шествие, помахивая покрывалами. Это повторилось двенадцать раз. И каждый раз крики становились более громкими, а мелодии, наигрываемые флейтистами, — более резкими.

Мария-Тереза, продолжая сжимать в объятиях маленького Кристобая, спрятавшего головку на ее груди при появлении Уайны Капака, не сводила глаз с мертвеца, а мертвец, казалось, глядел на нее. И у всех возникало впечатление, что ужас, охвативший девушку при виде *пришедшего за ней* посланца ада инков, загипнотизировал ее и лишил способности двигаться.

совершались в храмах и о которых рассказывают нам писавшие об этом предмете. Прямая цель подобных чудес заключалась именно в том, чтобы поразить воображение толпы. Инки были хорошо знакомы с работой водяной силы и знали, какое действие может произвести малая капля воды (*Прим. авт.*).

Царь также был облачен в одежду из кожи летучей мыши, необходимую для свершенного им переходу по «путям ночи», но из-под этого временного наряда виднелись надетые на нем царская мантия и золотые сандалии. Его бесстрастное и строгое лицо было открыто. Оно сохранило прижизненный коричневатый оттенок кожи. На черных, как воронье крыло, волосах не было ничего, кроме *ланту*, легкой короны, подобной той, которую надели на голову Марии-Терезы; но корона царя была украшена двумя перьями коракенке. Не то стражи Храма Смерти поместили под мертвенные веки царя блестящие стеклянные шарики, не то люди, бальзамировавшие его труп, обладали удивительным секретом сохранения блеска человеческих зрачков, — так или иначе, но Марии-Терезе казалось, что мертвый монарх смотрит на нее до ужаса живым взглядом. Царь сидел в очень естественной позе, положив руки на колени. Молодой девушке казалось даже, что он дышит: до такой степени этот труп был похож на живого человека¹. Вопль

---

¹ После завоевания испанцами Перу перуанцы скрыли мумии своих монархов, опасаясь, что они могут подвергнуться святотатственному поруганию со стороны испанцев. Ондегардо нашел пять таких мумий, три — мужчин и две — женщин. Первые были телами Виракохи, великого Тупака Инки Юпанки и его сына Уайны Капака. Гарсиласо их видел в 1560 году. На них были королевские одеяния с коронами «ланту» на головах. Мумиям были приданы сидячие позы и, по словам Гарсиласо, они казались совершенно живыми людьми, не потерявшими ни одного волоска из своих ресниц. Когда мумии, бережно укрытые плащами, несли по улицам, индейцы благоговейно опускались на колени, разражаясь воплями и рыданиями, и были очень тронуты, когда заметили, что некоторые испанцы обнажали головы при приближении этой процессии. Затем мумии были перенесены в Лиму, откуда позже они таинственно исчезли. П. Акоста, которому удалось их увидеть, свидетельствует, что они вполне сохранились. «Можно было бы подумать, — замечает он, — что находишься в собрании людей, погруженных в молитвенное молчание, до того черты их лиц сохранили выражение жизни». Инкам не хуже египтян удавалось продлить существование тела за пределы, установленные природой. Впрочем, они пользовались для этой цели одной солью, которая и теперь еще производит

ужаса вырвался у Марии-Терезы, но его услышал лишь маленький Кристоаль — в этот миг мамаконас приблизились к мумии в двенадцатый раз, их пение и аккомпанемент флейтистов зазвучали еще громче, и в Доме Змея ничего нельзя было расслышать, кроме этого варварского, терзающего слух шума.

Находившиеся здесь индейцы в свою очередь начали дико вскрикивать и раскачиваться вправо и влево, подражая движениям трех стражей храма. Мария-Тереза продолжала смотреть на мертвеца — не только потому, что не могла отвести от него взгляд, будучи как бы загипнотизирована, но и потому, что не хотела смотреть на жрецов в красных пончо. Она чувствовала, что если ее взгляд оторвется от мертвеца, то неминуемо упадет на друзей и выдаст их.

Мария-Тереза уже наполовину ушла в идею смерти; ей казалось, что земля, которая должна задушить ее, уже овладела ее телом, оставив свободной только голову. И Мария-Тереза, погружаясь в беспредельный ужас, все же испытывала особый страх при мысли, что голова ее невольно повернется в сторону тех, кто еще может ее спасти, и укажет на них фанатической толпе. И потому, пред лицом смерти, она старалась поддаться гипнотическим чарам трупа. А индейцы, видя, что чудо свершается, что Мария-Тереза переходит в объятия смерти, усматривали в этом проявление божественной милости.

Гуаскар поднял правую руку и сделал какой-то знак двумя пальцами. Воцарилось полное молчание и толпа застыла в совершенной неподвижности. Три уродливых черепа приблизились и указали обреченным на смерть мамаконас на пустовавшее место золотого трона. Мамаконас тотчас воскликнули на языке аймара, обращаясь к Марии-Терезе:

— Ну, *Койя*, пойдем! Будь счастлива и покорна, царь призывает тебя!

чудеса в этом отношении. Богатый селитрой песок Косты обладает способностью сохранять трупы, как если бы они были забальзамированы с помощью драгоценнейших веществ (*Прим. авт.*).

И, подняв ее, они отвели Марию Терезу на свободное место рядом с покойным царем Уайной Капаком, сыном великого Тупака Инки Юпанки. И когда это было сделано, она оказалась сидящей как раз напротив красных пончо.

В объятиях Змея

Мария-Тереза закрыла глаза, чтобы избежать ужасной необходимости видеть рядом с собой, на том же троне, мертваца, который должен был унести ее в землю, а также — чтобы не видеть тех... красных пончо, — не видеть их... ибо она все отчетливей сознавала, что если ее глаза встретятся со взглядом Раймонда или отца, она разразится рыданиями, как безумная бросится бежать к ним либо, наконец, крикнет им что-нибудь такое, что их всех погубит. Но несмотря на опущенные веки, несмотря на то, что она казалась обращенной в мумию, подобно сидевшему рядом царю, Мария-Тереза была прекрасно осведомлена обо всем, происходившем вокруг. Маленький Кристоаль наблюдал за залой поверх обнимавших его рук сестры и рассказывал ей обо всем тихим шепотом, — таким тихим, что Мария-Тереза едва ощущала его дыхание, теплой струей поднимавшееся вдоль ее обнаженной шеи.

— Раймонд поднял голову... и папа тоже.... папа сделал какой-то знак... но об этом нельзя говорить...

Мария-Тереза положила на губы ребенка свою дрожащую руку, и он понял, что следует замолчать.

— Итак, они здесь! — думала Мария-Тереза. — Что они намерены предпринять? Что они могут сделать?...

Это ужасно! Они здесь, но они скрываются, они бесильны!.. Не будь они бессильны, не прятались бы! Они явились бы сюда с полицией... с солдатами!.. Этого Мария-Тереза никак не могла понять... Зачем они скрываются, если хотят ее спасти?! Неужели индейцы стали хозяевами края?!.. Мария-Тереза вспомнила о революции, о генерале Гарсии, который просил когда-то ее руки. Почему они не обрати-

лись к генералу Гарсии? Он поспешил бы к ней на помощь со всей своей армией... Что они думают предпринять, прячась под своими красными пончо? Что могут они сделать для нее в окружении всех этих людей, желающих ее смерти? Но очевидно, что у них должен быть какой-то план...

Мамаконас пели:

«Земля сотряслась, месяц был окружен огненными кольцами различных цветов, гром ударил в один из царских дворцов и превратил его в пепел, и тогда все увидели орла, преследуемого несколькими соколами; наполняя воздух своими криками, он летал над большой площадью города и, пронзенный когтями своих преследователей, упал безжизненным в присутствии благороднейших инков».

Слова эти напоминали о поражении и смерти последнего царя инков. Все, согласно ритуалу, с глубокими вздохами преклонили головы, а флейтисты снова заиграли на своих инструментах из человеческих костей. Гуаскар также поклонился, затем поднял голову, и его глаза встретились с полуоткрывшимися глазами Марии-Терезы. Мария-Тереза вздрогнула. Она более не сомневалась, что он ее любит и что именно он посылает ее на гибель. Когда Гуаскар шагнул к Марии-Терезе, она подумала, что пришел ее смертный час, — до того мрачен был его взгляд. Мария-Тереза могла бы еще обратиться с мольбой о пощаде к чужой ей толпе, но не к этому человеку... И она закрыла глаза...

И тогда Мария-Тереза услышала, что Гуаскар говорит ей медленно и монотонно, как говорят священники в церкви:

— Койя, ты принадлежишь Уайне Капаку, великому царю, явившемуся из преисподней, дабы отвести тебя в дом сына Солнца. Мы оставим тебя наедине с ним. Это он поведет тебя к порогу тайны, которая должна оставаться неизвестной для всех живущих. Он заставит тебя пройти путями ночи и, как подобает по обряду, научит тебя познавать славу Куско, дочери Солнца. Затем он посадит тебя в храме среди сотни супругов. Ты должна ему повиноваться и, если не желаешь разрушить чары, не поднимайся с места иначе, чем когда сам он поднимется!.. И помни, что змей бодр-

ствует в Доме Змея!

Гуаскар отошел назад вместе с тремя стражами храма, в то время как толпа индейцев медленно выходила через три двери. Ушли и мамаконас, накидывая на головы черные покрывала, как делают женщины в трауре, покидая кладбище. И обе мамаконас, которым предстояло умереть, также удалились, поцеловав обнаженные ноги Марии-Терезы, видневшиеся из-под платья, сотканного из кожи летучей мыши.

Мысль, что ее оставят сейчас совершенно одну в этой зале, которую охватывал быстро надвигавшийся ночной мрак, — одну с маленьким Кристобалем на руках, рядом с мертвецом, — наполнила душу Марии-Терезы еще большим ужасом, чем тот, который она только что испытала под влиянием зрелища, представленного ей дикарями. Почему они уходят?.. Без сомнения, потому, что сейчас должно произойти самое ужасное, а у них не хватает мужества присутствовать при этом. Гуаскар сказал: «Существуют тайны, которые не должны узнать живущие!» *Какую участь ей уготовили?* Почему ей запретили вставать с места? «Не поднимайся иначе, чем когда сам он поднимется». Он, значит, встанет? Этот мертвец, быть может, подойдет к ней? Возьмет ее за руку своей отвратительной рукой мумии? И увлечет за собою к мертвым путями ночи?

По мере того, как люди выходили из залы, угасал и свет.

А красные пончо?!... Неужели они не бросятся, наконец, ей на помощь?... Неужели не вырвут ее из рук смерти?... Неужели она погибнет, как и другие?... Мария-Тереза смотрит теперь на них... она видит всех четверых... всех четверых, распростертых на каменных плитах... Мамаконас сказали: «Это бодрствующие над жертвой!...» Значит, они, несомненно, останутся... ибо жертвоприношение уже близится... они обязаны остаться!... Гуаскар сказал, что все уйдут, за исключением мертвеца... Он, вероятно, не вспомнил о *бодрствующих над жертвой*, которые имеют право оставаться здесь. Однако, это надо было бы знать... стражи храма ушли... Гуаскар ушел... четыре красных пончо, возможно, также последуют за ним... Нет, они не двигаются!.. Ах! Мария-Тереза может взглянуть на них... но они не

смотрят на нее! Они недвижно лежат на каменном полу, как неодушевленные предметы...

В зале осталось не более двух десятков индейцев. Чего ждут красные пончо, почему не бросаются к ней?.. Чего ждет Раймонд?.. Чего ждет Раймонд?!..

— О, Мария-Тереза, мы останемся одни, только с ними! — шепчет маленький Кристобаль... — они нас спасут!..

— Да, очевидно, это так! — думает Мария-Тереза... — это, очевидно, так!.. Вот в чем их план!.. Им пришлось склонить к измене настоящих «бодрствующих над жертвой», склонить их к измене или убить, подкупить нескольких кациков (они ведь так любят деньги!)... И они прокрались в «Дом Змея» под красными пончо, зная, что к концу церемонии их оставят одних, совершенно одних с Марией-Терезой, маленьким Кристобалем и мертвецом!.. Тогда все совершится как нельзя проще, поскольку для побега, должно быть, все уже приготовлено... и, конечно, не мертвец же помешает бегству!..

Теперь мертвец не внушал уже Марии-Терезе такого ужаса.

Она расцеловала маленького Кристобаля, который возвратил ей поцелуи и сжал ее в своих крохотных ручонках... Осталось еще пять.... четыре... три индейца... Они оборачиваются, чтобы поглядеть на нее прежде, чем уйти... Ах! она забылась и позволила себе пошевелиться... нет.... нет... ни единого движения!.. это запрещено!.. Она не должна вставать, пока не встанет мертвец!.. Она будет благоразумна и останется на золотом троне с маленьким братом в объятиях... Ни одного индейца!.. ни единого!.. никого, кроме четырех «бодрствующих над жертвой»... они поднимаются и, в свою очередь, медленно направляются к двери... Да, они тоже уходят... они уходят!..

Ах! у Марии-Терезы вырывается глухой стон!.. Она не смеет кричать, не знает, должна ли, может ли она кричать!.. Но видеть, как они уходят, подобно другим... не бросив ни одного взгляда в ее сторону... это разрывает ее сердце... Маленький Кристобаль плачет... он больше не может удержаться от слез... «Они уходят! они уходят!» — шепчет он,

рыдая... Но нужно заставить его замолчать... нужно подождать... нужно сохранить мужество до конца... Уходят и еще трое, трое «бодрствующих над жертвой»... Медленно, склонив покрытые жреческими колпаками головы, они расходятся в стороны, подходят каждый к своей двери... Но остался еще один, четвертый... он останавливается посреди залы, полуобернувшись к Марии-Терезе... И делает ей знак... Это Раймонд!.. Ах, конечно, они спасены! они спасены! но необходимо действовать осторожно, не правда ли?.. очень осторожно... Трое красных пончо подошли уже к трем дверям и с опаской выглядывают во дворы, примыкающие к ним — каждая дверь выходит на отдельный двор, как обыкновенно бывает во всех дворцах инков, где ни одно помещение не сообщается с другим... Разошлись ли индейцы? Все ли ушли?.. Вот что, очевидно, интересует красных пончо, вот в чем они хотят убедиться... И Раймонд, вероятно, находит, что они тратят на это слишком много времени... Он ждет сигнала! Он ждет сигнала!.. И простирает руки к Марии-Терезе, а она, забыв наставления Гуаскара, приподнимается на своем золотом троне, тогда как мертвец остается сидеть, — как и подобает мертвецам, особенно мертвым царям, сохраняющим достоинство и самоуважение... совершенно неподвижным... Ах! сигнал! сигнал!.. маркиз подает сигнал!..

— *Recuerda! Помни!*

Услышав этот лозунг, который он ждал с таким смертельным нетерпением, Раймонд бросается к Марии-Терезе. Маркиз следует за ним и, пока двое их товарищей продолжают сторожить у дверей, оба избегают по высоким ступеням из порфира, тянутся к Марии-Терезе... И Мария-Тереза, выпрямившись, испускает крик радости и освобождения; она готова уже вместе с маленьким Кристобалем броситься в простертые к ней руки... она уже встает с рокового кресла... и в этот миг слышится злобный свист... Мария-Тереза вскрикивает от ужаса и бьется, вместе с ребенком, в чудовищных извивах колоссального змея, который охватил ее своими кольцами, обвился вокруг нее и удерживает в плену на кресле смерти, рядом с мертвецом! *Это*

змея, стерегущий свою добычу в Доме Змея!..

Раймонд и маркиз также вскрикнули от ужаса, увидев неожиданно возникшее перед ними гигантское существо, и бросились на чудовище. Голова его равномерно покачивается над ними, издавая своеобразное пощелкивание гремучей змеи. Они силятся вырвать у него несчастных!.. Они бьют змея! Душат!!... Они хотят убить чудовище!.. Задушить!.. Ужасная неожиданность!.. Под руками их не живое тело, а холодный металл, — металлические кольца, со скрипом скользящие одно по другому и движимые каким-то адским механизмом¹. Эти медные оковы² охраняют Марию-Терезу и ребенка от спасителей лучше любых тюремных решеток!..

Тщетно Раймонд пытается привлечь к себе холодеющее тело Марии-Терезы, напрасно тянет к себе маркиз маленького Кристобая... Они не в силах вырвать добычу у чудовища, продолжающего раскачивать над ними свою треугольную голову с открытой пастью, откуда вырывается все более резкий свист и оглушительное щелканье. На шум ото всюду сбегаются люди...

Нативидад восклицает: «Вот они! вот они!..» — и куда-то бежит... Но куда бежать?!.. Маркиз не желает никуда бежать. Раймонд не в силах расстаться с Марией-Терезой!.. Между тем, вся зала снова наполняется индейцами, жрецами, кациками, красными пончо, — и вся эта масса людей неистово вопит при виде совершенного святотатства... Мамаконас в отчаянии размахивают своими черными покрывалами... Сюда же являются солдаты-кечуа, которые откры-

---

¹ Жрецы инков, как и египетские жрецы, стремясь поразить воображение толпы, сооружали в глубине своих святилищ различные таинственные механизмы, устройство которых под угрозой смерти сохранялось в тайне. См. по этому предмету у Писарро и Гарсиласо. Легенда, связанная с «Домом Змея», который никогда не выпускал своей добычи, вероятно, обязана своим происхождением какому-либо механизму в том же роде (*Прим. авт.*).

² Инки не знали железа (*Прим. авт.*).

то стали на сторону банды Овьедо Рунту, остающегося по-прежнему невидимым.

Предосторожность безумного Орельяны

Наконец появляется Гуаскар. Где он был?... Его спокойствие, его неподвижность среди всего этого шума и волнения как бы свидетельствуют, что происшедшее его не удивило... что ничто не может его удивить... Будь Гуаскар заранее предупрежден о том, что только что случилось, он и тогда не обнаружил бы большего спокойствия. Он приказывает надеть кандалы на пленников — маркиза, Нати-видада и дядюшку Франсуа-Гаспара. Последний, испытав грубость и жестокость набросившихся на него людей, начинает беспокоиться, поддаваться ужасу... Гуаскар велит своим индейцам увести всех троих...

Маркиз зовет в последний раз: «Кристобаль! Мария-Тереза!»... Но они не отвечают, недвижно покоясь в кольцах металлического змея...

И все же Гуаскар становится все более и более мрачным: поиски Раймонда в этой переполненной людьми зале оказались напрасны. Раймонд исчез! Неужели один Раймонд избежит его мести?!

Вслед за пленниками покинули залу и индейцы, воспе-вая славу, силу, ловкость и хитрость стража Дома Змея. Во время поднявшейся суматохи мамаконас набросили свои черные покрывала на неподвижно сидящую мумию Уай-ны Капака. Когда индейцы ушли, они снова взяли свои покрывала и удалились. Затем ушли и все жрецы, и должностные лица, за исключением Гуаскара и трех стражей храма, которые продолжали ласкать змею маленькими отвратительными ручками. Тогда Гуаскар зашел за спинку двойного золотого трона и тотчас же, словно в силу полученного приказания, змей перестал свистеть и сомкнул пасть, оборвав свое непрерывное шелканье. Постепенно, очень медленно змей, так быстро обвившийся вокруг бед-

ной Марии-Терезы и маленького Кристобая, свернул кольца и скрылся за спинкой трона. После этого Гуаскар прикоснулся к стене в том месте, где была изображена коракенке, птица с человеческой головой, и стена вновь повернулась, открыв *путь ночи*. Тотчас двухместный трон проскользнул в этот темный проход, унося с собой мертвого царя, Марию-Терезу и маленького Кристобая. А стена, повернувшись на оси, закрыла проход, ибо существуют тайны, что не должны быть известны тем, кто не готов еще умереть. Затем трое стражей храма преклонили свои чудовищные головы перед Гуаскаром, и Гуаскар остался один в Доме Змея — он имел на это право, будучи последним великим жрецом последних инков.

Всю ночь до самой зари просидел Гуаскар в одиночестве на высоких ступенях из порфира, склонив голову на руки.

. . . . .

Скрываясь в нише, выдолбленной в камне руками инков, Раймонд всю ночь ждал Гуаскара перед Домом Змея. Но ему не удалось увидеть никого из тех, ради кого он здесь остался, невзирая на опасность быть узанным распорядителями празднеств Интерайми. Некоторые, проходя мимо, бросали взгляд на этого нищего индейца, завернувшегося в пончо и, казалось, спящего. Но никто не подозревал, что это был тот самый беглец, исчезнувший из храма после содеянного святотатства.

Ночная тьма благоприятствовала Раймонду. В темноте ему удалось спастись из этой огромной залы, куда бросились индейцы на призыв гремучего змея. Во время всеобщего замешательства у него хватило присутствия духа, чтобы вывернуть наизнанку свое красное пончо, и оно стало походить на обыкновенное пончо кечуа. Смешавшись с толпой, Раймонд вышел вместе с индейцами из храма и остался в этой нише, подавленный случившимся.

У него не оставалось больше никакой надежды. Кечуа стали хозяевами края. Последняя победа Гарсии даровала им Куско. Все, кто не принадлежал к числу туземцев, бежали. Из 50,000 жителей этого древнего города, семь восьмых относились к чистой индейской расе, и со времени испанского завоевания эти десятки тысяч людей не устраивали себе подобного празднества. Оставленные Гарсией в городе незначительные силы, к которым, впрочем, с энтузиазмом примкнули и побежденные солдаты Вентимильи, обнаружили полное единодушие с туземным населением, из среды которого они вышли, чьи нравы, верования и фетишизм разделяли.

Экзальтация охватила весь край, тем более что Гарсия благоразумно не вмешивался. Генерал не хотел лично становиться в рискованную оппозицию проявлениям фанатизма, который, по его мнению, должен был остыть естественным путем по окончании праздника Интераими.

Но праздник еще продолжался, и вся область превратилась в священное достояние детей Солнца, какой она и была в самую славную эпоху инков. Религиозные процессы, пение и танцы не прекращались. Когда Раймонд и его спутники прибыли в окрестности Куско и оставили свой автомобиль в одной из *тамбос* (деревенской гостиницы), подкупив владельца, они быстро убедились, что в таких условиях действовать силой было невозможно.

К счастью, у них оставались деньги Гарсии — последняя их надежда. Они пообещали хозяину гостиницы, — бедному метису, только и мечтавшему разбогатеть, — целое маленькое состояние, если он приведет к ним нескольких красных пончо, которые обнаружили бы готовность, за весьма солидное вознаграждение, заключить с ними сделку. И все это время им пришлось действовать в тайне от Гуаскара.

Метис привел к ним четырех красных пончо. Тем вечером они должны были исполнять обязанности *бодрствующих над жертвой* и, следовательно, последними оставаться в храме наедине с Койей и Уайной Капаком до начала таинства *путей ночи*. Действительно, выходило очень удобно. Выходило даже слишком «удобно», но Раймонд и мар-

киз радовались возможности проникнуть, наконец, к Марии-Терезе и потому не обратили внимания на детали, которые могли возбудить подозрительность и менее предусмотрительных людей. Франсуа-Гаспар, присутствовавший при обсуждении этой «комбинации», на сей раз не без основания пожимал плечами в знак презрения к столь «жалкой политике». Наконец, обо всем было договорено и красными пончо немедленно получили половину обещанной суммы; остальное они должны были получить лишь после успешного окончания предприятия. Условлено было также, что они окажут содействие и помогут освободить Марию-Терезу, взяв на себя обязанность стеречь один из выходов и в случае успеха выпустить из храма кучку заговорщиков с их драгоценной добычей. Затем четверо путешественников надели плащи «бодрствующих над жертвой», загримировались и натянули на головы жреческие колпаки с наушниками. Церемония должна была состояться на исходе дня в присутствии толпы, охваченной экстазом, — едва ли поэтому можно было ожидать, что кто-нибудь станет внимательно разглядывать этих лже-жрецов, обязанных лишь исправно склоняться челом до самой земли. Франсуа-Гаспар, конечно, первым вызвался участвовать в этом, как он выразился, маскараде; он играл свою роль со спокойным мужеством, которое вернуло ему прежнее уважение маркиза и даже племянника. Нативидад на минутку задумался о швейке Женни, но решил, что дело быстро и благополучно закончится. По опыту он знал, что в этих краях многое решают деньги, а продажность индейцев была ему хорошо известна. Вот почему он не сомневался в счастливом финале этой маленькой трагикомедии. Сколько раз на его глазах индеец оказывался одураченным представителями белой расы!

Однако на сей раз представители белой расы дали индейцам себя одурачить. В этом они быстро убедились. Гуаскар, разумеется, обо всем узнал и лишь посмеялся над ними, заставив облачиться в красные пончо.

Где теперь эти «бодрствующие над жертвой», неудавшиеся спасители Марии-Терезы и Кристобая? Куда поде-

вался маркиз? Где Нативидад? Куда исчез знаменитый академик? В глубине какой темницы томятся они, и какая участь ждет их?

На темной улице перед роковым храмом Раймонд ждал Гуаскара, чтобы убить его. Но никто больше не выходил из Дома Змея. Когда рассвело, чья-то рука легла на плечо лжеиндейца. Он поднял голову и узнал высокого старика, который выслеживал Гуаскара на площади в Арекипе. Перед Раймондом стоял отец Марии-Кристины д'Орельяны.

— Зачем ты здесь? — спросил старик Раймонда. — Процессия пройдет с другой стороны. Пойдем со мной, — и ты увидишь мою дочь. Она явится с *путей ночи*.

Раймонд встрепнулся, услышав слова несчастного безумца; к тому же он заметил многочисленные группы индейцев, тянувшиеся по улице в одном и том же направлении. А старик добавил:

— Пойдем за ними! Видишь, они все идут посмотреть на процессию невесты Солнца.

Раймонд поднялся и пошел за стариком. В его нынешнем ужасном положении, подобное которому невозможно было представить себе в современном цивилизованном мире, Раймонду начало казаться совершенно естественным то обстоятельство, что его вел за собой какой-то сумасшедший. А старик, идя рядом, продолжал говорить:

— Я тебя хорошо знаю... Ты прибыл в этот край, чтобы увидеть Невесту Солнца. Ты даже переоделся индейцем, но это совершенно бесполезно. Иди со мной и ты ее увидишь, эту Невесту Солнца! Я знаю древнее Куско *на земле и под землей*. Я прожил десять лет в подземельях. А когда я выхожу из подземелий, я показываю город иностранным туристам. Я вожу их по всем местам, через которые некогда проходила невеста Солнца, прежде чем соединиться с Солнцем в Храме Смерти, который также является Храмом Солнца подземного мира. Ты увидишь: это очень любопытно!.. Сегодня будет еще интересней, чем в прошлый раз — тогда они вынуждены были скрываться, и процессии могли свершаться только на путях ночи, теперь же они господствуют *на земле и под землей*. Уайна Капак, умерший царь,

сможет вновь взглянуть на живое Солнце. И они пройдут по улицам города. Если ты этого не знаешь, значит, ты не вслушивался в то, что говорилось вокруг. Где твои товарищи? Я мог бы и им показать город и провести по путям невесты Солнца. И знаешь, я дорого бы не запросил. Несколько *сентавос* мне хватит, чтобы протянуть пару недель. Потому-то содержатели гостиниц и поручают мне показывать иностранцам город. Никто не знает Куско лучше меня. Ты приехал на праздник Интерайми. Я тебя впервые увидел в Моллендо, потом у дома близ Рио Чили в Арекипе, потом перед Домом Змея. Это все этапы, предшествующие путям ночи. И через все эти места они вели десять лет назад мою дочь, Марию-Крестину. Она была самой красивой девушкой в Лиме, и они признали ее достойной своего бога. Когда я увидел, что празднество Интерайми снова возвращается, я сказал себе: «Орельяна, ты должен принять меры!» И я их принял, клянусь честью! Пойдем! Я слышу звуки флейт смерти...

Кортеж Интерайми

Безумец провел Раймонда через все Куско. Но Раймонд почти не замечал этот древний циклопический город, на руинах которого выстроен современный. А между тем Раймонд проходил через самый центр города, воздвигнутого, без сомнения, богами или титанами, так как гранитные и порфиновые глыбы, из которых он сложен, не сдвинулись с тех пор, как неведомая людям нашего времени сила установила их на предназначенное место.

И они никогда не сдвинутся, они умрут вместе с землей, тогда как ничтожные сооружения конкистадоров сотрут с ее лица бури и землетрясения. Раймонд, как слепец, проходил мимо этих поразительных монументальных реликвий далекого прошлого. Он шел, следуя за толпой, следуя за стариком, который вел его к новому месту мучений Марии-Терезы.

Они вышли из города и Орельяна, взяв Раймонда, как ребенка, за руку, заставил его взойти на холм, называемый на языке кечуа «Холмом танцующей обезьяны». Там им пришлось взобраться на одну из гранитных скал, в которых инки высекли террасы, галереи и лестницы с гигантскими ступенями. Бесчисленные индейцы уже толпились на этих степенях и галереях, и взоры всех были обращены к *Саксайуаману*, скалистому холму, циклопическому форту, первому свидетелю величия древних веков. Его высота превосходит тысячу футов и он опоясан тремя стенами, возвышающимися одна над другой и изрезанными нишами, где в этот день, как в давние времена, стояли часовые.

Итак, все глаза были обращены на *Саксайуаман*, а все взгляды людей, находившихся на *Саксайуамане*, были прикованы к *Интихуатане*, то есть столбу, к которому привязывают Солнце.

Орельяна дребезжащим голосом объяснял тоном гида, привыкшего вечно давать пояснения:

— Вы видите, сеньор, столб, каковой служил индейцам для измерения времени. Теперь этот столб указывает, как ему и приличествует, часы празднества. Это камень, имеющий религиозное значение и воздвигнутый для точного определения времени равноденствия. Вот почему его называют *Интихуатана*, — «место, где привязывают Солнце»... А-а! внимание!.. смотрите... процессия уже двинулась!... Вы должны знать, что *пути ночи* проходят как под городом, так и за городом, между Домом Змея и *Саксайуаманом*¹. Когда моя дочь покинет пути ночи, она посетит *Саксайуаман* и *Интихуатану*. А затем, когда великий жрец отвяжет солнце, процессия направится к воротам города.

Действительно, Раймонд теперь отчетливо видел целый кортеж, формировавшийся вокруг стен, и заметил во главе этого кортежа Гуаскара, отдававшего приказания. Он тотчас перестал обращать внимание на безумного старика и

---

¹ Эти подземелья — пути или кулуары ночи — существуют в действительности и образуют настоящий лабиринт не только под городом, но и под всей провинцией (*Прим. авт.*).

бросился в ту сторону, стараясь приблизиться к процессии, но ему не удалось пробиться сквозь первые ряды индейцев, наполнявших воздух своими криками. Раймонд очутился невдалеке от столба, «к которому привязывают Солнце». Эта одинокая колонна, помещенная в центре расчищенного круга и вся увешанная гирляндами цветов и плодов, была увенчана позолоченным тронем, красовавшимся на ее вершине. Исчезнувший несколько веков назад и предназначенный для Солнца¹ трон, был еще до зари доставлен из тайных хранилищ путей ночи. Ошеломленный криками, пением, толкотней, Раймонд вынужден был ждать у колонны несколько часов, с молчаливым упорством защищая свое место. Он потерял Гуаскара из виду, но в конце концов понял, что несколько жрецов, непрерывно ходивших вокруг Интихуатаны, ожидали наступления полудня.

Когда Раймонд снова увидел Гуаскара, на жреце была блестевшая, как само солнце, золотая мантия. Обратившись лицом к трону Солнца, великий жрец ждал в течение нескольких секунд. Затем он прокричал на языке аймара следующую фразу, которую со всех сторон повторили по-испански и на языке кечуа:

Бог, во всем сиянии своем, воссел на обелиске!

Подождав затем еще несколько секунд, он ударил в ладони, подавая сигнал к началу шествия. Бог был уже «освобожден», то есть, посетив свой народ, свободно продолжал

---

¹ Время равноденствия ознаменовывалось общественными празднествами. Гномон увенчивался золоченным креслом Солнца; как в это время, так и во время солнцестояний колонны украшались гирляндами и приносились жертвы из цветов и плодов, а во всей империи происходили большие торжества. Именно по этим моментам года перуанцы устанавливали те или иные земледельческие работы. Само начало года считалось с зимнего солнцестояния. Испанцы-завоеватели снесли большинство этих колонн в убеждении, что они были воздвигнуты в целях идолослужения (*Прим. авт.*).

свой путь в небесах. Народ же следовал за ним по земле, от востока к западу.

Первым двинулся в путь кортеж священнослужителей с Гуаскаром во главе; за Гуаскаром следовали несколько сотен просто одетых прислужников, которые расчищали процессии дорогу и на протяжении всего пути пели торжественные гимны. За ними шли около ста человек, одетых в яркие клетчатые материи с размещенными в шахматном порядке красными и белыми клетками. При виде их народ начал приветственно кричать: «*Амоутас! амоутас!*» («Мудрецы!»). Затем шла группа людей, одетых во все белое; они несли серебряные и медные молоты и палицы. Это были «привратники» королевского двора. За ними следовала гвардия, а также лица, непосредственно принадлежавшие к свите царя и отличавшиеся богатыми голубыми ливреями. Заклучали процессию представители высшей аристократии с громадными серьгами в ушах. Вся процессия спускалась с Саксайуамана в долину, когда появились громадные носилки, на которых возвышался двухместный золотой трон. Тысячи восклицаний зазвучали при виде мертвого царя и его живой подруги, и в этих криках преклонение перед потомком Манко Капака соединилось с дикой ненавистью к той, которая представляла расу победителей, к девушке, обреченной быть замурованной заживо. Со всех концов неслись крики: «*Muera la Coya! Muera la Coya!*» — «Смерть царице!» Мария-Тереза казалась такой же мертвой, как и сидевший с ней рядом царь-мертвец. Она безвольно покачивалась в такт шагам благородных инков, несших носилки. Блистая красотой статуи, Мария-Тереза была бледна, как мрамор, и продолжала держать на руках маленького Кристобаля.

По выходе из кулуаров («путей») ночи с Марии-Терезы сняли платье из кожи летучей мыши и надели на нее тунику из шерсти викуньи, такую тонкую, что она выглядела шелковой. Две мамаконас, назначенные в жертву, шли сейчас же за носилками, полностью закутав головы своими черными покрывалами. Другие мамаконас и три сторожа

храма куда-то исчезли. За кортежем следовала рота солдат-кечуа с ружьями на плечах и группа флейтистов.

Этот кортеж, точно вышедший из глубин давно минувших веков, составлял любопытный контраст с небольшим отрядом современной армии; но лишь дядюшка Озу смог бы оценить этот контраст по достоинству, а дядюшки Озу там не было! Что же касается Раймонда, то он словно обезумел, едва увидев Марию-Терезу. Не в силах пробиться в передние ряды, он бросился назад, чтобы поспеть к городским воротам, где надеялся занять место на пути кортежа. Но в тот момент, когда Раймонд достиг последних ступеней «холма танцующей обезьяны», он был лишен возможности двинуться дальше — его сдавила толпа, стоявшая неподвижно и внимавшая жрецу, чей ярко-красный силуэт появился на верхушке самой высокой башни Саксайуамана. Голос жреца разносился по долине.

Раймонд узнал проповедника, говорившего у «камня мученичества», багряно-алого жреца из Каямарки; он узнал также, кем был этот жрец, так как вокруг шептались: «Это великий начальник *кипукамайоков*», то есть «стражей истории». А голос, раздававшийся с башни Саксайуамана, воспевал перед остановившимся кортежем славу былых времен. Он напомнил о том дне, когда «Чужестранец» после смерти Атагуальпы впервые пришел со своей дьявольской армией на эту равнину. Тогда, как и теперь, солнце заливало своими лучами императорский город, где столько алтарей были посвящены солнечному культу. Бесчисленные здания, от которых вскоре остались одни развалины, покрывали белыми линиями стен центр долины и нижние склоны гор. Громадная толпа инков вышла навстречу новому повелителю, пораженная ужасом отвратительного святотатства, преступления, не остановившегося перед божеством на земле. И со страхом взирали они на этих солдат, чьи подвиги уже стали известны в самых отдаленных краях империи. С изумлением рассматривали инки их блестящее вооружение, их лица, белизна которых словно говорила о принадлежности этих солдат к числу истинных детей Солнца. С мистическим ужасом внимали инки протяжным зву-

кам трубы, разносившимся по улицам столицы, и тяжелому топоту лошадей¹. И в конце концов, инки начали с недоумением спрашивать себя, кто же в действительности является обманщиком, ибо вождь чужестранцев вел за собой Манко, потомка царей, и действовал от его имени, и повелевал его именем! И когда солнце скрылось в тот день за Кордильерами, могло показаться, что империя инков перестала существовать!

— Но это не так! — с новой силой произнес жрец. — Это не так, потому что Солнце все еще озаряет своих детей, Анды-кормилицы устремляют свои вершины в небеса, Куско, центр мира, по-прежнему содрогается при звуке голоса своих жрецов, в священной долине все еще возвышаются Саксайуаман и Интихуатака, а у подножия священных стен шествует, как прежде, corteж Интерайми.

Крик, прозвучавший с неба

После этих слов процессия возобновила свое шествие; и не будь присутствия солдат-кечуа, вносивших нотку анахронизма, поистине можно было бы подумать, что в долине Куско ничто не изменилось за четыреста с лишним лет.

Раймонд, наконец, обрел свободу движений, но повсюду встречал такие толпы, что потерял всякую надежду пробиться к Марии-Терезе, как вдруг снова заметил мрачного старика, который утром провел его к «холму танцующей обезьяны».

— Что ты ищешь? Место, откуда все можно увидеть? — спросил Орельяна. — Пойдем со мной, и я покажу тебе мою дочь... Я знаю Куско лучше инков. Пойдем!.. пойдем!...

---

¹ Писарро вошел в Куско 15-го ноября 1533 года. Испанцев было не более пятисот против всей этой громадной народной массы (*Прим. авт.*).

И Раймонд опять подчинился безумцу. До сих пор он не имел причин жаловаться на услуги несчастного старика, который оказался превосходным проводником, а так как оба они преследовали одну цель — подобраться как можно ближе к Марии-Терезе — молодой человек всецело положился на Орельяну.

Старик провел его в город по берегу высохшего русла Гуатанаи, через которое до сих пор перекинута старые мосты, построенные конкистадорами. Раймонд и его спутник постарались как можно скорее удалиться от толпы, выбирая для этого обходные пути. Так им пришлось обойти вокруг исполинской стены Хатун Румийок («сделанной из большого камня»), не уступающей массивностью и прочностью постройки ни одному из подобных сооружений в мире; затем они миновали Колькампату — по преданию, дворец самого Манко Капака, первого царя инков и основателя Куско; оттуда направились к *plaza principal*e, носившей когда-то у инков имя Уакапата и поныне называемой так кечуа. Чтобы пройти туда, Орельяна провел Раймонда через дворец «дев Солнца» (*Acclahuasi*), где девицы царского дома с восьмилетнего возраста находились на попечении мамаконас, буквально «матерей-наставниц». Там полторы тысячи молодых девушек, хотя и «девственниц Солнца», посвященных его культу, обручались с царем инков, причем наиболее красивых из них, по достижении брачного возраста, отводили в царский сераль. Орельяна, с привычными жестами профессионального гида, показывал эти стены, покои и дворы и давал свои объяснения — ведь в этом и состояло ремесло, которое доставляло ему средства к существованию. Раймонд с гневом подталкивал старика вперед, но тот не обращал на это внимания и говорил:

— У нас достаточно времени. Обещаю, ты подойдешь к моей дочери так близко, что сможешь поговорить с нею. Подожди немного и вслушайся в голос минувших времен. Я никогда не видал настолько нелюбопытного посетителя, как ты. Знай, в этом древнем монастыре «дев Солнца» по-

прежнему обитают добродетель и благочестие. Христиане превратили его в монастырь святой Капитолины.

Раймонд, услышав шум приближавшегося кортежа, кинулся бежать, но старик бросился вслед за ним, крича:

— Заплати мне, по крайней мере, заплати! Отдай мне, что следует!...

Раймонд бросил ему горсть монет, и старик подобрал их. Вне себя от досады, что потерял столько времени, выслушивая болтовню безумца, Раймонд спустился к главной площади и снова очутился в последних рядах толпы индейцев, шедших за священным кортежем. Поэтому он был очень рад вновь увидеть Орельяну, который потянул его за полу пончо.

— Ты далеко забрался, — сказал старик, — но лучше делаешь, если останешься со мной. Мне известен один из малых «путей ночи». По нему мы пройдем к Солнцу, на самый высокий камень древнего храма, воздвигнутого в честь пажа Солнца. Они называют его Хаска — молодой человек с волосами в длинных локонах.

И Орельяна, властно схватив Раймонда за руку, заставил его спуститься в какой-то погреб, где они нашли лестницу. Взобравшись по ней, они очутились под открытым небом на самой высокой точке центральной площади. Отсюда, действительно, был прекрасно виден кортеж. Все улицы города разбегались радиусами от главной площади, и со всех сторон на площадь сходились толпы людей.

Раймонд и Орельяна находились на самом высоком камне одного из трех храмов, некогда окружавших Храм Солнца; эти храмы были посвящены Луне и «небесным воинствам», то есть звездам, радуге, молнии, грому... развалины их еще сохранились, но были заняты лавочками, мастерскими, конюшнями.

Наклонившись так, что он непременно свалился бы, не удержи его сумасшедший, который проявил большее благоразумие, — Раймонд жадно смотрел во все стороны... но золотой трон, на котором сидела рядом с мумией царя Мария-Тереза, сама похожая на мумию, еще не показывался. Кортеж в прежнем порядке начал обходить площадь. Вне-

запно прислужники бросились оттеснять толпу, и люди с ужасными воплями и криками пали ниц. Появились золотые носилки, и по прошествии стольких веков царь Уайна Капак впервые снова увидел центр мира, чьим повелителем некогда был — священную площадь Уакапату и высившийся перед Храмом Солнца столб равноденствия. Глубокое религиозное чувство, пробужденное царственной тенью и вновь ожившими великими воспоминаниями, заставило всех упасть на колени; индейцы забыли в ту минуту свою ненависть к чужеземке, к недвижной Койе, и к маленькому чужаку у нее на руках.

Носилки остановились в центре площади. И тогда бесчисленная толпа поднялась на ноги с веселыми криками, ибо все кацики и вожди, все аристократы и *амоутас*, или мудрецы, взявшись за руки, начали танцевать вокруг носилок «танец цепи», который в давно минувшие времена танцевали их предки. В те дни каждый танцующий держал в руках звено золотой цепи. Но ныне цепи нет: как известно, аристократы Куско, получив известие о смерти Атагуальпы, велели бросить эту цепь в самое глубокое место озера Титикака, чтобы она не досталась победителю после того, как перестала служить побежденному¹.

Священный танец золотой цепи ритмически развертывал свои звенья, но неожиданное происшествие вдруг нарушило царившую до сих пор гармонию. Откуда-то с высоты, словно с неба, послышался крик, страшный призыв:

— *Recuerda! Помни!*

Это испанское слово, послужившее сигналом к попытке похищения Марии-Терезы из Дома Змея, заставило вздрогнуть Койю, казавшуюся столь же безжизненной на своем троне, как и сидевший рядом с нею царь-мертвец. Ребенок у нее на руках поднял голову, и они, оглядываясь по сторонам, стали искать глазами место, откуда долетело до них слово надежды.

---

¹ Как уверяют историки, эта цепь была так велика, что ей можно было опоясать стены Куско (*Прим. авт.*).

— О, Боже мой! — пробормотала дрожащими губами Мария-Тереза. — Не кажется ли тебе, Кристобаль, что это голос Раймонда?

— Да, да! — отвечал ребенок, — я узнал его! Это Раймонд! Он идет, чтобы спасти нас!..

Где же Раймонд? Где он скрывается? Голос слышался сверху. Мария-Тереза и маленький Кристобаль окидывали взглядами каменные ступени, на которых стояли бесчисленные толпы индейцев. Но как узнать Раймонда в этой массе людей? Как его увидеть? Как узнать, откуда явится спасение?.. А на спасение они снова начали надеяться, услышав голос Раймонда. Но, глядя на окружавшую их толпу, они не видели его...

И снова над их головами прозвучало то же слово — так громко, что разнеслось по всей площади и соседним улицам:

— *Recuerda!*

Порядок празднества был нарушен, танец приостановился. Все лица обратились к небу, и гневный ропот пробежал по толпе, чьи мечты о возрождении и свободе, казалось, были разбиты одним испанским словом. Почему «*recuerda*»?! Помни! О чем должна помнить эта толпа? Что она пребывает в рабстве? Что это ликование, будто оживившее давно прошедшие времена, продлится не более дня? Что завтрашнее солнце, забыв о солнце сегодняшнем, снова осветит ее рабство?

И все увидели, как Мария-Тереза с маленьким чужеземцем на руках поднялась на своем золотом троне, как она точно ожила при этом крике, внесшем смятение в священные игры. И, бросив взгляды еще выше, заметили наконец на верхушке самой высокой глыбы силуэт человеческой фигуры, склонившейся вперед и простирившей руки к Койе с криком:

— Мария-Тереза! Мария-Тереза!..

А Коя в свою очередь воскликнула: «Раймонд!» Тогда все поняли, что там, наверху, есть кто-то, кто не принадлежит к их расе и явился сюда, чтобы забрать и унести с собой душу Койи.

В лабиринте «путей ночи»

Индейцам хотелось умертвить эту Койю прямо на месте. Ведь свершилось святотатство! Разве она не принадлежала богам? Но и кричавший заслуживал смерти, и громадное множество людей бросилось вдоль стен, через развалины храмов, по каменным ступеням по направлению к дерзкому чужеземцу, лже-индейцу. В то же время «бодрствующие над жертвой» и амоутас поспешно уносили золотые носилки с царем-мертвецом и царицей, а тысячи людей сотрясали воздух криками: «*Muega la Coya! Muega la Coya!*» Мария-Тереза закрыла глаза, унося с собой в смерть воспоминание о воздушном поцелуе Раймонда, который этим поцелуем, быть может, сам обрекал себя на смерть.

— Ты с ума сошел! — воскликнул безумный Орельяна, обращаясь к Раймонду.

Но когда старик увидел, что Койя ответила на призыв Раймонда и, приподнявшись на троне, повернулась к ним, он в изумлении проговорил:

— Ты знаешь мою дочь!

Разъяренная толпа едва не добралась до них, но наконец старику удалось вывести Раймонда из странного оцепенения, охватившего молодого человека после обмена воздушным поцелуем с Коей.

Они спустились вниз через то же узкое отверстие, откуда вышли на поверхность земли, и Орельяна увлек за собой Раймонда в темный проход, известный только ему одному. Они долго шли в почти полной темноте; лишь кое-где сквозь щели между камнями пробивались полоски света. Время от времени старик сообщал, что они проходят под таким-то храмом или таким-то дворцом. Когда он сказал, что они находятся под Домом Змея, Раймонд остановил своего провожатого:

— Может, они привели сюда Невесту Солнца?

— Нет, нет! Теперь уж все кончено, поверь мне. Невеста Солнца отправилась в Храм Смерти.

— А мы? Куда мы идем? Куда ты меня ведешь?

— В Храм Смерти!

Раймонд последовал за стариком, больше ни о чем не спрашивая. Но он очень удивился, когда они вышли из подземелья и очутились в открытом поле.

— Где же Храм Смерти? — спросил Раймонд.

— Храм Смерти, — ответил старик, — находится на острове Титикака! Не беспокойся! Мы доберемся туда раньше их. Имей терпение!..

В одной из придорожных *tambos* (гостиниц) Раймонд и Орельяна наняли лошадей, на которых и добрались до Сикуани; там они сели на железнодорожный поезд и направились в Пуно, на берег озера. На протяжении всего пути Орельяна не переставал болтать, сообщая Раймонду подробности о местах, через которые они проезжали, и церемонии, что им предстояло увидеть, — церемонии, «на которой никогда еще не присутствовал ни один чужестранец». Но он, Орельяна, разумеется, не станет ни у кого спрашивать позволения — раз его дочь выдают замуж за Солнце, отец, по крайней мере, имеет право присутствовать на свадьбе. Тем более, что он уже все приготовил! Ах! он затратил немало времени, чтобы найти Храм Смерти, потому что этот храм был хорошо скрыт; но если несколько лет терпеливо и настойчиво к чему-нибудь стремиться и очень этого хотеть, можно достичь всего! Он изучил все высохшие подземные русла, все заброшенные золотоносные рудники, и мог пройти по ним с завязанными глазами! Ах! Сколько под землей богатств, превосходящих все богатства мира! Должны же были инки где-то доставать все свое золото!... И его осталось еще достаточно! Достаточно для всякого, кто захочет его взять!... Когда какой-нибудь образованный инженер захочет заняться этим делом (здесь наш молодой инженер, и думать забывший о своем знаменитом сифоне, горько улыбнулся), ему нужно будет только наклониться... Но он, Орельяна, всегда смеялся над всеми богатствами мира и ничего на свете не любил, кроме своей дочери, своей Марии-Кристины, которую индейцы отвели в Храм Смерти. И он интересовался только Храмом Смерти, собираясь забрать оттуда дочь, когда в следующий раз состоится подобная це-

ремония. Он ждал много лет. Теперь все готово. Говоря по секрету, он будет очень счастлив обнять Марию-Крестину впервые после десяти лет разлуки!.. Так болтал старик, и Раймонд, безусловно, находил эту болтовню весьма ценной для себя.

— А как они переправляются из Куско в Храм Смерти? — спросил он Орельяну.

— Не думай об этом. *Путями ночи!* Через подземные проходы в горах! подземные проходы под озером! Кстати, ты умеешь удить рыбу?

Раймонд не успел ответить на этот вопрос, так как начальник поезда пригласил их посмотреть, как в багажном вагоне будут танцевать *самакуэну*. Все пассажиры уже отправились туда, и путникам, чтобы не бросаться в глаза, пришлось принять любезное приглашение. В багажном вагоне они увидели целую компанию туземцев, которые танцевали, пели, играли на гитарах и порядочно выпивали. На каждой остановке начальник поезда в знак радости по случаю побед Гарсии выпускал несколько ракет, и отголоски их взрывов весело разносились по горам. Затем несколько находившихся в поезде солдат-кечуа решили позабавиться охотой. На перевале они заметили многочисленные стада викуний. Животные паслись совершенно спокойно. С площадки вагона солдаты прицеливались в ближайшее животное и стреляли. Викаунья падала. Машинист тотчас давал сигнал остановки и тормозил поезд, а начальник поезда самолично бежал за подстреленной жертвой. Раймонд потерял всякое терпение: ему хотелось сбросить машиниста с паровоза и самому повести поезд на всех парах. Но Орельяна его успокоил:

— Мы их опередим, вот увидишь! У нас будет еще время поудить рыбу... Уверяю тебя, это так! Я думаю, в нашем распоряжении еще целый день и целая ночь.

И Орельяна увлек за собой Раймонда, в то время как танцоры и танцовщицы свежевали викуний у печки, уставленной в багажном вагоне. Температура значительно понизилась — поезд проходил через область снегов и находился на высоте более 14 тысяч футов, то есть приблизи-

тельно на высоте вершины Монблана. Раймонд начал испытывать приступы горной болезни, именуемой в этих местах *сороче*: у него пошла кровь из носа и ушей, и он впал в состояние, близкое к обморочному и заставившее его забыть все душевные муки. Он оправился лишь по приезде в Пуно, городок, расположенный на берегу озера. Здесь Раймонд с гневной настойчивостью потребовал от Орельяны, чтобы тот немедленно отвел его к Храму Смерти.

— Мы туда и идем! — ответил странный старик. Но сперва он повел Раймонда на большую площадь, где в несколько рядов сидели на корточках около сотни молодых индианок, очень красивых, в юбках темного цвета, с низко вырезанными корсажами, как требует туземная мода. Они продавали плоды и овощи, ставшие вялыми от холода.

— Обыкновенно их бывает более двухсот, — заметил Орельяна, — но красные пончо отобрали сотню самых красивых для церемонии... Это делается каждые десять лет!

И он купил у девушек припасов на деньги Раймонда, не забыв и фляжку писко. Затем они направились к безбрежным болотам, с которых при их появления поднялись тучи птиц. Пройдя через небольшой лесок, откуда выбежали несколько лам и альпак, они очутились в довольно мрачной местности на берегу озера. Горное озеро Титикака, считая от уровня океана, расположено выше всех озер мира. Его воды в этот вечер казались темными, тяжелыми и мертвыми.

Но вдали уже шумела гроза, и скоро вся природа начала оживать. Молнии с бешеной яростью сверкали одна за другой. Поднялась настоящая буря. Волны ожесточенно бились о берег, и вершины окрестных гор озарялись небесными огнями. Дождь лил потоками.

— Все это очень хорошо, — заявил Орельяна. — Завтра будет хорошая погода, а куда мы поужинаем.

Он отвел Раймонда под прикрытия громадного монолита, высеченного в форме ворот. В одной из ниш, выдолбленных там, ему удалось развести огонь при помощи *такии* — высушенного помета ламы, горящего, как трут. Усевшись у костра, путники немного закусили и согрелись нес-

колькими глотками писко. Раймонд почувствовал, что его голова все больше тяжелеет, закрыл глаза и проснулся лишь на рассвете. Старик, с отеческой заботливостью завернувший его в свои одеяла, уже бодрствовал.

— С тех пор, как я начал разыскивать дочь, — сказал Орельяна, — это убежище всегда приносило мне удачу. Но я не знаю, кого благодарить. Здешний бог совершенно непонятен...

И он указал Раймонду на барельеф, покрывавший камень. Этот барельеф представлял человеческое существо с головой, украшенной аллегорическими лучами; в обеих руках божество держало по скипетру. Вокруг симметрично располагались фигуры — некоторые с человеческими лицами, другие с головами кондоров. Все они также держали скипетры и были обращены лицами или клювами к центру.

— Да, — задумчиво проговорил Орельяна, — это совсем не похоже на то, что делали инки. Работа гораздо более скульптурная, но вместе с тем относится к значительно более древним эпохам. Очевидно, на этих берегах существовали цивилизации задолго до инков, которые по сравнению со своими предшественниками — простые дикари, крадущие молодых девушек. Но пойдем к моей лодке и отправимся навстречу восходящему солнцу.

И действительно, Раймонд увидел в маленькой, почти скрытой высокой травой бухте пирогу из тростника. Орельяна укрепил на ней мачту и натянул парус, сделанный из циновки и тотчас же надувшийся под дыханием попутного ветра.

— Поедем удить рыбу! — пригласил старик. — Это по пути к Храму Смерти.

Раймонд сел в лодочку, и они направились к островам, которые показались лишь к вечеру. Эти священные острова производят впечатление угрожающих теней, плавающих над водами, и Раймонду они показались призрачными стражами, охраняющими Храм Смерти...

В этот вечер Орельяна не приставал к берегу. Он оставил лодку на месте, бросив в воду, вместо якоря, большой

камень, привязанный к лодке на веревке; потом он спустил парус и сунул в руки Раймонда удочку. Раймонд недоумевал, но старик, успевший все продумать, объяснил:

— К островам приезжают, чтобы ловить рыбу, так как здесь рыбная ловля благословенна богом и обычно бывает успешней, чем где бы то ни было. Разве ты не можешь поступать, как все?

И он указал Раймонду на огни, горевшие на кормах маленьких барок, и на недвижные фигуры индейцев, удивших рыбу с этих барок.

— Вот, — сказал старик, — делай то же, что они, или ложись спать и не беспокойся ни о чем. Завтра тебя ждет приятное утро!

Он разбудил Раймонда на другой день, незадолго до восхода солнца. Последние звезды угасали на тропическом небе в ожидании явления царственного светила. На водной глади озера не видно было ни одного огонька, ни одной барки. Царила полная тишина, не нарушаемая даже слабым ветерком. Внезапно на востоке загорелись вершины гор, колоссальное зарево вспыхнуло за Кордильерами и в кроваво-красных солнечных лучах выступили из темной дали розоватые контуры священных островов.

Скользя по воде на своих хрупких пирогах мимо главного из этих островов, острова Титикака, индейцы никогда не забывают пасть ниц и пропеть на языке аймара гимн предков, посвященный богу дня — ведь именно с этого острова бесчисленное множество лет назад вышли родоначальники инков, Манко Капак и его жена Мама-Оккло. Они, брат и сестра, дети Солнца, вышли из озера Титикака, дабы основать Куско и положить начало своей священной империи.

Издали, с озера, на берегу острова Титикака видны громадные развалины или скопления колоссальных камней, необъяснимым образом установленных один на другой. Наука до сих пор не сумела определить время возникновения этих сооружений — бывших дворцов, бань и храмов инков.

Глядя на остров с пироги, Раймонд издал возглас изумления. Он был глубоко поражен. Не во сне ли он видит все

это? Быть может, перед ним галлюцинация, вызванная мучительными тревогами и потрясениями этой ужасной недели? И впрямь ли он видит эту картину, которую глаза индейцев с восторгом созерцали много веков тому, на заре цивилизации? И по мере того, как исчезали тени ночи и к обрисовывались очертания острова, возвышавшегося над водами, — в лучах восходящего солнца выступали не только мертвые камни, не одни полуразрушенные храмы и покинутые дворцы. На этих развалинах, на этих циклопических камнях неподвижно стояли толпы людей и молча глядели на восток, охваченный пламенем восходящего солнца.

Именно эта неподвижность и это молчание заставляли думать, что все происходит во сне. Тысячи людей, казалось, затаили дыхание в ожидании какого-то таинственного и священного события.

КНИГА ШЕСТАЯ

ХРАМ СМЕРТИ

Солнечный диск еще прячется за Андами, но все уже возвещает его победоносное появление. Склоны гор украшаются тысячами сверкающих самоцветных камней; в кристальных водах горных ручьев зажигаются огни. Озеро, как розовый лед, отражает сказочные громады дворцов и храмов. Девушки с религиозными эмблемами и самыми красивыми цветами этого времени года, как в былые времена, толпятся под портиками. На вершинах башен, позолоченных зарей, жрецы ждут минуты, когда узрят лик своего божества.

Внезапно оно появляется... Поднимается на небо... Заливает золотистыми лучами свою империю — и громогласный крик приветствует его: «Привет тебе, Солнце, царь небес, отец людей!» Земля вздрагивает, волнение пробегает по глади вод, воздух так сотрясается от крика, что парящие в вышине птицы падают на землю¹. «Приветствуем тебя, Солнце, отец инков!» Тысячи рук простираются к сверкающему светилу и тысячи людей поют ему славу: «Узнаешь ли ты своих детей? Всегда ли сопровождают тебя сонмы душ воинов, умерших за отечество?» Радостные крики смешиваются с пением торжественных гимнов и варварской, дикой музыкой. И весь этот ужасный шум возрастает по мере того, как сверкающий диск светила поднимается и заливает огненными лучами своих приверженцев. «О, Солнце! Взгляни на свою империю! После стольких веков взгляни на людей, живущих на этих полях и горах! Ты видишь, что все лица обращены к тебе и все уста воспевают славу твою. Теперь, как и прежде, дети твои опьяняются твоими лучами!...»

---

¹ Крики были так громки, говорит Сармиента, что иногда оглушенные ими птицы падали на землю (*Прим. авт.*).

Девушки поднимают позолоченные руки и совершают жертвенные возлияния; жрицы становятся во главе отдельных групп и снова начинают петь религиозные гимны. Но как странно — звуки гимнов, только что летевшие в высь, теперь как будто уходят в землю...

Раймонд протирает глаза, как ребенок со сна... Куда подевалась вся эта многотысячная толпа, которая только что пела хвалу солнцу? Сейчас, когда светило поднялось высоко все вещи принимают свои обычные формы, Раймонд видит лишь то, что действительно находится перед ним: пустынные, молчаливые развалины дворцов и храмов! Но Орельяна быстро гонит свою пирогу и пристает к берегу. По знаку старика они выходят из лодки. И, подойдя к прибрежным скалам, Орельяна останавливается и прислушивается; его примеру следует и Раймонд.

Из-под земли доносятся глухие песнопения.

— Теперь пойдем! — говорит старик. — Они спустились к Храму Смерти, но мы опередим их...

Смотрите, вот Храм Смерти!

Они входят в какой-то грот. Раймонд чувствует, что сила воли его на исходе. Мария-Тереза погибла! Воздушный поцелуй, который он ей послал, был их предсмертным поцелуем. Молодой инженер не намерен пережить любимую им девушку. Убедившись в ее смерти, он тотчас же покончит с собой. Как хотел бы он умереть рядом с ней, на ее могиле, как обыкновенно делают влюбленные. Ему сказали, что она должна умереть в Храме Смерти, и вот он следует за этим стариком, чью дочь некогда убили в том же храме. В течение десяти лет отец несчастной разыскивал Храм Смерти и теперь утверждает, что нашел его.

Грот оказался очень глубоким. Сделав несколько шагов по песку, усеянному раковинами, старик зажег пропитанную смолой ветку. Пламя освещает вход в узкий подземный коридор, *путь ночи*. Но прежде, чем туда войти, Оре-

льяна достает из какого-утлубления предмет, который привлекает к себе внимание Раймонда.

— Что это такое?

— Это... кирка.

— На что тебе кирка, старик?

— Я хочу спасти дочь! — отвечает Орельяна. — Ты увидишь! Увидишь... На этот раз я не позволю разбойникам задушить ее, как десять лет назад. Понимаешь, они замуруют ее заживо. А нам останется только выждать, пока они не уйдут, и освободить ее!.. Понимаешь?.. Понимаешь, это очень просто!.. Когда я нашел Храм Смерти и увидел в стене все эти ниши, где замурованы невесты Солнца, я воскликнул: «А ведь было бы вовсе не трудно освободить их, если только, конечно, повезет присутствовать на церемонии». Но тогда было уже слишком поздно! И потом, я точно не знал, где она... справа, слева или прямо впереди... Но теперь... мы увидим, мы все хорошо разглядим!.. Идем!

Слушая Орельяну, Раймонд весь дрожал: неужели все так просто и Марию-Терезу получится спасти?.. Сумасшедшие, хоть и пребывают во власти безумных идей, в некоторых отношениях рассуждают и действуют более разумно, чем люди, находящиеся в здравом рассудке!.. И Раймонд последовал за стариком в подземный ход. Факел в дрожащей руке Орельяны бросал на стены тусклый свет. Раймонд нес кирку. Слышались только их шаги по каменистому грунту. Земля, в чьи глубины они погружались, заглушила пение инков...

Подземный ход был прорыт в скале и заканчивался анфиладой небольших квадратных пещер, где помещались гробницы жрецов и высших сановников; так же устроены и египетские пирамиды и пещеры. В последней из этих пещер Орельяна потушил факел и опустился на колени. Действительно, далее шел узкий проход, где невозможно было выпрямиться во весь рост и можно было только ползти. Но вскоре они смогли подняться на ноги; они находились теперь в каменной нише, где было чуть светлее, чем в проходе. Орельяна остановил Раймонда и произнес:

— Это здесь!..

Глаза молодого человека уже успели освоиться с окружающим полумраком. Но он не понимал, откуда падал слабый рассеянный свет, благодаря которому он мог различать стены, их выступы и колонны. Они очутились на каменном уступе, возвышавшемся на несколько футов над полом обширной пещеры. Стены пещеры терялись в темноте.

— Храм Смерти! — пробормотал Орельяна. — Слушай!.. Храм Смерти!..

И впрямь, издали глухо доносились звуки пения. Казалось, звуки эти производились ритмическими колебаниями земли. И вдруг Раймонда и Орельяну ослепил яркий свет... Они инстинктивно отшатнулись. Над ними в центре потолка громадной залы сдвинулся с места камень, оставив достаточно широкое отверстие, сквозь которое врывались волны солнечного света. И этот свет озарил все, даже самые дальние уголки пещеры — и повсюду, на алтарях, плитах, ступенях и в нишах солнечные лучи заиграли несравненным блеском: внутренность таинственного храма была почти сплошь выложена золотыми пластинами, скрепленными друг с другом особым цементом, содержащим в своем составе жидкое золото¹.

Этот скрытый под землей храм был, таким образом, богатейшим хранилищем золота.

Колоссальная круглая пещера была украшена в восточной части помещенным на стене изображением божества. От человеческой фигуры в центре расходились во все стороны бесчисленные лучи света — так у нас иногда изображают солнце. Эта фигура была выгравирована на массивной

---

¹ Сьеса де Леон в своей хронике (гл. XCIV) упоминает о цементе, в состав которого входило жидкое золото; он употреблялся у инков для украшения храмов и царских дворцов. Именно этой роскошью и расточительностью отделки архитектурных сооружений инков объясняется, конечно, страсть к разрушению, овладевшая конкистадорами, жаждавшими добычи (*Прим. авт.*).

золотой плите громадных размеров, украшенной множеством изумрудов и других драгоценных камней.

Лучи восходящего солнца падали прямо на плиту и освещали весь храм блеском, который казался сверхъестественным и отражался в свою очередь от золотых украшений, вделанных повсюду в стены и своды. Золото на образном языке туземцев представляло собой «слезы, пролитые Солнцем», — вот почему весь храм сверкал полированными пластинами и головками гвоздей, сделанными из того же драгоценного металла.

Карнизы, опоясывавшие стены святилища, были также изготовлены из золота, а по стенам пещеры тянулись золотые барельефы.

С того места, где находились Раймонд и Орельяна, были видны несколько часовен, симметрично расположенных вокруг большой часовни в центре. Одна из них была посвящена Луне, матери инков — божеству, занимавшему второе место в пантеоне богов. Ее изображение, подобно изображению Солнца, помещалось на огромной плите, но эта плита была из серебра, что соответствовало бледному, серебристому свету Луны. Вторая часовня была посвящена небесному воинству, то есть звездам, третья — грому и молнии, четвертая радуге и так далее, и во всех этих часовнях все, что не было сделано из серебра, было изготовлено из золота, из золота, из золота.

Храм Смерти сохранил в себе почти все черты древнего Храма Солнца в Куско; безусловно, он сохранялся на протяжении столетий во всем своем великолепии лишь благодаря защищавшим его горам и озеру. Да и жрецы хранили его существование в глубокой тайне — даже многие индейцы, чьи молитвы и благочестие отданы церемониям новой религии наравне с обрядами предков, лишь слыхали о храме, но никогда его не видели. «Пути ночи» хорошо охраняются, и толпу сюда никогда не пускали; в храме бывали лишь высшие сановники и жертвы, которые по лицемерии фигуры Смерти уже никогда не покидали подземелье. Только исключительное стечение обстоятельств и познания старика позволили Раймонду и Орельяне проник-

нуть сюда по узкому и темному коридору, забытому в течение веков.

Глаза Раймонда понемногу привыкли к блеску, как раньше к темноте, и теперь он мог рассмотреть все детали убранства храма. Его внимание привлёк центральный алтарь. К алтарю вели несколько ступеней. На алтаре стояли золотые чаши, наполненные маисовыми зёрнами, сосуд для благовоний, вазы, предназначенные для сбора жертвенной крови, и золотое блюдо с лежащим на нем большим золотым ножом.

Бог, сидящий в сиянии своем

Взгляд Раймонда опускается, и он замечает, что по плитам между часовнями, пригибаясь к полу, скользят от алтаря к алтарю, от часовни к часовни три гнома, три стража храма с отвратительными гнилыми черепами, занятые приготовлениями к предстоящей религиозной церемонии. Череп блином, которому мамаконас, изменив нормальную форму человеческого черепа, с раннего возраста привили особенную любовь к крови, поторапливает двух других карликов и время от времени вскакивает на ступени центрального алтаря, склоняется над золотым блюдом и рассматривает нож. За жертвенником и над ним возвышается нечто вроде золотой пирамиды с золотым тронem на вершине. «Трон царя», — шепчет Орельяна. С обеих сторон жертвенника и перед ним стоят три другие пирамиды с плоскими верхушками, также довольно высокие. И кажется, что это единственные предметы в храме, изготовленные не из золота. Эти пирамиды — деревянные.

— Три костра, — шепчет Орельяна.

— Три костра?.. Разве ее сожгут? — спрашивает Раймонд задыхающимся голосом.

— Нет! нет! она будет замурована заживо! Она ведь невеста Солнца! Кто тебе сказал, что невесту Солнца сжигают?! Такое никогда не делается! Ты, значит, не спраши-

вал об этом даже ни единого младенца-аймара! Всякий ребенок-аймара это знает! Маленькие дети не допускаются в Храм Смерти, если только они не должны там умереть, но весь народ аймара и даже маленькие дети знают, что здесь происходит. Поэтому молчи и смотри! Так будет лучше... Сжечь невесту Солнца! Да это неслыханно!.. Сжечь мою дочь!.. И ты думаешь, что я допустил бы подобный ужас? За кого ты меня принимаешь? И зачем бы я принес сюда кирку, я тебя спрашиваю?.. Ага, ты ничего не отвечаешь! И правильно делаешь! Оглянись вокруг и осмотри стены храма. Между золотыми плитами ты заметишь плиты цвета красного граната. Это порфир, которым закрывают ниши невест Солнца, замурованных заживо! Сосчитай все эти плиты порфира, сосчитай их все — и ты насчитаешь их сотню. Сто — ни одной больше, ни одной меньше! С тех пор, как я открыл *пути ночи*, как я проснулся в гроте на берегу озера, я часто приходил сюда один, совершенно один, — продолжает, вздыхая, несчастный безумец. — И я говорю тебе, что их ровно сто! Знай я, в какой из этих каменных могил заживо замуровали мою дочь, я давно освободил бы ее, можешь быть уверен! Но как это узнать? Невозможно! Все могилы похожи одна на другую, все порфировые плиты совершенно одинаковы... Они не подумали только о том, что я приду сюда с киркой! На этот раз я хорошо запомню нишу, куда они поместят мою дочь. И когда они разойдутся, я сейчас же ее освобожу!

— Она может задохнуться и умереть раньше, чем ты ее освободишь! — возражает Раймонд. Он и сам задыхается, но в своей ужасной агонии пытается найти в словах старика хотя бы проблеск надежды.

— Нет! нет! Она не успеет задохнуться! Ниша просторна, как большой шкаф. В ней можно сидеть. У инков, в отличие от нас, покойники в могилах сидят... Она сможет свободно дышать по меньшей мере в течение часа, быть может, двух часов. А я освобожу ее, думаю, за десять минут!

Раймонд теперь не открывал глаз от этих порфировых плит, за которыми покоились останки невест Солнца. Само устройство могил не могло удивить его, так как на клад-

бищах перуанцев он уже видел подобные стены, заполненные мертвецами. И в настоящее время туземцы замуровываются таким же образом, но будучи, разумеется — насколько в этом можно удостовериться — мертвыми, а не живыми. Плиты, закрывающие их могилы, расположены в строгом порядке, как книги в ухоженной библиотеке.

— Но если их сотня в этих ста могилах, — заметил Раймонд, — то ни для кого больше не остается места! Эти костры приводят меня в ужас! Уверен ли ты, что ее не сожгут?..

— Да, да! Говорят тебе, что я в этом уверен! — раздраженно ответил старик. — Будь спокоен! Костры предназначены для двух мамаконас, которые должны умереть, чтобы прислуживать невесте в волшебных обителях Солнца.

— Но здесь три костра, а не два, — проговорил Раймонд, чувствуя, что он начинает сходить с ума.

— Совершенно верно. Третий костер, находящийся перед жертвенником, предназначен для самой старой невесты Солнца. Ее извлекут из могилы, чтобы поместить мою дочь на ее место. И эту-то древнюю невесту, конечно, сожгут! Что еще, по-твоему, они должны с ней сделать?

— Значит, невест Солнца все-таки сжигают! — воскликнул Раймонд. Мысль о том, что Марию-Терезу могут сжечь, приводила его в исступление.

— Я уже тебе сказал, — прошипел старик, на сей раз окончательно рассердившись, — что существует сто невест Солнца, и каждые десять лет Солнцу предлагают новую... Умеешь ты считать или нет? Следовательно, самая старая, которую у Солнца забирают, чтобы заменить новой — самая старая насчитывает уже тысячу лет!.. Можно, черт побери, сжечь тысячелетнюю супругу, как ты полагаешь?.. Солнцу она давно, по всей вероятности, успела надоесть за все эти века!... Это доказывается хотя бы тем, что Солнце *само ее сжигает!*.. Да, да, Солнце само зажигает все три костра! Никто другой не позволил бы себе это сделать. Это делает само Солнце! Ты увидишь!.. Слушай, слушай! Вот они!.. вот они!..

Песнопения звучали все ближе, и вскоре появились жрецы.

Это были представители знатнейших фамилий инков, о чем говорили крупные серьги и золотые подвески, какие имели право носить лишь потомки царя. Они были одеты в красные туники без рукавов, и каждый из них нес хоругвь с вышитой на ней радугой; цвета этих радуг соответствовали геральдическим цветам каждого аристократического дома. За ними шла группа молодых девушек с коронами из цветов на головах, помахивавших цветочными гирляндами. Это были дочери знатных семейств, которым предстояло поступить в монастыри дев Солнца; затем некоторых приносили в жертву богу, а какую-либо из них могли избрать невестой Солнца. За ними следовали их братья, достигшие совершеннолетия: группа знатных юношей, одетых в белые рубахи с нашитыми на них крестами, обычную одежду будущих воинов. Затем шли *куракас*, то есть кацики или потомки кациков — вождей племен и народов, покоренных инками. Они были одеты в разноцветные туники, но без золотого шитья. Процессия достигла центральной части храма. Пение вдруг прекратилось и все повернулись к той двери, откуда вошли. Воцарилось странное молчание. Раймонд, чьи мучительные опасения с минуты на минуту возрастали, гадал о том, что должно произойти, и терялся в догадках. И вдруг ужасный, душераздирающий крик, крик ребенка, почувствовавшего на теле лезвие ножа, пронесся под сводами храма.

— Что это такое?! — спросил Раймонд, задыхаясь.

— Это нас не касается, — ответил Орельяна. — Это ребенок, которого они приносят в жертву при входе в храм в черной часовне Паче Камака, бога Чистого Духа.

— Презренные! — воскликнул Раймонд. Он был готов выскочить из своего укрытия и совершить какое-нибудь безумство, но Орельяна удержал его.

— Если хочешь спасти невесту Солнца, молчи и не двигайся!.. Если не чувствуешь в себе мужества, уходи!

Раймонд схватил руку старика и сжал ее изо всех сил.

— Мне больно! — пожаловался Орельяна. — Необходимо сохранять спокойствие, что бы ни происходило...

— Ах, несчастный мальчик!.. несчастный мальчик... — стонал Раймонд. — Они зарезали Кристобая!.. Пусть кончат с нами... я хотел бы поскорей умереть!..

— Стыдись, сын мой, стыдись, — успокаивал его Орельяна, сам сохранявший чрезвычайное спокойствие. — Люди с женскими нервами не входят в Храм Смерти!

Стояла полная тишина. Группы аристократов, куракас, девушек и юношей, повернувшись, в молчании продолжали свое шествие, обходя вокруг храма. После в храм вошли мудрецы-амоутас, воспитатели детей, и, наконец, красные пончо, окружившие алтарь, как священная гвардия. Ни те, ни другие, впрочем, не были вооружены. Затем проследовали высшие сановники царского дома, одетые в широкие и очень легкие туники самых ярких цветов. Каждый из этих сановников держал в руках эмблематическое изображение какого-либо зверя с открытой пастью, предназначенное для отпугивания злых духов, непрестанно угрожающих царскому дому.

Раймонд ожидал теперь появления Марии-Терезы, но вместо этого увидел большие носилки, на которых восседал человек, сперва показавшийся ему совершенно незнакомым. Его платье и сандалии, казалось, были целиком изготовлены из золота, в ушах висели громадные золотые кольца, доходившие до плеч. На голове у него был царский убор, напоминавший свернутый в складки тюрбан из тончайшей ткани разнообразных ярких цветов и украшенный двумя перьями коракенке. Человек этот, поддерживаемый двумя слугами, сошел с носилок и начал подниматься по ступеням на золотую пирамиду, тогда как все остальные опустили на колени и склонили головы. То был царь. Взойдя на вершину пирамиды, он произнес обычное приветствие на языке аймара:

— Диос анки тиурата!

Тогда все встали на ноги, а царь сел и застыл в неподвижной позе.

Раймонд мог теперь хорошо разглядеть его лицо и узнал этого человека. «Конторщик франко-бельгийского банка!», — изумленно прошептал он. Да, то был Овьедо Уайна

Рунту, царь инков!

Все присутствовавшие троекратно провозгласили на языке аймара:

— Бог восседает в сиянии своем!

И тотчас же слышались звуки флейты. Это были музыканты, игравшие на квенях и шествовавшие впереди религиозного кортежа. За ними шли четверо бодрствующих над жертвой, которые на сей раз могли бы высоко поднять головы — ведь им не к чему было скрывать лица. Далее следовал еще один человек в красном пончо, державший в руках пучок веревок различного цвета с завязанными на них узелками. Раймонд узнал в нем жреца-проповедника из Каямарки. Непосредственно за ним во главе группы служителей, под балдахином, который несли четверо куракас, шествовал Гуаскар в длинной шафранно-желтой тунике великого жреца. Все склоняли головы, когда мимо проходил Гуаскар — один лишь царь был выше его.

Раймонд видел трагическую фигуру Гуаскара, его мрачные, зловеющие глаза. Невольно он бросил взгляд на руки верховного жреца, словно стараясь разглядеть, не обгарены ли они жертвенной кровью! А когда Гуаскар проходил поблизости, у Раймонда на миг мелькнула мысль броситься на него и убить этого «великого жреца», как собаку, пристрелить его посреди кортежа жрецов и всех этих инков, как бешеное животное. Но в этот момент появились мамаконас. Раймонд поднял голову, отыскивая глазами Марию-Терезу. Сперва он ее не увидел; пришлось подождать, пока окружающие невесту Солнца мамаконас не прекратят своей игры с черными покрывалами. Но вот они перестали взмахивать покрывалами и отошли в сторону, пропустив вперед двух женщин, обреченных умереть; лица этих несчастных выражали искреннюю, почти детскую радость. Флейтисты оборвали музыку и среди всеобщего торжественного молчания появились вторые носилки, на которых словно сидели две золотые статуи. Это были умерший царь Уайна Капак и Мария-Тереза, восседавшие на двухместном золотом кресле. За ними шли, замыкая шествие, три карлика с отвратительными черепами мумий, три стража храма, кото-

рые прежде на некоторое время исчезли и теперь возвращались с Марией-Терезой — ведь только они и мамаконас имели право прикасаться к невесте Солнца. У Раймонда захватило дыхание. Он надеялся, что носилки пронесут близко от него, как прошел под балдахином Гуаскар, надеялся узнать, жива ли еще его невеста. Издали она казалась такой же мертвой, как сидевший рядом с ней мертвец. *И маленького Кристобаля у нее на руках уже не было!* Лицо ее, полускрытое золотыми украшениями, казалось совершенно мертвым, лоб и щеки отливали мертвенной белизной. Ее веки были опущены и оставались неподвижными, словно благочестивая рука кого-либо из близких родственников опустила их на дорогие, навсегда погасшие глаза.

Ах, если бы ее пронесли мимо, Раймонд, быть может, попытался бы вновь открыть эти глаза словом, прозвучавшим с неба!.. Но двухместное золотое кресло быстро поставили между жертвенником и тремя кострами.

Гуаскар сидел по правую руку от алтаря, начальник *кипукамайоков* — по левую. Мамаконас разместились на ступенях. Лишь две мамаконас, назначенные умереть и сменявшие черные покрывала на праздничные платья из ярких тканей и венки из цветов на головах, легли у ног Марии-Терезы.

Знать и куракас разместились у стен храма, юноши и девушки в центре. Три стража храма заперли двери. Народ, который никогда не присутствует при этих таинствах, продолжал молиться в бесчисленных подземных ходах, на путях ночи. Люди не знали выхода из этого подземного лабиринта и ждали жрецов — по окончании церемонии те выведут народ на свет божий.

Клятва детей солнца

Гуаскар поднялся с места и следующими словами дал сигнал к началу церемонии:

— В начале был Паче Камак, Чистый Дух, царивший во мраке. Затем пришел сын его, Солнце, затем — дочь его, Луна, и Паче Камак даровал им небесное воинство звезд. У Солнца и Луны родились дети: сперва *pirhuas*, цари-первосвященники, после *amautas*, первосвященники-цари, затем инки, цари царей, избранные властвовать над родом человеческим.

Все собравшиеся повторили слова Гуаскара, как молитву. После этого молодые люди поднесли Гуаскару живую ламу. Гуаскар велел положить ее на золотую плиту жертвенника и приказал стражу храма, ведавшему золотыми ножами, вскрыть брюхо ламы. Осмотрев ее внутренности, Гуаскар заявил царю, что боги благосклонны к церемонии. Тогда царь предоставил слово главе *кипукамайоков*, и последний в нескольких пропетых им строфах изложил важнейшие эпизоды земной истории инков. Остальные отвечали ему монотонным пением других строф. Пока длилось пение, начальник «стражей истории» перебирал узелки на своих веревочках, как молящиеся христиане перебирают четки.

Когда он пропел строфу, где говорилось о мученичестве Атагуальпы и нашествии чужеземцев, все издали громкий крик. Царь, продолжавший сидеть на троне, поднял руку со скипетром и объявил, что испытание, ниспосланное богами его народу, заканчивается, ибо он, царь, избран самим Солнцем для изгнания чужеземцев. В залог своего примирения с народом, Солнце позволяет инкам предложить ему самую прекрасную, самую благородную из дев, происходящую по прямой линии от чужестранцев, которые сожгли Атагуальпу.

Все взгляды обратились на Марию-Терезу, снова загрели крики: «*Muera! Muera la Soya!* На смерть царицу мертвого царя!» Но кого инки обрекали на смерть? Разве Мария-Тереза еще не умерла?! Раймонд был твердо убежден в ее смерти — даже эти дикие крики не заставили ее вздрогнуть, открыть глаза. Если же она еще жива, то, очевидно, потеряла способность что-либо чувствовать и сознавать, и Раймонд мысленно благодарил за это небеса.

Царь продолжал свою речь, и все с видимым чувством удовлетворения выслушивали его обещания восстановить былой блеск и величие империи, ее частные и общественные порядки и религиозные обряды, что долгие века совершались тайно, в пустынных горах или в подземельях. Старики, видевшие нынешнее празднование Интерайми, подобного какому не бывало со времен Инки-мученика, могут умереть спокойно. Отцы и матери могут с гордостью взирать на детей, ибо их ждет славное будущее, а сердца девушек должны быть преисполнены радости, ибо для них возрастают в силе, красоте и мужестве свободные дети Солнца.

Затем царь встал и произнес:

— Пусть подойдут дети Солнца!

И юноши приблизились. В течение тридцати дней они, как и в древние времена, подвергались установленным испытаниям. Они постились, занимались борьбой и всякого рода физическими упражнениями, показывали свою ловкость в владении оружием, ранив и убив нескольких товарищей, спали на голом полу, носили грубые, простые одежды и ходили босиком. Теперь они были одеты в белые рубашки с крестами на груди, точно средневековые юноши перед возведением в рыцарское достоинство. Они были по-прежнему босы.

Они окружили золотую пирамиду, и Гуаскар, которому две девушки подали золотой таз, наполненный зелеными растениями, представил молодых людей царю. По мере того, как они дефилировали перед царем и обходили вокруг пирамиды, Гуаскар называл каждого из них и вплетал в их волосы листья вечнозеленых растений, указывая этим, что приобретенные ими добродетели должны сохраниться навсегда. Затем, один за другим, молодые люди поднимались к царю и преклоняли пред ним колени, а царь пробивал золотым шилом широкие отверстия в их ушах¹. После

---

¹ Согласно Фернандесу, на кандидатов надевались белые рубашки, на которых спереди было вышито нечто вроде креста. Относительно пробивания ушей Монтесинос говорит: «Новички подходили и станови-

этого они сходили вниз в своих белых, но теперь залитых кровью и ставших потому «священными» рубахах, а Гуаскар, вынимая большие золотые серьги из золотого таза, который держали перед ним две другие девушки, продевал им в уши эти украшения. И ничто в лицах юношей не указывало, какие страдания они испытывали...

В заключение они выстроились в ряд перед царем, и монарх обратился к ним с речью. Он поздравил молодых людей с успехами, достигнутыми ими в военных упражнениях, и напомнил им об обязанностях, связанных с их происхождением и саном.

— Дети Солнца! — говорил царь. — Я призываю вас следовать примеру отца вашего, царя небес, изливающего свои благодеяния на род человеческий. Особенно же старайтесь никогда не забывать, что сам наш прославленный предок, царь Уайна Капак, покинул волшебные обитатели Солнца, дабы принять вашу клятву.

И все юноши повернулись к мумии и, подняв руки, поклялись, что будут верой и правдой служить царю инков.

— Хорошо! — произнес царь, садясь на место. — Теперь вы можете надеть сандалии.

Эта часть церемониала была исполнена стражем *кипос*, который надел на ноги каждого юноши сандалии ордена инков².

— Хорошо! — снова произнес царь. — Теперь вы можете опоясаться поясами!

И страж *кипос* опоясал юношей поясами, к которым они должны были привязывать оружие, отправляясь в сра-

---

лись на колени перед Инкой, а тот пробивал им уши громадным золотым шилом, способным сделать такое отверстие, куда прошли бы серьги, присвоенные ордену Инков. Отсюда полученное индейцами прозвище *Orejones*, от *oreja* (ухо). Серьги, имевшие форму колеса, проходили через хрящ и диаметр их равнялся диаметру апельсина». «Чем шире дыра, говорит один из древних завоевателей, тем более она прилична благородному человеку» (Педро Писарро). (Прим. авт.).

² Что напоминает обряд надевания шпор христианским рыцарям. См. у Прескотта (Прим. авт.).

жение.

— Хорошо! — в третий раз произнес царь. — Теперь я, пред лицом усопшего царя и Койи, что умрет, удостоверяю, дабы они повторили это предкам: наш народ по-прежнему остается первым среди живущих, вы же представляете его на этой земле, ибо вы — *чистые дети неба, не запятнанные земными примесями. Брат всегда пил кровь своей сестры!*

И царь подал сигнал, что настало время отворить девушкам кровь. Те в свою очередь приблизились и взошли на ступени жертвенника, а их отцы и братья запели торжественную песнь аймара.

— Ах, дикари!.. дикари! — бормотал Раймонд. Решив, что Мария-Тереза уже умерла, он думал только о мести. — Вот бы перебить их всех!.. всех!.. заставить их всех страдать!.. Погубить всех разом и погибнуть самому на их трупах!..

Но как? Если бы он мог поджечь эти стены, этот гранит, эти золотые плиты, — он ни минуты бы не медлил!.. Что делать?.. Конечно, он мог бы пристрелить нескольких из них. Если он бросится туда, к этим безумцам, более сумасшедшим и опасным, чем старик Орельяна, он застигнет их врасплох! Он им покажет, как отправляют на луну детей Солнца!.. И великого жреца Гуаскара!.. И царя Рунту, конторщика франко-бельгийского байка... Да, этих двух он во всяком случае успеет пристрелить!.. А потом можно и застрелиться!..

Конечно... Конечно, если Мария-Тереза умерла! Но действительно ли она умерла?.. Именно в этот момент Раймонду показалось, что она пошевелилась, повернула голову, а золотые подвески чуть скользнули по ее щекам и плечам. Была ли то простая иллюзия? Раймонд спросил об этом Орельяну. Старик ответил, что его дочь очень утомлена и, вероятно, спит.

Тем временем страж храма с ужасным черепом, превращенным в блин (уродство, способствовавшее развитию кровожадности), прокалывал у девушек горло и собирал в золотую чашу кровь, вытекавшую из их ран. Когда чаша

наполнилась, он пригубил ее и передал юношам. Те стали поочередно пить кровь, а девушки, стоявшие перед ними и гордившиеся своими легкими ранами, восклицали:

— Слава детям Солнца!..

Когда вся кровь из чаши была выпита, об этом доложили царю и монарх, воздев руки к небу, обратился к Солнцу с просьбой дать сигнал к жертвоприношению.

Тысячелетняя Коя на костре

Запах, похожий на запах ладана, но более сильный, более возбуждающий, распространился в храме. Дым ароматных курений устремился к своду, к круглому отверстию, сквозь которое виден был диск небесной лазури, и совершенно затмил этот диск. Тотчас же обе обреченные на смерть мамаконас вскочили, подбежали к царю и, согласно требованиям ритуала, начали протестовать:

— О, царь, — восклицали они, — мы умоляем тебя погасить земные курения! Как может Солнце дать сигнал к жертвоприношению, когда дым скрывает от нас его лик?!...

Царь сделал знак — и зажженные благовония были погашены. Снова показался диск сверкающей лазури.

Тогда у трех костров появились три стража храма, три маленьких гнома с изуродованными черепами, державшие в руках металлические зеркала. С помощью зеркал они направляли отраженные лучи солнца на небольшие горки хлопковой ткани, помещенные в центре деревянных платформ. Таким образом, костры зажигались по воле их бога!.. На этих платформах не имелось ничего, к чему можно было бы привязать жертв, так как они должны были всходить на костер *добровольно*. Но горе тем жертвам, что оказывались неудобными богу, закрывавшему в таком случае свой лик тучей! Если костер не загорался, обреченные на смерть сохраняли жизнь, но им ничего не оставалось, как исчезнуть, поскольку они становились с тех пор «позором народа». И они это знали, эти девушки, ожидавшие первой

вспышки пламени с надеждой на благоволение бога... Если же не зажигался костер, предназначенный для сожжения останков тысячелетней Койи, чье место в стене храма должно было занять новая, это вовсе не означало, что бог отказывался от новой супруги — ее так или иначе заживо хоронили в могиле прежней. Это лишь означало, что прежняя Койя не сумела понравиться богу за время их тысячелетнего супружества и что ее останки не заслуживают поэтому почетного уничтожения огнем, а должны быть выброшены в болота на съедение хищным птицам.

Первым загорелся костер, предназначенный для древней Койи, а потому тотчас же отправились за ней. Собравшиеся запели гимны в ее честь, а жрецы отдернули пурпурную завесу, которую Раймонд раньше не заметил в масса сияющего золота и порфира.

За ней в стене обнаружилась ниша, где мог поместиться сидящий человек. Это была одна из сотни могил в Храме Смерти, и в ней смутно обрисовывался силуэт тысячелетней Койи; повязки еще удерживали кости на месте. Она превратилась почти в скелет, так как, подобно другим царицам этого храма, была похоронена заживо, без всякой мумификации, если не считать бальзамирующего действия благовонных повязок. Тем не менее, свойства перуанской почвы, «консервирующей мертвецов», обнаружились и здесь — в промежутках между витками повязок можно было разглядеть не только кости, но и кожу лица усопшей. В этом могли убедиться *куракас*, неофиты и жрецы, находившиеся ближе к могиле. Раймонд же думал только о том, что место этого мертвого тела скоро займет Мария-Тереза, которая, может быть, еще не умерла.

И он вновь искренне понадеялся, что она мертва.

Если она еще не умерла, какую пытку пришлось ей пережить! Если за опущенными веками Марии-Терезы еще теплится мысль, о чем она думает теперь? Быть может, вспоминает о нем, не способном вырвать ее из рук палачей. Быть может, в эти адски-мучительные минуты, когда перед ней разворачивались картины ужасных обрядов древнего фанатизма, она думала об их любви, такой спокойной,

такой буржуазно-мирной, зародившейся в простых душах, не жаждавших никаких приключений. Какая участь постигла эту молодую девушку, занимавшуюся исключительно делами и расчетами прозаического коммерческого предприятия, воспитанную в современной цивилизованной среде и далекую от всего фантастического! Что оторвало ее от конторки, кассы и бухгалтерской книги и обрекло на эти нечеловеческие, чудовищные мучения?!.. Неужели и в наши дни девушки могут умирать, как умерла Ифигения, — молодыми, прекрасными, полными сил и здоровья?!

Мария-Тереза плотно сомкнула веки, чтобы не видеть этого ужасного кошмара, этих отвратительных чудовищ в образе мамаконас, что ходили вокруг нее, обвевая несчастную запахом серы и одуряющих благовоний... Может, это не кошмар, а просто-напросто видения ада? Может быть, она уже мертва? Несомненно, она умерла. Умерла, когда у нее вырвали из рук маленького брата и она услышала отчаянный крик ребенка, принесенного в жертву в часовне Паче Канака.

Жрецы вытащили из ниши старую Койю и вместе с треном понесли ее на костер. Эта бедняжка, задохнувшаяся от недостатка воздуха, сохранила, однако же, полную достоинства позу, подобающую царице, сидящей на троне. Чтобы добиться этого, ниши делали настолько узкими, что царицы, и задыхаясь, не могли пошевелиться.

Эту спокойную и полную достоинства позу старая Койя сохраняла и на костре. Так ее и сожгли, к великой зависти мамаконас, которых ждала та же участь.

Раймонд уже не смотрел ни на приготовленные костры, ни на Марию-Терезу, но лишь на узкую нишу, где ее должны были замуровать. И говорил себе, что если невеста его еще жива, если ее еще можно спасти, надо, не теряя времени, как можно скорее извлечь ее оттуда. И сжимал рукоятку кирки... Но в другой руке у него, как прежде, был заряженный револьвер, и он, как прежде, едва удерживался, чтобы не выстрелить в мучителей своей невесты. И еще он надеялся, что Мария-Тереза откроет глаза — если только она еще жива.

А два других костра все еще не загорелись, и мамаконас подняли вой: ведь они должны были умереть раньше Марии-Терезы, как предписано, дабы приготовить для нее брачные покои в жилищах Солнца, и если Солнце не зажжет костры, — они не успеют этого сделать. Трепеща, они с мольбой протягивали руки к небу и причитали:

— О, Солнце! Мы слабые женщины. Ниспошли нам силу! О бог, будь милостив к нам. Владыка небес, тебе вручаем свою судьбу! Пошли нам огонь твой небесный.... Смилуйся над нами!..

И все хором, как литанию, повторяли за ними:

— Смилуйся над нами! Пошли нам пламя свое!

Но солнце смилостивилось не раньше, чем рассеялся дым от первого костра — чего, впрочем, недолго пришлось дожидаться, так как стражи жертвы усердно помогали небесному огню, поливая костер благовониями, настоенными на спирте. Когда смолистые сучья затрещали и стражи храма со своими зажигательными стеклами сошли с платформ, обе мамаконас, сорвав с себя одежды, как безумные кинулись на костры с громкими криками ликования и замерли в экстазе, устремив взоры к небу, а пламя тем временем подбиралось к их обнаженным телам. А вокруг них гремела нестройная адская музыка и в бешеной пляске неслись вокруг костров их впавшие в неистовство товарки. Вскоре пламя охватило тела несчастных. Раздался отчаянный крик — и одна из жертв соскочила с платформы.

— Вернись в огонь! Вернись в огонь... — гневно кричали ей подруги, но бедняжка корчилась и выла от боли, умоляя, чтобы ее лучше зарезали.

Тогда один из стражей храма — самый кровожадный, с уродливым, приплюснутым черепом — вонзил ей в голову свой золотой нож. Кровь брызнула на черные покрывала мамаконас, возобновивших пение и пляски. Жертва без чувств упала на руки двух других стражей храма; те вцепились в нее крохотными уродливыми ручками и втащили обратно на костер, где она и исчезла в дыму и пламени. Зато другая, вскрикнув лишь раз от первого ожога, так и сгорела, стоя на костре, и когда она наконец упала в огненном

ореоле, ниспосланном Солнцем, дабы унести ее в небесные обители, восторженные крики приветствовали эту славную мученическую кончину.

Марию-Терезу замуровывают заживо

Мамаконас, обезумевшие от огня, крови, которой были покрыты их платья, от острого запаха дыма, курений и горящего человеческого мяса, в свою очередь жаждали принести себя в жертву. Три из них бросились было в огонь, но тотчас соскочили с костра и подставили шеи под жертвенный нож. Трудно сказать, сколько жизней было бы еще принесено в жертву смерти, если бы Гуаскар жестом не положил конец этому безумию.

По его знаку адская музыка смолкла, песни и пляски прекратились, и стражи храма засыпали пеплом догоравшие костры. Теперь наступил черед Марии-Терезы. Раймонд, едва не лишившись чувств, закрыл глаза, но Орельяна толкнул его в бок.

Мамаконас сняли с Марии-Терезы все драгоценности, которыми она была осыпана буквально с головы до пят. Ее волосы, уши, лоб, плечи, грудь, прекрасные руки и тонкие стройные ноги, обутые в золотые сандалии — все сверкало «слезами Солнца», как выражаются индейцы, и невеста бога сияла ослепительным блеском. Теперь все эти браслеты, броши, перстни и запястья, вплоть до рокового браслета, «мамушки» сняли с Марии-Терезы, чтобы снова спрятать их на целые десять лет — до принесения в жертву новой невесты Солнца.

По мере того, как снимали все эти блестящие побрякушки, отчетливо выступала стройная фигура молодой девушки, спеленатой, точно мумия. Даже руки ее были плотно прижаты к туловищу и стянуты тонкими бинтами. Оставалось только поместить в гроб эту уже готовую мумию. Взор Раймонда не отрывался от дорогого лица, наполовину скрытого под повязкой из тончайшего раздушенного

полотна. Повязка закрывала подбородок и лоб, оставляя открытыми лишь сомкнутые глаза и рот — недвижимый, как будто дыхание жизни уже отлетело. Раймонд был убежден, что его невеста уже мертва, и упорно твердил себе, что это только к лучшему. По крайней мере, она не чувствует, как безобразные стражи храма хватают ее своими отвратительными гусиными лапками, как усаживают ее на похоронное кресло-трон и втискивают это кресло вместе с нею в толщу стены, где ей суждено оставаться замурованной тысячу лет, чтобы потом, в свой черед, быть сожженной..

В это мгновение солнечный луч упал прямо в нишу, словно золотая лестница, посланная Солнцем для восхождения в небесные жилища жертвы, что принесли в жестокое благочестии его верные дети-инки. Луч озарил всю узкую гробницу, и Раймонд не упустил ни единого жеста жрецов. Медленно установили они на место три плиты розового гранита, ловко пригнанные одна к другой, и стена вновь стала цельной и гладкой.

Все это было совершено среди жуткого, гнетущего безмолвия.

Все не сводили глаз с обреченной, но никто не мог бы с уверенностью сказать, жива ли она или уже умерла.

Первая плита, которую подняли трое стражей храма, сгибавшиеся под тяжестью ее почти до земли, закрыла Марию-Терезу до колен. Вторая закрыла ее до плеч.

Теперь в узкой каменной щели видна была только голова, стянутая повязкой, только недвижимое мертвое лицо. И вдруг дрожь испуга пробежала по зале, до сих пор лишь с жадным любопытством взиравшей на все предшествующие ужасы: глаза обреченной открылись...

Широко раскрытые, они глянули внутрь гробницы, готовой навсегда похоронить их обладательницу. И страшно было глядеть в эти огромные живые глаза, пристально смотревшие на этот сияющий храм, на нарядную, праздничную толпу — глаза, раскрывавшиеся все шире, спеша увидеть последний луч яркого и ласкового дневного света перед тем, как погрузиться в вечный мрак...

Нечеловеческая мука светилась в этом последнем взгляде обреченной, знающей, что ей не видать уж больше ничего, ничего... Губы ее зашевелились. Казалось, из них вот-вот вырвется отчаянный крик, мольба о пощаде, вопль предсмертного ужаса. Но побелевшие губы снова сомкнулись в жалком бессильном стоне, и последняя скользнувшая на место плита скрыла из виду живые глаза.

Жертва была принесена.

Гуаскар благоговейно склонил голову — и по знаку его толпа молча начала расходиться, удаляясь из храма, как удаляются гости из брачных покоев после того, как приводят туда трепетную юную новобрачную, — без разговоров, без песен, без шума. Слышно было только, как скользили сандалии по каменным плитам. Жрецы во главе с Гуаскаром, знатные сановники, старухи и жены, юноши и мамаконас — все друг за другом переступали порог раззолоченной залы.

Овьедо Рунту сошел с своего трона и сел рядом с царственной мумией на золотое кресло, где еще недавно сидела Мария-Тереза. Красные пончо подняли на плечи обоих монархов, живого и мертвого, и в свою очередь скрылись в глубине темного мрачного коридора.

В храме солнца остались лишь три безобразных стража и пепел сожженных жертв.

Не успели три отвратительных карлика затворить тяжелые двери, чтобы спокойно заняться своими обязанностями, как кто-то неистовый, обезумевший, яростный накинулся на них, и они в испуге убежали в часовню Луны. Но и сестра Солнца не защитила их. Все трое пали на ступенях ее алтаря с пробитыми черепами — Раймонд застрелил их, как диких зверей. Покончив с ними, он кинулся обратно к центральному алтарю. Орельяна уже сотрясал стены гробницы ударами железной кирки. Раймонд вырвал из бессильных старческих рук это орудие и в свою очередь ударил по стене.

Но плиты не поддавались, и Раймонд, обливаясь холодным потом, уже начинал сознавать, что силой тут ничего не добьешься. Напрягая всю силу воли, он заставлял себя

не думать о Марии-Терезе, задыхающейся за этими плитами, думать лишь о том, как сдвинуть их с места. Он призвал на помощь все свои познания в инженерной науке. Плиты не очень тяжелые. Если трое карликов могли их поднять, то они с Орельяной — и подавно поднимут. Плиты, очевидно, затем и сделали не слишком тяжелыми, чтобы жрецы инков могли в случае надобности вынимать их и ставить на место. Но как за них взяться? С какой стороны подойти?

Откроется ли гранитная тюрьма?

Заставляя себя мыслить спокойно, подавив бурю, бушевавшую в груди и в бессильной ярости бросавшую его на каменную стену, Раймонд стал систематически осматривать и ощупывать плиты. Он искал соединительные пазы, пытался просунуть плоское лезвие кирки в стык между двумя плитами — и не мог. Удивительная перувианская архитектура тем и славилась: строители умели без цемента так плотно подгонять друг к другу камни и плиты, что трудно было даже найти соединительную линию. Но как-то же эти плиты вынимаются? Ведь Раймонд сам видел, как их вынимали и ставили на место. Может быть, они вращаются на своей оси? Но где же пружина, приводящая их в движение? В каком месте надо нажать или ударить, чтобы привести в действие механизм?.. А Мария-Тереза тем временем задыхается в гранитной тюрьме...

Обезумев, отчаявшись, он схватил кирку. Инструмент снова пришлось вырывать из рук Орельяны, который взвыл от огорчения. Раймонд наугад с размаху ударил киркой по левой стороне гранитной плиты. Ударил, что было сил, с энергией и мощью титана. Камень чуть повернулся к нему правой стороной и вышел из паза. Очевидно, он вращался на собственной оси. С победным криком Раймонд нанес второй, третий удар, крича: «Мария-Тереза! Мария-Тереза!»

— как будто она уже могла его услышать. А старик, круживший около него, в свою очередь кричал:

— Мария-Кристина! Мария-Кристина!

Раймонд продолжал наносить могучие удары. Когда камень достаточно сдвинулся, чтобы можно было захватить его руками, Раймонд вцепился в плиту пальцами и ногтями. Напрасно! Камень не двигался. Тогда Раймонд рукояткой лома стал подталкивать его влево, пока не открылся весь правый край.

Теперь оба, Раймонд и старик, ухватились за плиту и потянули ее на себя... Сильнее! еще сильнее! Минута — и Мария-Тереза будет спасена. Мария-Тереза! Мария-Тереза!

Еще одно могучее усилие — и каменная плита с грохотом рухнула на пол. В глубине черного проема показалось лицо, обмотанное повязками... О, Боже! *Это не Мария-Тереза!*

Крик бешеной ярости вырвался у Раймонда. Он ошибся. Гробница — *не та*. Перед ним было мертвое лицо мертвой царицы — мумия древней Койи. Сумасшедший старик указал ему неправильную гробницу. А он, Раймонд, такой же безумец, в этот решительный момент, когда жизнь Марии-Терезы висит на волоске, послушался его, подчинился сумасшедшему!

Весь дрожа от гнева и ужаса, он повернулся к Орельяне, готовый собственными руками задушить несчастного старика. Но — что пользы? Кому от этого будет легче?

Все гробницы похожи одна на другую

Какую гробницу теперь выбрать? Ту, что справа? Или ту, что слева?.. Ах, эти ужасные плиты так похожи одна на другую! Столько их вдоль стены храма — и все они одинаковы...

Но теперь он уже не ошибется. Если Марию-Терезу замуrowали не здесь, то значит, там, справа. Да, да, он отчет-

ливо помнит, что ниша, куда ее посадили, приходилась как раз против угла алтаря. Он все время переводил взгляд с угла алтаря на эту нишу. Повторной ошибки не будет... И Раймонд принялся с прежней энергией колотить по плитам правой гробницы...

Удары сыпятся градом. Раймонд бьет киркой по плитам, а безумный Орельяна с каждым ударом вскрикивает:

— Так ее! Бум! Бух! — словно сам наносит удары...

Наконец, камень поворачивается... Они вынимают его... Вот отверстие гранитной гробницы...

— Мария-Тереза! Откликнись! Это я, Раймонд!

Нет, снова мертвая голова мумии! Это не Мария-Тереза!..

Боже правый... Обессилев, в полном отчаянии, Раймонд падает на каменный пол, и рыдает, и бьется головой об эти жестокие плиты, изливая в рыданиях всю бессильную злобу, весь гнев и возмущение против судьбы... Но это длится недолго. Орельяна уже пытается взломать одну из гранитных могил, и Раймонд, воспрянув духом, снова вырывает спасительное орудие из бессильных старческих рук и сам принимается за работу... снова бьет киркой о плиты... Ах, сколько времени потеряно зря! Сколько драгоценных минут пропало!.. А ей, бедняжке, может быть, уже нечем там дышать... Бей, Раймонд! Еще, еще, еще сильнее! Камень начинает поддаваться. В правой могиле была другая, в левой должна быть твоя невеста. Сейчас ты увидишь ее.

Еще усилие... Камень повернулся, вышел из паза — упал.

Несчастный вновь нагибается над каменным проемом... Увы, это не Мария-Тереза. Это опять одна из царственных мумий...

И вновь Раймонд с отчаянным криком бьется головой о каменный пол. Но Орельяна в восторге. Он испускает ликующий крик:

— Моя дочь! Мария-Кристина! Девочка моя! Это я, это твой отец пришел освободить свою девочку! Открой же глазки, дитя мое!..

Помешанный старик нашел свою дочь, которую искал десять лет на путях смерти.

— Мария-Кристина! Подожди немного, дитя мое! Осталось только вынуть один камень — и я освобожу тебя из темницы. Родное дитя мое!..

Бедный старик задыхается от радостных слез. И, напрягая все силы, колотит киркой по камню.

Но Раймонд уже возле него:

— Ты тратишь время, освобождая мертвую, когда живая томится в могиле!..

Старик борется изо всех сил, не отдает кирку, но молодой инженер сильнее — и победа остается за ним. И в то время, как Раймонд бьет по плитам четвертой гробницы, Орельяна с нечеловеческим усилием сдвигает с места еще одну плиту и вытаскивает из ниши скелет своей ненаглядной Марии-Кристины, обвитый погребальными покрывами. И вместе с ним, сжимая его в объятиях, осыпая поцелуями, без сил валится на каменный пол и с блаженным вздохом засыпает навеки.

Орельяна умер, но все же нашел свою дочь.

Отчаяние Раймонда

А он, Раймонд, найдет ли свою Марию-Терезу?.. Снова открытая гробница — и опять неведомая, незнакомая покойница!

О, неисповедимая тайна Храма Смерти, который возвращает только мертвецов и упорно не хочет отдать живую, попавшую в его когтистые лапы!.. Шатаясь от усталости и отчаяния, крича и плача, раздирая ногтями собственное тело, готовый сам принести себя в жертву жестокому божеству, что питается человеческим мясом и кровью, Раймонд бродил по храму, волоча за собой бесполезную кирку... Он не знал, куда теперь направить свое орудие, силился понять, сообразить, — и ничего уже не соображал... В этом круглом храме все выступы, все украшения так схожи... не знаешь, с чего начать, на чем остановиться... Попробовать наудачу?.. Может быть, как раз посчастливится попасть на

настоящую... единственную, что нужна ему, — единственную из этой сотни гробниц, где похоронена живая... И он бьет киркой в стену... Но как тяжела кирка для его обесилевшей, дрожащей руки!.. Ничего не выходит... У него нет больше сил... Кирка выпадает у него из рук... И он, потерянно опустив руки, смотрит — смотрит в глаза мертвым, которых святотатственно потревожил в их могилах... Сколько часов прошло? Еще недавно косые закатные лучи падали на стены; теперь они исчезли, солнце зашло и свет дня погас. И вот уже совсем стемнело...

Напрягая последние силы, Раймонд бредет к алтарю... Там он лежит, распростертый, окутанный тенью ночи, мрачными, как черные траурные покровы, — лежит, закрыв глаза...

— Сон? Или смерть? Не все ли равно теперь, когда Мария-Тереза, наверное, уже умерла?..

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,

**в которой читатель убеждается, что влюбленные
никогда не должны отчаиваться, ибо Провидение
к ним благосклонно**

Однажды утром на небольшом пароходике, обслуживающем берега озера Титикаки, услышали отчаянные крики о помощи. Кричал высокий индеец-кечуа, который стоял в пироге и размахивал руками, желая привлечь к себе внимание. Пароходик сбавил ход и капитан, узнав, что речь идет о спасении белого, лежавшего на дне пироги, согласился остановиться. Так Раймонд Озу был возвращен к цивилизации.

Он метался в жестокой лихорадке и, вероятно, погиб бы, случилось это с ним не в той стране, где люди научились справляться с данным недугом. Но судьба сжалась над Раймондом, и он пришел в себя на мягкой постели торговца шерстью из Пунто. Тот случайно находился на борту «Явари», когда на пароход втащили жалкого, больного, дрожавшего в лихорадочном ознобе белого, пожалел беднягу и взял его к себе. Индеец, спасший Раймонда, рассказывал, что нашел чужестранца — должно быть, какого-нибудь туриста, одинокого и впавшего в беспамятство — среди развалин Священного острова, дал ему выпить розовой воды¹ и отнес его в свою лодку в надежде на рассвете встретить «Явари». Объяснив все это и отказавшись от предложенных денег, индеец распрощался. Все восхищались его бескорыстием и честностью, так как в карманах Раймонда оказалась довольно крупная сумма, которую индеец легко мог присвоить.

Когда больной оправился настолько, что с ним можно было разговаривать, ему рассказали о случившемся, описа-

---

¹ Настой коры хинного дерева (Прим авт.).

ли приметы великодушного индейца, и он сразу узнал в своем спасителе Гуаскара.

В качестве верховного жреца Храма Смерти Гуаскар, по-видимому, вернулся туда для исполнения еще какого-либо религиозного обряда, нашел Раймонда, следы разрушения, трупы убитых карликов и спас несчастного от мести инков — ибо нельзя было придумать для Раймонда худшей пытки, чем оставить его жить после смерти Марии-Терезы.

Но молодой инженер твердо решил как можно скорее положить конец этой пытке. Он мог спасти любимую девушку; она погибла по его вине, из-за того, что он не сумел сохранить хладнокровие... Эта мысль была для него невыносима. И он знал, что никогда уже не сумеет отогнать от себя эту мысль, что она вечно будет давить и терзать его и все равно в конце концов до смерти истерзает. Так не лучше ли покончить со всем сразу?

Ему лишь не хотелось умирать в этих страшных горах, что видели столько ужасов. Образ Марии-Терезы никогда не оставлял его, но теперь, когда он решил соединиться с ней за гробом, это была не страшная живая мумия с широко раскрытыми глазами, полными ужаса и муки, — нет, это снова была прежняя Мария-Тереза, спокойная, деловитая, милая, какой он увидал ее в Кальяо над большими зелеными конторскими книгами. Там, в этой конторе, они впервые увиделись после долгой разлуки; там она впервые сказала ему: «люблю»; там он и умрет, в тех стенах, где она жила и работала.

И от этой мысли о смерти, о близости избавления, он стал быстро поправляться. Оправившись окончательно, он щедро отблагодарил своего благодетеля и сел в первый же поезд, отходивший в Моллендо, откуда можно было на пароходе добраться до Кальяо. Путь показался ему долгим. Проезжая через Арекипу, он увидел издалика памятный маленький домик из необожженного кирпича, вспомнил, как они с маркизом напрасно молили о помощи этого разбойника Гарсию, и в первый раз с тех пор, как он покинул Храм Смерти, задумался о судьбе своих спутников — дя-

дюшки Франсуа-Гаспара, маркиза и Нативидада.

Может быть, и они погибли, замученные где-нибудь в мрачных темницах «Дома Змея». Бедный дядюшка! Не читать ему больше публичных лекций о Мексике и Перу... Бедняга Нативидад! Не видать ему больше своей малютки Женни. Маркизу, по крайней мере, не довелось увидеть гибель детей — хоть от этой муки он был избавлен.

В Моллендо, несмотря на ужасающий ливень и бурю, Раймонд отправился с вокзала прямо на пристань. И здесь увидел две знакомые тени, бродящие по набережной. Он был убежден, что это призраки, галлюцинация, но тени бросились к нему с шумными изъяснениями радости. Это были дядюшка Франсуа-Гаспар и Нативидад.

Вид у них был довольно потрепанный, однако оба были живы и здоровы. Раймонд молча жал им руки, даже не спрашивая, как они добрались сюда и что им пришлось пережить. А те, видя Раймонда таким исхудалым и бледным, не решались расспрашивать его о судьбе Марии-Терезы и маленького Кристобая.

Все трое молча шагали, погруженные в свои мрачные мысли. Наконец, дядюшка рискнул спросить:

— А маркиз? Ты не знаешь, что с ним случилось?

— Я думал, он с вами, — ответил Раймонд голосом человека, уже отрешившегося от мыслей о земном.

Тут только Нативидад счел своим долгом рассказать — хотя никто его и не просил — как им с господином Озу удалось спастись. После неудачной попытки освобождения обреченной жертвы в Доме Змея его с дядюшкой бросили в темницу, где они просидели четыре дня; за эти дни злополучный академик успел убедиться в реальности всего случившегося с ним. А на пятый день дверь тюрьмы неожиданно оказалась отворенной, и они поспешили удрать, не тратя времени на расспросы об участии маркиза. Произошла, очевидно, какая-то новая катастрофа. Все индейцы в смятении покидали Куско, убегая в родные горы. Не понимая, в чем дело, дядюшка и Нативидад отправились в Сикуани, сели на поезд и тогда лишь узнали, чему они были обязаны своим спасением. Оказалось, что Вентимилья раз-

бил в пух и прах войска Гарсии, плохо дисциплинированные и окончательно распустившиеся во время праздника Интерайми. Тысячи кечуа, солдат и простых обывателей, в несколько часов были выметены из Куско четырьмя эскадронам, которые сохранили верность президенту республики и поддержали его отчаянную, последнюю попытку вернуть себе милость фортуны... Эти пятьсот чистокровных испанцев снова победили инков, как некогда воины Писарро, победили на тех же равнинах и под стенами тех же городов, что вновь стали немыми свидетелями исторических перипетий борьбы двух народов.

Гарсии пришлось бежать в Боливию. Он уже решил было застрелиться, как вдруг пришла весть о революции в Парагвае, и в нем снова проснулась надежда и желание жить. И побежденный Гарсия, вместе со всем своим правительством, покинул страну, решив попытать счастья в Парагвае — к великой радости Вентимильи и президента республики Боливия.

Выехав из Сикуюни по железной дороге, дядюшка и Нативидад остановились только в Моллендо, надеясь встретить там маркиза — победа Вентимильи должна была распахнуть двери и его тюрьмы. Что касается Раймонда, который, разумеется, предпримет все возможное и невозможное, чтобы спасти Марию-Терезу, то его они ожидали увидеть только в Лиме...

В первый раз между ними было произнесено имя Марии-Терезы. Видя, с какой тревогой и ожиданием смотрят на него спутники, видя, как глубоко огорчен и взволнован дядя, Раймонд не выдержал и бросился ему на шею с криком: «О, дядя, дядя, она умерла!» Академик заплакал, горячо обнимая своего племянника. Но Раймонд, весь дрожа и захлебываясь от рыданий, вырвался из его объятий и убежал, чтобы наедине выплакать свое горе. А двое стариков печально зашагали дальше по берегу океана. Волны обдавали их солеными брызгами. Уже десять дней бушевала буря, пароход не мог отплыть — и они без дела сидели в Моллендо и не могли двинуться дальше.

«Бедный Раймонд! Бедная Мария-Тереза! Бедный малютка Кристоаль!» — сокрушенно вздыхал дядюшка. Несчастье растопило ледяную кору научной сухости, сковавшую его сердце, и он забыл о литературе — ради жизни.

Теперь он горько упрекал себя за непростительное легкомыслие в начале экспедиции, когда он иронически посмеивался над волнениями своих спутников, не подозревая, как оскорбляет их этим равнодушием. Но кто бы мог подумать?.. Такой ужас!.. Бедная девочка! Несчастный ребенок!.. Такой страшный конец!.. Кто в это поверит?.. Да никто и не поверит — дома, во Франции, ни за что не поверят, сколько бы доказательств он ни представлял на публичных лекциях... Нет, нет, ему ни за что не поверят. Это так ужасно!.. Дядюшка плакал, и добрейший Нативидад плакал вместе с ним, повторяя:

— Теперь-то уж Вентимилья наверняка послушает меня и отомстит за нас. Да что я говорю! Он уже отомстил своими победами. Перу всем обязан ему. Это великий человек. С Гарсией мы опять стали бы варварами — что он блестяще и доказал своим поведением во всей этой печальной истории. Мы и сами едва из-за него не погибли.

Прошла еще неделя, а буря не унималась, и пароход все никак не мог выйти из гавани. Озу и Нативидад зорко следили за Раймондом, боясь, что он в отчаянии наложит на себя руки. Но внешнее спокойствие молодого человека обмануло их. Оказавшись наконец на пароходе, они даже осмелились попросить его рассказать о гибели Марии-Терезы. Раймонд рассказал им обо всем, что видел в Храме Смерти, и о том, как была замучена Мария-Тереза, — рассказал так спокойно и просто, ровным голосом, словно его самого эти события давно уже перестали волновать. Дядюшка и Нативидад с ужасом выслушали Раймонда и убежали к себе в каюту, где Франсуа-Гаспар выплакал все глаза над

записной книжкой, куда ему предстояло занести страшный рассказ.

Раймонд, стоя у борта, видел, как постепенно проступали из тумана знакомые очертания берега, на который он так недавно сошел, полный счастья и надежд. Теперь он снова сойдет на этот берег — сойдет лишь для того, чтобы умереть. О, Перу! Сказочная страна инков и Писарро! Страна неисчерпаемых сокровищ и легенд! Страна, которой он мечтал отдать свое молодое честолюбие и свою молодую любовь. Умерла его любовь — умерло и его честолюбие. Жива только легенда, над которой он смеялся. Она убила все — и его любовь, и честолюбие, и Марию-Терезу, и самого его убьет за то, что он смеялся над легендой и не хотел ей верить...

Как и тогда, он первым вскочил в жалкое суденышко крикливого лодочника, но теперь уже не расспрашивал, как пройти на *калле* Лима. Он не забыл, где находится эта улица — сколько раз он торопился туда, полный надежд, к ждавшей его Марие-Терезе.

Увы! Теперь ему уже незачем было спешить. Неторопливо пробирался он через лабиринт узеньких переулков и темных сводов к небольшому перекрестку, с которого видна ее веранда... Здесь он впервые поцеловал ее, сюда приходил за ней каждый вечер — и однажды вечером не нашел ее. Бедная Мария-Тереза!.. Никогда она не вернется сюда... Не склонится над зелеными конторскими книгами, не возьмет в руки карандашик на золотой цепочке, обвиняющей ее гибкий стан... Он никогда больше не услышит звонкий девичий голос, так уверенно ведущий деловые переговоры... Никогда больше не выглянет она в окно — посмотреть, не идет ли ее милый... Еще несколько шагов... Но что это? Раймонд пошатнулся, схватился рукой за сердце... Сейчас он умрет, задохнется... Тем лучше! За этим он и шел сюда... Он так и представлял, что увидит ее в окне веранды... Но как мучительно колотится сердце! Нечем дышать... Какая жестокая галлюцинация!.. Быть может, это правда, что души умерших бледными теньями блуждают в местах, которые были им дороги при жизни... Он ясно, до

боли ясно видит в окне тень Марии-Терезы... Может, теням дано показываться тем, кого они при жизни любили... Да, это Мария-Тереза. Она смотрит в окно... Боже, как она бледна! Вся прозрачная... Какие мертвые, печальные лица у теней, которым разрешено являться живым!.. Как тогда, она перегибается через подоконник. Как тогда, поворачивает голову... Все жесты знакомые, прежние, но такие же бледные, прозрачные... *тени жестов*... Раймонд едва слышно, несмело шепчет: «Мария-Тереза...». Замирает от страха — еще немного, и тень исчезнет, рассеется сладостное видение... На цыпочках, осторожно, он подходит ближе... так ребенок подкрадывается к бабочке, боясь, что она вспорхнет и улетит... А сердце стучит все чаще, все громче... сейчас выскочит из груди, разорвется... И вдруг из уст тени вырывается живой, не призрачный, радостный крик:

— Раймонд!

— Мария-Тереза!

И вот они снова в объятиях друг друга.

Он прижимает к груди милую тень, не подозревая, что ей он тоже кажется призраком, выходцем с того света. Они так пострадали, что от радости едва не лишаются чувств, но их вовремя подхватывают, поддерживают... Тетушки, плача от радости, заботливо усаживают Марию-Терезу в кресло. Маркиз обнимает Раймонда — и все рыдают... Один только маленький Кристоаль не плачет — он скачет вокруг, радуясь, что вернулся его добрый приятель Раймонд, и хлопает в ладоши, крича:

— Я тебе говорил, Мария-Тереза, что он вовсе не умер... Он и не думал умирать... Теперь ты выздоровеешь... Теперь мы тебя вылечим!

А Мария-Тереза, обнимая Раймонда, шепчет ему:

— Я знала, знала, что если ты вернешься, ты придеешь сюда. Но ты ли это?.. Ты ли это, мой Раймонд?

— Ты ли это, моя ненаглядная? Тебя ли я держу в своих объятиях?

— О! Мария-Тереза была очень больна. Мы все думали — она умрет, — рассказывает маленький Кристоаль, в то время как старушки всхлипывают, а маркиз шумно смор-

кается. — Но мы не дали ей умереть, мы все твердили ей, что Раймонд не погиб. Я говорил: «Вот увидишь: добрый Гуаскар спасет и его». Ведь это Гуаскар спас всех нас, всех! Как мы будем любить его, когда он вернется к нам!... Папа сам говорит, что без него мы бы все умерли... Но теперь уже не никому не надо умирать.. Как хорошо!

Верховный жрец сдержал слово

Каким же образом Гуаскар мог спасти Марию-Терезу? Пока он, Раймонд, бесплодно трудился, вскрывая одну за другой каменные гробницы, Мария-Тереза могла десять раз задохнуться...

— Я сам видел, как тебя заживо замуровали в стену...

— Ты был там! — с живостью воскликнула она, вновь воскрешая в памяти страшную драму, между тем как маркиз и тетки знаками умоляли Раймонда, чтобы он не позволял ей говорить. — Ты там был?.. Хотел спасти меня, да, мой любимый?.. Я потому вдруг и открыла глаза, что сердцем ощутила — ты здесь, близко... Я чувствовала на себе твой взгляд... и открыла глаза... А эти жестокие люди заложили меня камнями...

— Замолчи, Мария-Тереза. Умоляю тебя, молчи! — вмешался маркиз. — Все это надо позабыть... и никогда не говорить об этом.

— Нет, нет!.. Теперь можно. Раймонд здесь, со мной — значит, можно!.. Должен же он знать, как темно было в той могиле, как страшно! Но знаешь, я все равно была как мертвая с тех пор, как у меня забрали маленького Кристо-баля... Когда Гуаскар вырвал его у меня из рук, мне показалось, что я умираю... Я ведь думала, что они его зарежут... Хоть Гуаскар и говорил мне, что его не тронут, я не верила... Как только меня ввели в этот гнусный храм, я закрыла глаза, понимая, что сейчас умру — и так и не открывала их, пока не почувствовала, что ты там... Что же ты хотел сделать?.. Как спасти меня? Я ведь знала, что ты на все пой-

дешь... на все!.. Ах, дорогой мой, даже в могиле я надеялась на тебя... даже в те страшные минуты, что я провела в обители мертвых, я не переставала верить, что ты спасешь меня, не дашь задохнуться в каменной гробнице... Я ждала тебя... О, как ждала! Потом начала задыхаться... и говорила себе: «Он опоздал... когда он придет, будет слишком поздно: я буду уже мертва»... Повязки так теснили грудь... не давали вздохнуть свободно... я ловила ртом воздух... а воздуха не было... Папочка, милый! Дай мне все рассказать Раймонду... теперь уже все позади... и я осталась жива... и мы оба будем жить... и любить друг друга. Ну, так вот: я стала задыхаться... странное такое чувство — грудь сдавливает, звон в ушах... И вдруг я слышу какие-то глухие удары, от которых сотрясается вся стена... «Это он, — думаю, — Боже мой, скорей бы только!» Вся напряглась, широко раскрытыми глазами вглядываюсь в темноту — не блеснет ли свет... Еще один удар, самый сильный, — и свет блеснул. Я закрыла глаза и кричу: «Раймонд!» Чувствую, кто-то схватил меня сзади. Раскрываю глаза и вижу: я в объятиях Гуаскара... Он прижимает меня к своей груди, лицо у него пылает, глаза горят... Так мне жутко стало, что я даже пожалела — почему я не умерла... Он вынес меня, положил на пол в каком-то темном коридоре, освещенном смоляным факелом, и стал распеленывать. Высвободил мне руки и прикрыл меня опять той одеждой из кожи летучей мыши, которую с меня сняли перед тем, как вести в храм. Я смотрела на него с невыразимым страхом, как рабыня, которая знает, что она во власти своего господина и ничто уже ее не спасет. Но Гуаскар каким-то странным, хриплым голосом сказал мне, чтобы я не боялась, что он спас меня и отведет к отцу. Я не верила, не могла поверить. На моих глазах он посадил на мое место в нише мумию вроде тех, каких мы с тобой много видели, и снова заделал отверстие в стене моей гробницы. Это отверстие он пробил заранее и заложил камнями, чтобы не возбуждать подозрений. И говорит: «Тут святотатства нет, потому что все супруги Солнца по счету налицо». Затем он повернулся ко мне. Я инстинктивно отшатнулась. А он произнес с глубокой горечью:

«Ты все боишься меня... А ведь, не будь меня, тебя бы уже не было в живых. Это я подготовил твое спасение. Не благодари — я сделал это потому, что люблю тебя...» И он потянулся ко мне руками. Я опять отшатнулась. «Другие тоже любят тебя и хотели бы тебя спасти, но они все сделали для того, чтобы тебя погубить... Мне пришлось помешать их опасной затее, ибо кечуа все равно принесли бы тебя в жертву Солнцу. Если бы им не удалось замуровать тебя заживо, они убили бы тебя...» Я все не верила и сказала ему: «Ты спас меня только затем, чтобы убить иным способом. Что ты сделал с моим братом?» — «Ты хочешь видеть его? Идем!» И так как я не в состоянии была идти, он взял меня на руки и понес по каким-то темным коридорам... я слышала, как билось его сердце, и боялась еще сильнее, чем в каменной гробнице.

Клятва, с которой можно не считаться

— Наконец, он толкнул перед собой какую-то дверь; она распахнулась — и я очутилась лицом к лицу с папой и Кристобалем. С криком радости они кинулись ко мне, осыпая меня поцелуями. «Я обещал вернуть вам вашу дочь и сына, сеньор — вот они! Теперь вам уже не угрожает никакая опасность. Инка всегда держит слово!» — произнес Гуаскар и с поклоном удалился. Больше мы его не видели... Я должна была все это рассказать тебе, Раймонд. Если ты еще когда-нибудь столкнешься с этим человеком, *ты должен знать, чем мы ему обязаны.*

Услышав эти слова, Раймонд нервно вздрогнул и сжал руку Марии-Терезы.

— Дорогая, я знаю, *чем я ему обязан.* Он спас и тебя, и меня... Но я поклялся ему, что если он спасет тебя, ты никогда не будешь моей женой.

— Раймонд! Мой Раймонд! Я знаю это... Он рассказал об этом папе... Правда, папочка? Он говорил тебе?.. Но почему ты дрожишь? Ведь это же глупости, ребячество.

— Он, может быть, только потому и спас тебя, что я дал ему эту клятву...

— Вы хотите сказать: спас, *несмотря* на эту клятву, — перебил маркиз. — Для Гуаскара ваша клятва была оскорблением... Когда Марию-Терезу увели, я остался один на один с этим человеком, которого считал виновником всех наших бед. Я обвинил его в предательстве. Я хотел выплюнуть ему в лицо всю свою злобу и презрение, но он сразу оборвал меня. Затем он велел отвести меня под стражей в прибрежную пещеру, куда вскоре пришел и сам. Я думал, он убьет меня. Но он лишь сказал мне, что делал все возможное, чтобы спасти нас от себя самих и от нашей неосмотрительности. Он добавил, что для нашего бегства все готово и что он скоро приведет ко мне обоих детей. На следующую ночь нам останется только верить свою жизнь углому челноку и двум индейцам, беззаветно преданным Гуаскару. Все это было сказано таким торжественным тоном, что я ни на минуту не усомнился в правдивости его слов. Да и для чего ему было лгать мне? Я был его пленником, я находился в его власти. Я протянул ему руку, но он не пожал ее. И тут он рассказал мне о странной клятве, которую вы дали ему в Арекипе. «Я не знаю этого молодого человека, — сказал он, — и не знаю, почему он предложил мне подобную сделку. Сеньорита свободна сделать выбор по велению сердца, и я не считаю ее сердце предметом торга. Не в моей власти ни взять его, ни отдать, ни удержать. Да будет это известно молодому человеку, которому я не сделал никакого зла. Он напрасно оскорбил меня. Но я его прощаю». Я начал было благодарить его, но он сказал: «Благодарите ту, которая теперь на небесах, — сеньору де ла Торрес. А Гуаскара благодарить не нужно. Единственное, что он просит у вас взамен оказанной услуги, — это никогда и никому о ней не рассказывать, *чтобы не опорочить память верховного жреца инков*». Так сказал Гуаскар. Вы свободны от клятвы и можете жениться на Марии-Терезе, Раймонд.

Тут подоспели дядюшка Озу и Нативидад, узнавшие, что маркиз уже вернулся в Лиму и что его сегодня видели

в Кальяо вместе с дочерью и сыном. Вне себя от радости, они сели в первый попавшийся автомобиль и помчались в контору.

«Будем считать, что все это нам приснилось»

Все целовались, смеясь и плача от волнения и радости. Напрасно старушки пытались увести и уложить в постель Марию-Терезу, еще слишком слабую для всех этих переживаний. Молодая девушка уверяла их, что радость — лучшее лекарство от всех болезней...

— Это был гадкий сон, — повторяла она. — Будем считать, что все это нам приснилось.

— Да, лучше всего убедить себя в этом, — подтвердил маркиз. — О том же просит нас и Вентимилья, которому я рассказал все в подробностях. Он просит нас, ради любви к отечеству, обо всем забыть. В благодарность он обещает поспособствовать в ликвидации нашего предприятия и продаже наших концессий. Если никто ничего не имеет против, Мария-Тереза и Раймонд повенчаются уже во Франции; а насос, изобретенный инженером Озу, мы вернемся испытывать в рудниках Куско, когда будем вполне уверены, что посетителям этих мест не станут сниться дурные сны.

— Ах, поручили бы мне за это взяться, — вскричал Нативидад, — я бы так осветил все эти темные коридоры! Но нет! У них все та же система — сознательно закрывать глаза или смотреть сквозь пальцы... даже после такого страшного урока!.. Вместо того, чтобы раз навсегда обуздать индейцев, Вентимилья просит вас убедить себя, что вам приснился дурной сон!..

Бедный градоправитель мог только развести руками.

— Не везет вам, господин Нативидад, — шутивым тоном отозвался маркиз. — Кстати, я должен сообщить вам еще более печальное известие. Вы уже не на службе. Вы уволены с должности начальника полиции и градоправителя Кальяо.

Нативидад разинул рот от изумления: человек, для которого он рискнул всем, таким веселым тоном сообщает ему прискорбную новость! Он хотел было что-то сказать, но не смог и бессильно опустился в кресло.

Он был так забавен, что все покатались со смеху. Обиженный розоволицый старик, задыхаясь от негодования, вскочил и большими шагами направился к двери. И поделил ему — за то, что он на несколько недель забросил свою возлюбленную Женни!

— Не спешите, не спешите так, голубчик! — остановил его маркиз. — Погодите минутку. У меня для вас не одни только дурные вести. Есть и хорошие. *Вы назначаетесь градоначальником города Лимы.*

Нативидад вновь упал в кресло, на сей раз вне себя от радости. Он не знал, как благодарить маркиза, который помог ему осуществить заветную мечту...

— Но позвольте... Как же это?.. Здесь ведь даже не знали, жив ли я... Я был так близок к смерти...

— О, разумеется, — усмехнулся маркиз, — президент обещал мне назначить вас на этот пост только в том случае, если вы останетесь живы... И раз вы все-таки спаслись от индейцев, теперь и воюйте с ними.

— Тсс! — Нативидад, уже успевший принять важный вид, с достоинством огляделся по сторонам. — Об этом никто не должен знать.

— Итак, мы все возвращаемся во Францию, — послышался голос дядюшки. — А как же я?.. Мне можно будет прочитать обо всем этом публичную лекцию?

— Рассказывайте сколько хотите, мой друг, но как о виденном вами сне, в котором перед вашими глазами прошла вся пышность и все жестокости древнего Перу.

— А мы? Ты думаешь, нам удастся когда-нибудь убедить себя, что все это нам только приснилось? — спросил Раймонд, с грустной нежностью глядя на бледное личико своей невесты. Бледность эта красноречиво свидетельствовала, что пережитое ими не было сном...

— Может быть, потом... когда мы оба оправимся, — ответила Мария-Тереза, которой тоже больно было видеть

своего Раймонда таким измученным и бледным. — А все-таки теперь, когда вы все вокруг меня — ты, и тетушки, и папа, и маленький Кристобаль, такой веселый, а на столе чай и эти милые старые конторские книги, я сама невольно спрашиваю себя: «Может быть, я это видела только во сне?..»

Трагическая действительность

Нативидад заторопился уходить и простился с маркизом — ему не терпелось повидаться с малюткой Женни. Но, отворив дверь, он с криком отскочил.

За дверью лежал распростертый труп индейца. Мария-Тереза первой узнала Гуаскара и бросилась на колени перед мертвым.

— Нет, нет, Раймонд, все это мы видели не во сне...

И она долго плакала над Гуаскаром, который здесь, на пороге дома, откуда Мария-Тереза изгнала его, нанес себе ножом смертельный удар в сердце.

ЭПИЛОГ

Для всякого романа нужен эпилог, а мы, вдобавок, ни слова не сказали об Овьедо Рунту, экс-конторщике франко-бельгийского банка в Лиме, последнем царе инков.

Пережив бесчисленное множество приключений в Андах и затравленный полицией Нативидада, Овьедо Рунту со всеми индейцами, поддерживавшими бунтовщика Гарсию, вступил в переговоры с перуанским правительством.

Ему обещали сохранить жизнь — с условием, что он приведет к покорности всех мятежников. Военный суд приговорил его к пожизненной ссылке, но Нативидад выхлопотал ему помилование и даже снова устроил его на место в одном из отделений франко-бельгийского банка.

Здесь, по крайней мере, он был на глазах у градоначальника, и тот мог следить за каждым его шагом. Но Овьедо Рунту и не думал больше пускаться ни в какие авантюры и умер, как самый мирный обыватель, предварительно женившись на заезжей англичанке, прибывшей в Лиму специально для того, чтобы увидеть последнего царя инков. Туристы, которым показывали, как местную достопримечательность, эту царственную чету, смеялись, когда им говорили, что царь сидит за решеткой кассы и зарабатывает 150 *солес* в месяц.

Однажды, когда люди стали подтрунивать над бедностью его вдовы (в насмешку ее называли царицей, Коей), она заявила, что они с мужем могли бы быть очень богаты, но *сокровища Инков принадлежат мертвым и богам и касаться их запрещено*.

Ее спросили, видела ли она эти сокровища. Она ответила, что муж показывал ей их, и начала рассказывать такие сказки о роскоши и пышности Храма Смерти, что ей, разумеется, никто не поверил.

Точно так же никто не верил воинам Писарро, когда они рассказывали, что в Перу у их лошадей были серебряные подковы.

Примечания

Роман Гастона Леру (1868-1927) «Невеста Солнца» («L'Épouse du Soleil») был впервые напечатан в журнале «Je sais tout» в марте-августе 1912 г. Первое книжное издание вышло в Париже в 1913 г.

Русский перевод З. Ж. (очевидно, Зинаиды Журавской) был опубликован в журнале «Волны» одновременно с первой французской публикацией.

При подготовке текста к изданию была осуществлена значительная стилистическая правка, исправлены неточности перевода, добавлены пропущенные в исходном переводе фрагменты. Орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам.

Французский текст изобилует примечаниями со ссылками на многочисленные источники — от заметок путешественников до исторических хроник и исследований — использованные Леру в работе над романом. Зачастую эти примечания представляют собой простые отсылки к тем или иным трудам. В нашем издании переведены наиболее существенные из них. Не отмеченные как авторские или редакторские примечания взяты из исходного перевода.

Заглавия некоторых книг романа, оставшихся в оригинале безымянными, принадлежат редактору.

В заключение отметим, что у инкских имен и терминов часто существует несколько транскрипций, порой зависящих от того, передается ли испанская версия или язык кечуа. В этом смысле редактор не придерживался абсолютного единства, выбирая, как правило, самые употребительные варианты. Одним из исключений является устаревший вариант имени «Гуаскар», которое сегодня следовало бы передавать как «Уаскар».

На фронтисписе использована иллюстрация к роману работы М. Орази (1860-1934).

Л. П.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.